Роберт Говард

КОНАН И ГНЕВ СЕТА

Северо-Запад

Annotation

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

«Северо-Запад», 1996, том 46 «Конан и Гнев Сета»

Морис Делез. Гнев Сета (роман), стр. 5-320

- Морис Делез
  - Часть первая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
  - Часть вторая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
  - Часть третья
    - Глава первая
    - Глава вторая

Морис Делез
Гнев Сета
(Санкт-Петербург, «Северо-Запад», 1996, том 46 «Конан и Гнев Сета»)

Часть первая
НОВАЯ БЕДА

Глава первая
В РАЗНОЕ ВРЕМЯ, НО ОЧЕНЬ ДАВНО

— Мать Земли, всемогущая Иштар! — привычно шептали губы девушки, и по ритму ее речи было понятно, что слова эти она повторяет не впервые.— Ты покровительствуешь всем влюбленным, так помоги же и моей любви! — в отчаянии выкрикнула она.— Даруй мне возможность соединиться с любимым! Ты ведь знаешь, как сильна и безгранична моя любовь к нему, но даже она не в силах побороть мрак неизвестности и победить разделяющее нас расстояние. Так не дай ей угаснуть, ведь ничего иного в жизни мне не надо! Лишь сознавать, что каждый час, каждую минуту он рядом, что он любит меня… Я же знаю, что это так! Разве слишком многого я прошу? Не откажи в моей просьбе! Ради этого я готова пожертвовать всем! Девушка говорила и говорила, порой даже не задумываясь над смыслом сказанного. Она буквально утонула в мечтах о человеке, которого любила всем сердцем. Временами могло показаться, что для нее вообще ничего не существует, кроме слов и мыслей о нем. В такие мгновения она впадала в блаженный транс, подобный тому, что испытывают разочаровавшиеся в настоящей жизни, махнувшие на все рукой курильщики Черного Лотоса, когда пребывают в навеянных дурманом снах, живут в них, совершенно позабыв, что все это — только мираж, недолговечная иллюзия, которая в любой миг может развеяться. Девушка же была много счастливее этих бедняг, потому что душа ее в это время обитала там, куда стремилась, а не в несуществующих мирах, в которые на время переносила опустившихся и отчаявшихся коварная сила черного зелья.

Она видела то, что желала видеть, или, вернее, того, к кому неуклонно тянулась ее исстрадавшаяся душа. Своего могучего, синеглазого героя-варвара, непобедимого и неукротимого. Это повторялось с пугающим родных постоянством — день за днем, неделю за неделей, в течение уже многих месяцев. Она молилась и видела его, так что, в конце концов, и сама уже начала задаваться вопросом: а не сходит ли она с ума? Однако едва эта тревожная мысль приходила девушке в голову, как она тут же понимала, что тревоги ее напрасны, ибо богиня, к которой она обращала свои мольбы, упорно молчала, не желая отвечать. Значит, девушка не потеряла еще здравости рассудка, способности трезво воспринимать

окружающее. А в том, что сила ее любви настолько велика, что способна заменить реальность мечтой… Что ж, этому она была даже рада: так меньше ощущалась боль.

Едва эта мысль проникла в ее сознание, как девушка шевельнулась, словно пришла в себя после тяжелого обморока: трудно расставаться с тем, что любишь. Особенно если предмет любви достижим, лишь в мечтах. Она тяжело вздохнула и встала, с величайшей тоской посмотрев на статую Иштар, которой только что молилась. Изображение богини было вырезано из слоновой кости столь искусно, что невозможно было отыскать ни малейших признаков соединения отдельных частей в единое целое. Когда-то это удивляло девушку, приводило в восторг, теперь стало безразличным.

Она легла в постель и тихонько заплакала, не в силах вынести боль от одного только предположения о том, что больше никогда не увидит его, что они расстались навсегда и никогда-никогда больше не встретятся. Постепенно мысли девушки становились все более вялыми и ленивыми, и она сама не заметила, как заснула. Ей казалось, что она все так же лежит в своей постели и тоскует о любимом, с которым злосчастная судьба развела их, судя по всему, навсегда. Она думала о том, что никогда уже не увидит его.

Никогда…

Какое страшное слово… Прежде она не задумывалась о его фатальном, ужасном значении. Для подобных мыслей просто не было причины. Лишь теперь она поняла всю глубину этого простого и обыденного слова — никогда! Никогда она не ощутит больше блаженного трепета от одного только осознания — он с ней, рядом. Никогда больше она не испытает грубую и в то же время нежную ласку его сильных рук. Никогда его губы не коснутся ее пылающего лица, ее истосковавшихся губ…

Никогда!

Ее лицо исказила гримаса боли. Она рывком откинула с себя одеяло и бросилась на колени перед статуей Иштар.

— О, Мать Земли, всемогущая Иштар!— словно в горячечном бреду, зашептала она, почти слово в слово, повторяя свою молитву.— Ты покровительствуешь влюбленным, так помоги же и моей любви!— выкрикнула она и дальше уже забормотала сквозь слезы:— Молю тебя, даруй мне возможность соединиться с любимым! Ты же знаешь, какие испытания преодолела моя любовь к нему, так не дай ей угаснуть, ведь ничего иного в жизни мне не надо! Я не желаю другой судьбы. Лишь сознавать, что каждый час, каждую минуту он рядом, со мной, что он

любит меня… Он любит меня, я знаю! Так разве слишком многого я прошу?! Не откажи в моей просьбе, ради исполнения которой я готова пожертвовать всем!

Наконец, она выговорилась, подняла залитое слезами лицо, и тут произошло невероятное: статуя Иштар шевельнулась, и богиня, к милосердию которой она только что взывала,— или и не богиня вовсе? — присела рядом с девушкой и обняла ее за плечи.

— Эх ты, бедняжка моя!— участливо заговорила незнакомка, стараясь успокоить девушку.— Как хотелось бы мне помочь тебе,— она вздохнула,— да не могу!

При этих словах вспыхнувшая, было, в глазах несчастной надежда угасла окончательно. Девушка ткнулась в плечо богини, совершенно позабыв о том, кто она, и некоторое время обе молчали, похожие на двух подруг или сестер.

— Неужели ничего нельзя поделать?— тихо прошептала молившаяся.

— Если бы вы были вместе, и вам что-то угрожало, тогда — да! А так…— Иштар сокрушенно вздохнула.— Поверь мне, твой избранник еще не скоро угомонится, и не в моих силах изменить его, а без этого…

— Так посоветуй мне хоть что-нибудь!— Девушка посмотрела на богиню, едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться снова.— Ведь ты же богиня!

— Ты забываешься, смертная!— Лицо Иштар вспыхнуло от гнева, и некоторое время она молчала, словно придумывала наказание, которому собиралась подвергнуть дерзкую девчонку.— Я уже жалею, что явилась тебе, но, раз это произошло, совет тебе все-таки дам. Забудь Конана! Время излечит боль, и ты сможешь полюбить еще раз!

Она посмотрела на девушку, но та сидела, не шевелясь, и богиня подумала, что действительно лишь зря потратила время. Похоже, даже лучшие из смертных теряют способность здраво мыслить, стоит лишь задеть то, что они считают для себя важным. Она отстранилась и сокрушенно покачала головой, а когда девушка вновь взглянула на нее, Иштар уже замерла в прежней позе. Богини больше не было в комнате, лишь статуя смотрела куда-то поверх головы несчастной.

Девушка нимало не огорчилась, настолько холодным и бессмысленным оказалось благосклонное участие богини, а совет, которым та пыталась ободрить ее, скорее ранил, нежели успокаивал. «Как она сказала?— Девушка задумалась, пытаясь припомнить.— Забудь Конана и сможешь полюбить другого! Ну, уж нет! Благодарю покорно! — Лицо ее запылало от праведного гнева.— Просто так я не сдамся!»

Правда, придя к такому решению, она и сама толком не отдавала себе отчета в том, что означают ее слова и что она собирается делать дальше, чтобы осуществить свой замысел. Зато слишком хорошо она знала, какие шутки порой выкидывает с людьми жизнь. И вот тут, пожалуй, богиня действительно права. Через год или два, когда уляжется боль, наверняка объявится какой-нибудь занюханный юнец, чем-то отдаленно напоминающий киммерийца. Ее живое воображение наделит его недостающими достоинствами, она выйдет замуж, решив, что судьба наконец-то улыбнулась и ей, а еще через пару лет ее постигнет убийственное разочарование в избраннике. Она поймет, каким ничтожеством попыталась заменить его! Но изменить ничего уже будет нельзя. И вот тогда начнется самое страшное: потянутся постылые будни, дарящие не радость каждодневного бытия рядом с любимым, а лишь приближающие миг желанной смерти.

И такой выход присоветовала ей могущественная Иштар!

Девушку разобрал истерический смех, и, будучи не в силах, да и не считая нужным сдерживаться, она рассмеялась. Смех ее становился все громче и громче. Вскоре она поймала себя на том, что не может остановиться, и сама уже не смогла бы сказать, над чем смеется — над собой, над дурацким советом обладающей своеобразным чувством юмора Иштар или над своей злосчастной судьбой. Она продолжала смеяться и, смеясь, постепенно просыпалась, но пробуждение не принесло ей радости. Пожалуй, наяву все обстояло еще хуже, просто потому что явь — не сон… Она смеялась, пока в какой-то миг не осознала, что вовсе не хохочет в голос, как ей до сих пор казалось, а тихонько скулит, оплакивая себя, словно и не жива уже, хотя еще и не мертва.

За окном тихо разгорался кровавый рассвет. Скоро солнце поднимется и вновь начнет плавить город, так что к вечеру улицы пропекутся до состояния раскаленной печи. Ну и пусть. Зато теперь она точно знает, что не останется здесь ни за что. По крайней мере, не останется надолго. Иштар, сама того не ведая, показала, что ожидает ее в будущем, и это постылое грядущее казалось девушке настолько ненавистным, что она решила: чем жить так, лучше уж не жить вовсе. Но расстанется с жизнью она не раньше, чем пройдет по всем возможным и невозможным путям, ведущим к нему.

* * *

Бег, наполненный страхом, начал утомлять. Особенно потому, что бегун и сам уже не помнил, как долго бежит. Ему даже начало казаться, что всю жизнь. Самое же страшное заключалось в том, что он остался один, и некому было поддержать его: надежда, которая, как утверждали всегда оптимисты, умирает последней, скончалась еще утром. После ее смерти он уподобился животному. У него остались лишь инстинкты, и то всего лишь три из них; страх, обострившийчувства до предела, жажда жизни, что гнала его вперед, и стремление убивать, чтобы не быть убитым. До тех пор пока эта троица не предала его, как это сделала надежда, у него оставался шанс. По крайней мере, до сих пор именно они помогали ему выжить, но сейчас он не думал об этом. Впрочем, как и ни о чем другом. Просто, почувствовав усталость, он привычно перешел на размеренный шаг, хотя и осознавал, что это ничего не дает: ему нужен настоящий отдых, а не передышка на ходу.

Воин был явно не молод, но зато опытен, силен и вынослив, что с лихвой искупало избыток прожитых лет. Именно благодаря этим качествам он и оказался здесь, в трижды проклятом богами месте, где ник– то иной не протянул бы и часа. Однако и сам он отнюдь не был выкован из стали, и его закаленное годами тренировок и десятками сражений тело обладало своим пределом выносливости, который именно здесь ему впервые в жизни довелось исчерпать. Дыхание срывалось и, несмотря на то, что он уже не бежал, никак не хотело восстанавливаться. Легкие никак не могли набрать столь необходимый воздух и с глухим хрипом выбрасывали его остатки из лихорадочно вздымавшейся груди, словно стянутой огненным обручем. Он давно бы упал, но страх, неодолимый страх, постоянно напоминал, что нельзя делать этого, а жажда жизни гнала вперед, и лишь теперь, когда последние силы оставили его, страх словно испарился. Воин встал посреди мрачной черноты подземелья, чувствуя, что не в силах больше сделать ни шагу, даже если от этого будет зависеть его жизнь.

Его бронзовое, бугристое от мышц, мощное тело было почти обнажено. Наготу прикрывала лишь набедренная повязка, да на ногах были сандалии с ремнями, охватывавшими голени почти до колен. В правой руке воин сжимал короткий, широкий меч, ножны от которого выбросил, когда почувствовал, что они вдруг стали непомерно тяжелы. В левой он держал последний, уже наполовину сгоревший, факел. Длинные светлые волосы, стянутые на затылке синей шелковой лентой, свободно падали на спину.

Постепенно дыхание беглеца успокаивалось. С утра это была уже четвертая передышка и, как и в предыдущие разы, сознание вернулось к

нему, напоминая о том, что он человек, и дразня свободой выбора, хотя на самом деле никакого выбора не было и в помине и все пути вели в никуда. Однако иллюзия казалась слишком заманчивой, чтобы от нее отказываться, а потому он стоял, задумавшись, и не мог сообразить, что делать и куда идти, а главное, тщетно пытаясь ответить на вопрос, который уже не однажды задавал себе: где он? Пот обильно струился по загорелому, мускулистому телу, но беглец не замечал этого. Нужно было решить, что делать, и как можно быстрее.

Почувствовав внутренний толчок, словно что-то липкое обволокло его мозг, воин вздрогнул от безотчетного ужаса. Он быстро огляделся, освещая коридор неровным светом догорающего факела, но ничего утешительного не увидел, потому что не обнаружил вообще ничего. Те же заплесневелые стены и тьма, из которой доносились отвратительные звуки, будто кто-то громко чмокал и скреб камень твердыми когтями. Он прислушался и понял, что не совсем прав. Звуки изменились. Временами в них вплеталось нечто похожее на раздирающее душу рыдание, которое так же внезапно сменялось натужным кряхтением, будившим совершенно иные мысли. Но главным было то, что вся эта какофония явно издавалась не человеческими глотками. Беглец, даже не видевший лицедеев, устроивших это дикое представление, от которого мороз продирал по коже, вздрогнул от страха, порожденного только что родившейся мыслью. Он подумал о том, что зря остановился, ибо теперь звуки начали приближаться, наплывать, грозя проглотить его отвратительной пастью неведомого, с наслаждением причмокнув осклизлыми губами.

Он быстро пошел прочь, размышляя о своем бедственном положении, и только теперь осознал, что находится в подземелье не так уж и долго. Об этом говорило хотя бы то, что он до сих пор еще не спал, да и сейчас не испытывал потребности в сне. Конечно, опасность подстегивает, но, когда наступит срок, а, судя по всему, случится это уже скоро, сон непременно настигнет его и свяжет по рукам и ногам. Чтобы отвлечься, он попытался припомнить случившееся, когда еще, полный сил и честолюбивых мечтаний, он, окруженный шумной компанией таких же, как сам, много повидавших на своем веку отчаянных рубак, спустился в подземелье. Теперь он проклинал своих товарищей за дурацкую беспечность, хотя тем уже было все равно. Впрочем, большую часть случившегося с ними вряд ли можно было предвидеть. И все-таки они обязаны были вести себя осмотрительнее!

«Если бы мы только могли заранее знать о том, что ждет нас здесь!»— с горечью думал воин, невольно ускоряя шаг, потому что звуки все

приближались, а свет факела тускнел. Он бы не остался сейчас в одиночестве, а будь у него хоть один спутник, насколько все было бы проще! Чувствовать плечо друга, всегда готового встать рядом,— что может быть прекрасней! Но все погибли. Он последний. Еще живой… И он мечется в этой заплесневелой ловушке, точно крыса,— единственный из восьмерых, кому удается пока водить за нос костлявую, но загнанный в самое сердце подземелья, от страха уже лишившийся способности соображать!

Где-то совсем рядом упал камень, словно кто-то крадущийся следом в темноте неосторожно сдвинул его со своего места. Этот звук на время оторвал беглеца от черных, тягостных мыслей и вернул к не менее мрачной действительности. Воин вздрогнул и с тоской осмотрелся. Из последнего зала он свернул в этот коридор, почему-то показавшийся ему безопаснее прочих, и до сих пор у него не было причин ни для сожалений (как бы там ни было, а он жив!), ни для раздумий, ибо сворачивать просто некуда. Теперь же коридор сделался шире и начал разветвляться. Беглец вновь осмотрелся, наугад выбирая путь, которым ему предстояло идти. Все, что он видел вокруг, было одинаково омерзительно. Воняло застарелой сыростью и тленом. Покрытые паутиной трещин стены блестели от проступающей влаги, а отвратительные белесые слизняки, ползавшие по потолку, который мерцал при свете факела, зажатого в левой руке, создавали впечатление жуткой нереальности, дурного сна, от которого нет пробуждения.

В голове острой болью пульсировала единственная мысль: раздумывать некогда, нужно действовать! Выбрав новое направление, он опять побежал. Тревожно колотившееся в груди сердце добросовестно отсчитывало оставшееся для жизни время. Он понимал, что, если хочет уцелеть, не имеет права тратить его даром, а главное — не должен упустить ни одной мелочи, любая из которых может стать роковой. И, тем не менее, он бежал, стараясь не смотреть лишний раз по сторонам. Он уже перестал быть тем сорвиголовой, что спустился сюда сравнительно недавно. Он стал смертельно опасным трусом, которого обуревало единственное желание — выжить! Теперь все приводило беглеца в ужас. Иногда ему казалось, что этот ужас преследует его с первого мгновения, с самого начала, когда он только вступил под эти проклятые богами своды, что само по себе было уже совершенной нелепостью.

Потной ладонью он судорожно сжал меч, и, быть может, именно это привычное движение вновь вернуло его мысли к прежнему. К тому времени, когда он был не один. Настороженные, но, как оказалось,

совершенно беззаботные искатели приключений опомниться не успели, как первый из них, не пройдя по коридору и сотни шагов, был схвачен огромной змеей, выползшей из какой-то темной дыры в стене. Конечно, они тотчас бросились на выручку, хотя каждый в душе понимал, что уже поздно: выпавший из руки факел остался лежать на полу, а крик, исполненный ужаса и боли, быстро удалялся в темноте коридора, пока не затих. Они поняли, что это конец. Каждый выплеснул море эмоций и высказал немало слов, но парень был сам виноват — оторвался от группы, и хищник, увидев, что добыча ему по зубам, решился напасть.

Тогда они еще могли уступить голосу разума и вернуться, но никто даже не предложил этого. Каждый считал себя героем, способным на многое, а уступить — значило проявить трусость. Они дали себе и друг другу слово впредь держаться вместе и больше глупостей не делать. Эта клятва сыграла с ними злую шутку, и вместо того чтобы собраться, они успокоились. Гордость погнала их вперед, и расплата за самонадеянность и глупость последовала незамедлительно. Второй из них, хоть и шел всего на пару шагов впереди основной группы и никак не нарушил договоренности, наступив на безобидный с виду выступ в полу, провалился неизвестно куда. Оставшиеся вокруг плиты были незыблемы, за исключением той, что так коварно сорвалась, унеся с собой жизнь их товарища в бездну. Вся компания разозлилась, хотя делать этого не стоило. Прошло не слишком много времени, прежде чем еще двое, идя по краю обрыва, не ухнули в пропасть. Они шли последними, и узкая тропа обвалилась у них под ногами в том месте, где только что благополучно прошли другие.

Их группа уменьшилась ровно вдвое, но оставшиеся упорно шли вперед, словно единственной их целью была бессмысленная смерть. Постепенно становилось все жарче. Впечатление было такое, словно этажом ниже кто-то растопил чудовищную печь, а четверо людей неизвестным образом угодили прямо в ее раскаленное нутро. Однако они продолжали упрямо шагать, на ходу сбрасывая с себя одежду. В какой-то миг, увидев, как с потолка что-то капает и, подумав, что это вода, пятый блаженно зажмурился и подставил лицо, желая охладить раскаленное тело. То, что с беднягой произошло через несколько секунд, до конца жизни не удастся забыть. Кожа с лица мгновенно сползла, обнажив тут же обуглившуюся кость черепа, глаза лопнули и закипели, а в уши им какой-то миг, и ударил оглушительный вопль, почти сразу перешедший в хриплое утробное бульканье. Проклиная все на свете, они вынуждены были снести бедняге голову, спасая его от лишних мучений.

Так их осталось трое. К сожалению, ненадолго. К этому времени люди

оказались в просторном зале, где предпоследний из них угодил в изощренную ловушку. Видимо, он задел за неразличимую в темноте нить, или Нергал его знает за что. Только нога его угодила в капкан, и, оглашая подземелье воплями и размахивая руками, он пытался вырваться, с ужасом глядя, как медленно кренится огромная глыба, до тех пор мирно покоившаяся в пяти локтях над его головой. Когда ужасный грохот стих и пыль осела, они увидели, что на их приятеля упал-таки камень, из-под которого осталась торчать только левая рука.

Почти сразу последний его товарищ был схвачен огромным пауком, выскочившим из бокового прохода. Словно отщипнув ягоду от ветки винограда, тварь скусила человеку голову и с отвратительным хрустом принялась ее грызть. Последний из компании, не соображая, что делает, помчался, куда глаза глядят. Довольно скоро он понял, что окончательно заблудился, назад дороги не помнит, а значит, спасения нет, и он обречен. Что делать ему одному? Куда идти в этом подземелье, кишащем смертоносными тварями? Ответа на эти вопросы у него не было. Надежда предательски покинула его, и после этого он лишь бежал вперед, не разбирая дороги, рассчитывая, что лабиринт подземелья сам выведет его наружу, а на деле лишь забираясь вглубь его. Четырежды он ненадолго останавливался, чтобы передохнуть, и как только дыхание восстанавливалось, возобновлял бег, который продолжался и теперь.

Тихий шорох послышался слева, заставив воина насторожиться, но что за тварь затаилась в темноте, он понять не успел. Над самой головой его возникла огромная черная тень, и молнией мелькнувшая длинная, когтистая лапа распорола нагое тело беглеца от паха до горла. Он рефлекторно напрягся, словно это могло спасти его, и перед тем как темная пелена смерти заволокла сознание, успел увидеть повалившиеся на землю внутренности. «Мои!»— с ужасом промелькнуло в голове. В тот же миг руки его ослабели и выпустили факел, который ткнулся в кровавое месиво и, затрещав, потух одновременно с сознанием несчастного.

* * *

На ступенях скромного храма, тяжелые двери которого были широко распахнуты, девушка в последний раз оглянулась, желая проверить, не следит ли за ней кто-нибудь, не без трепета ступила за порог и оказалась в

небольшом, но уютном зале, заполненном молящимися. Судя по всему, приход этой посетительницы не был неожиданностью для служителей храма, потому что явно поджидавший кого-то жрец тут же подошел именно к ней и, знаком показав, чтобы она следовала за ним, мгновенно скрылся в темном боковом проходе, который тут же закрылся, как только незнакомка оказалась внутри.

Вбежавший следом за ней слуга, о присутствии которого девушка и не подозревала, но которому строго велено было не спускать с госпожи глаз, тяжело дыша, испуганно озирался, переминаясь с ноги на ногу и силясь понять, куда девалась молодая хозяйка. Однако небольшой круглый зал был пуст, не считая нескольких страждущих, которые раболепно склонились перед статуей Деркэто и что-то усердно вымаливали у прекрасной богини. Слуга с десяток раз прошелся взглядом по спинам молившихся, но той, кого парень искал, среди них не было, хотя он ясно видел, как она вошла сюда через приветливо распахнутые двери.

Хотя он уже окончательно понял, что упустил хозяйку, но все еще бездумно продолжал растерянно смотреть по сторонам, в тщетной надежде увидеть ту, которой здесь не было. Быть может, так он и стоял бы еще очень долго и с тем же результатом, но тут к нему подошел служитель, судя по внешности, тот самый, что увел таинственную посетительницу внутрь здания. Он остановился рядом и легко тронул парня за руку.

— Ты кого-то ищешь, брат?— мягко спросил он.

— Девушка…— промямлил парень, озираясь и с трудом проглатывая застрявший в горле комок.

— Тебя бросила девушка?— участливо уточнил жрец, и в глазах его вспыхнули веселые огоньки.

— Да,— кивнул он, пока парень собирался с мыслями,— к сожалению, в нашем несовершенном мире такое случается слишком часто. Ты пришел просить Богиню Страсти вернуть тебе ее расположение?

— М-м-м! — неопределенно промычал парень, неизвестно что попытавшись выразить этим, потом покраснел и затряс головой не в силах больше вымолвить ни звука, быть может, как раз потому, что жрец оказался не слишком далек от истины.

— Не стоит стесняться.— Служитель говорил не громко вроде бы, но и не тихо. Его бархатистый голос удивительным образом был слышен лишь им двоим. Странная акустика этого зала специально была рассчитана так, что сколько бы пар ни говорило одновременно, никто из них не мешал бы другим и в то же время не рисковал выдать своих секретов. Именно поэтому, хотя, кроме них, все молчали, остальным не было до них никакого

дела.

— Такое может случиться с каждым — и с королем, и с нищим,— улыбнувшись, закончил жрец свою мысль.— Идем со мной.— Он мягко подтолкнул юношу.— Если ты понравишься богине,— с улыбкой пообещал он,— быть может, она согласится оказать тебе эту маленькую услугу.

Парень огляделся, но госпожи по-прежнему не было видно. Тогда он пожал плечами и махнул рукой — была, не была! Потерял он ее из виду где-то здесь, а еще мама в детстве повторяла: «Где потерялся, там и стой!» Так что нечего метаться: глядишь, взбалмошная хозяйка здесь же и объявится! Успокоив себя этой нехитрой мыслью, недалекий деревенский паренек направился за жрецом.

* * *

Едва переступив порог, девушка остановилась.

— Я пришла!— объявила она, еще раз подтвердив своими словами мысль о том, что ее тут ждали.

— Вижу!— ответила вышедшая навстречу ей жрица.— Ты принесла то, о чем мы договаривались?

— Да,— кивнула девушка,— здесь сто туранских империалов.— Она взвесила на руке туго набитый кожаный мешочек.— Скажу откровенно: запросила ты много.

— Те, кому охота сберечь свои деньги, могут беспрепятственно помолиться в общем зале,— усмехнулась жрица, но тут же посерьезнела.— Поверь мне, внимание богини стоит немало и добиться его непросто!

— Я понимаю и не сожалею,— кивнула девушка, протягивая ей деньги,— был бы толк!

— А вот об этом ты узнаешь сама, и очень скоро! — Жрица убрала золото в резной ларец из розового дерева и указала просительнице на тяжелое каменное кресло, больше напоминающее трон.— Садись. Сейчас ты встретишься с богиней и сможешь лично передать свою просьбу.— Она усмехнулась.— Если, конечно, на то будет воля могущественной Деркэто!

Стараясь не смотреть на покрывавшую поверхность кресла затейливую резьбу, которая изображала сцены соития всеми мыслимыми и немыслимыми способами, девушка села на широкое сиденье, оказавшееся неожиданно удобным, и замерла от охватившего ее волнения, когда жрица

нараспев произнесла:

— О, могущественная богиня, Повелительница Страсти, услышь меня!

Она стояла на коленях, воздев руки к высокомерно взиравшей на нее статуе Деркэто, словно то было не искусно отлитое из бронзы творение рук человеческих, а сама богиня, грозная и могущественная, которая снизошла до общения со своей служительницей. Странная атмосфера сопричастности к чему-то великому возникла в маленькой комнатке, ибо само это место казалось освященным божественным вниманием, и чувствовала это не только жрица. Сидевшая в кресле девушка тоже видела лишь богиню, и ничего более, хотя голос служительницы еще достигал ее слуха.

— Ты одна повелеваешь самым святым для человека,— взывала она, под усиливающееся гудение невидимого горна,— ты в силах одарить человека животной похотью, неистовой страстью, равно как и высокой всесжигающей любовью!

Не больше двух локтей в высоту статуя из темной бронзы, стоявшая перед жрицей на круглом постаменте из красного гранита, наливалась вишневым свечением. Приятное тепло, распространявшееся от ее тела и до сих пор незаметное, понемногу перешло в удушливый жар. В комнате повисло колеблющееся полупрозрачное марево, и девушка почувствовала, что тело ее мгновенно покрылось липким потом, а мир сузился, и теперь она видела лишь богиню, которая внезапно выросла до нормального человеческого роста.

— Могущественная!— восторженно взвыла жрица и потянулась к богине.— Снизойди же до просьбы той, что пришла к тебе за помощью!

Она пала ниц, да так и осталась лежать, словно те немногие слова, что она сейчас произнесла, отняли у нее последние силы.

С возрастающим ужасом девушка смотрела на статую, налившуюся тяжелым багровым сиянием. Глаза Деркэто продолжали накаляться, пока не засияли слепящим золотом солнца. Просительница вгляделась в эти глаза, и уже не могла оторвать от них зачарованного взгляда. Раскалившиеся добела зрачки шевельнулись, и девушке показалось, что богиня увидела ее…

— Че-го ты хо-чешь?— простонала в смертной тоске распластанная на полу жрица, не меняя позы и даже не двигаясь, словно сама обратилась в живую статую.

Но девушка даже не взглянула на нее.

— Я хочу соединить свою судьбу с тем, кто избегает меня!— ответила она, глядя в сияющие глаза богини.— О том я молила Иштар, но Мать

Земли отказалась сделать это.

— Как его имя?— передавая волю богини, тихо прошептала жрица, и девушке почудилось, что на это ушли остатки сил храмовой служительницы.

— Конан,— просто ответила она, и жрица угрожающе зарычала, то ли от боли, то ли от гнева, но пошевелиться так и не смогла.

Девушке показалось, что бронзовый лик богини едва заметно вздрогнул, как то бывает с человеком, нежданно застигнутым врасплох каверзным вопросом собеседника. Призрачно колеблющееся марево сгустилось вокруг раскаленного бронзового тела, обратившись полупрозрачной, скрывающей тело вуалью и придав пылающим чертам вид расплывчатый и неопределенный. Зато молящая могла поклясться, что теперь она видит не статую, а живого человека. Словно заинтересовавшись разговором, могущественная богиня не одним лишь духом, но и телесно перенеслась в храм. Вихрь пламени взметнулся перед глазами просительницы, раскаленным языком вылизал каменные своды и на миг загородил собой видение, но тут же угас.

Впервые Деркэто обратилась к девушке не через жрицу. Она заговорила сама, и, дрожа от волнения, просительница услышала голос богини — низкий и страстный, с едва заметной хрипотцой.

— Ты уверена, что действительно желаешь этого?

— Да!— не задумываясь, выкрикнула девушка, в волнении прижимая руки к груди.

— Что ж,— помолчав, медленно произнесла богиня,— пожалуй, я соглашусь тебе помочь…— Она посмотрела на застывшую в напряженном ожидании смертную.— Но цена может оказаться слишком высокой… Ты подумала об этом?

Сердце девушки затрепетало в груди. Она боялась поверить в услышанное, а из сказанного поняла лишь то, что ей могут помочь. Все остальное осталось за рамками сознания.

— Я…— Она судорожно вздохнула, пытаясь справиться с охватившим ее волнением.— Я готова все отдать! Все, что у меня есть!

— Ха-ха-ха!

Мягкий хрипловатый смех богини показал, как далека она от человеческих ценностей, и нехорошее предчувствие впервые закралось в душу просительницы, но она упрямо отогнала все сомнения.

— Чего же ты хочешь? — стараясь казаться спокойной, спросила она.

— Я?— Голос Деркэто выражал искреннее удивление.— Мне ничего не нужно от тебя, смертная. Просто я хочу, чтобы ты ясно осознавала:

просьба твоя может стоить тебе жизни!

— Жизни!— не сдержавшись, воскликнула девушка и почувствовала, как, несмотря на царившую в комнате жару, внезапно налетевший озноб покрыл ее тело мелкими противными пупырышками.— Я согласна! — выкрикнула она, стараясь ни о чем не думать и не спрашивать.

Пораженная услышанным, она не видела странного взгляда скрытого в сгустившемся жарком мареве богини, но ей показалось, что та удивленно, хотя и едва слышно усмехнулась.

— Ты смелая девушка.— В голосе богини впервые за весь разговор послышались нотки уважения и, как показалось просительнице, скрытой зависти.— Выслушай же меня. Я могу сделать для тебя только одно — переселить твою душу в тело той, кого Конан выберет себе в подруги.

— Но ведь та, другая…— Девушка умолкла, страшась произнести последнее слово.— Умрет?— собравшись с силами, все-таки прошептала она и вопросительно посмотрела на Деркэто.

— Какое тебе до нее дело, смертная?— удивилась богиня.— Ведь ты даже не будешь знать, кто она!

— Нет!— в отчаянии выкрикнула девушка, собственным отказом уничтожая зародившуюся было надежду и, не в силах вымолвить больше ни слова, затрясла головой. Обжигающая жара, словно верный пес, принялась слизывать слезы, помимо воли брызнувшие из прекрасных глаз.

— Что ж, будь, по-твоему,— покачав головой, ответила богиня.— Мы можем сделать иначе.— Она замолчала, еще раз обдумывая то, что собиралась сказать. — Хотя это будет значительно труднее, я попытаюсь проникнуть мысленным взором в будущее. Если все получится, я узнаю ту, которой предначертано судьбой стать его женщиной, и, когда ей придет срок родиться, отправлю тебя к ней. По потоку времени ты скользнешь назад, узнаешь обо всем, что должно случиться с тобой, а когда достигнешь поры ее младенчества, и ей настанет время родиться, твоя душа сольется с лишенным пока души телом неродившегося еще ребенка. Это тебе подходит?

Богиня замерла, ожидая ответа, но девушка не в силах была промолвить ни слова, лишь судорожно кивнула, показывая, что согласна.

— Хорошо.— Деркэто прищурилась, оценивающе глядя на нее.— Тогда слушай меня внимательно. Мы не можем терять ни мгновения и потому начнем немедленно. Вернувшись отсюда домой, ты захвораешь, но не бойся. Твой дух отойдет от тела тихо и безболезненно,— сказала она с усмешкой, от которой у девушки похолодело внутри.— Это необходимо для того, чтобы в нужное время твоя душа оказалась рядом со мной. Надеюсь, я

говорю достаточно ясно? Ты не должна пропустить миг собственного рождения, иначе все пропало! — Девушка лихорадочно кивнула и провела языком по пересохшим губам.— Но ты не бойся,— вновь повторила богиня,— все пройдет нормально, я уверена в этом. Опасность кроется в другом,— задумчиво сказала она и тут же добавила: — Мир вообще полон опасностей, а Конан вовсе не домосед!

— Он великий воин!— восторженно воскликнула девушка, тут же позабыв обо всем, кроме гордости за любимого.

— Он великий воин,— вторя ей, согласилась Деркэто,— а это значит, что его могут убить, и, если ему суждено было жениться на рабыне, ты проведешь свою жизнь в рабстве, так и не встретившись с ним.— Она со значением посмотрела в глаза просительнице и умолкла, давая ей время подумать.— А теперь решай!

— Я согласна!

* * *

Солнце стояло в зените, но в густой, словно сумерки, тени выросшего под выступом скалы раскидистого платана царила приятная прохлада, а налетавший время от времени несильный ветерок приносил ласкающую тело свежесть.

— И все-таки ты уходишь…

Голос говорившей оказался низким, но, несмотря на едва заметную хрипотцу, прозвучал среди стрекотания прятавшихся в траве насекомых бархатисто и нежно.

— Да,— просто ответил Конан, поднял с земли свой верный меч и взвесил его на руках.

Потертые ножны отливали вишневым в солнечных лучах, словно впитали в себя всю ту кровь, что пролил покоившийся внутри клинок.

— Ты твердо решил?— Глаза говорившей еще светились слабым отблеском надежды.— Я надеялась, ты передумаешь,— с нескрываемой грустью сказала она, вставая, и шагнула к нему, но киммериец лишь отрицательно покачал головой.

Он давно сказал себе, что уйдет непременно, но, разрази его гром, если испытываемое им сейчас чувство можно было назвать радостью! Однако он принял решение и вовсе не собирался его менять.

— Поцелуй меня… На прощание,— попросила женщина с несвойственной ей робостью, и киммериец не смог отказать ей.

Ее прощальный поцелуй оказался необычно нежен, быть может, именно потому, что был последним, но, едва губы двух людей соединились, Конан ощутил в нем и нечто особенное, чего никогда не чувствовал прежде. На беду свою, он не сумел сразу разобраться в собственных ощущениях, а когда понял, что к чему, было уже поздно. Ее невинная с виду нежность оказалась той крохотной песчинкой, которой, упав, суждено вызвать сметающую все на своем пути лавину, и если уж она сдвинулась, то сдержать ее невозможно ничем. Слишком поздно молодой варвар осознал коварство богини и все-таки попытался бороться со стремительно набиравшим силу желанием остаться с ней еще на день, прекрасно представляя себе, чем эта уступка неизбежно должна закончиться. А он-то, простак, думал, что она хочет всего лишь подарить ему прощальную ласку! Ему и в голову не пришло, что он может попасть в коварную ловушку!

С усилием он заставил себя оторваться от ее пьянящих, лишающих воли губ, но вопреки ожиданиям это лишь усилило муку, породив непреодолимое желание вновь припасть к ним. Он поборол и эту слабость и даже заставил себя сделать шаг назад, но с удивлением обнаружил, что на самом деле лишь плотнее придвинулся к искусительнице. Несмотря ни на что, он не собирался сдаваться, но, когда она заглянула киммерийцу в глаза и томно простонала своим низким, бархатистым, ласкающим слух голосом: «Ко-на-ан!»,— то звук ее голоса оказался той последней лаской, сладкой волной прокатившейся по напряженному телу, после которой, он знал это, уже нет пути назад.

Неуловимым движением она взяла его руку, прижала к своей груди, и, когда огненный вихрь полыхнул внутри, Конан понял, что опять проиграл. К Нергалу!

Словно обезумев, киммериец сжал ее в объятиях.

— Деркэто!

Он сам не понял, сказал он это или подумал, что сказал, но только богиня услышала его призыв, и не сдерживаемое больше ничем пламя ее страсти бурно выплеснулось наружу. Он почувствовал на себе ее неистовые, сводящие с ума объятия, и мир перестал существовать, рассыпавшись снопом разноцветных искр и полыхающих жаром огненных шаров. Они же, став единым целым, помчались среди этого буйства красок, проносясь мимо сжигавших их светил, пока не почувствовали, что и этот мир неустойчив и разлетается фейерверком ярчайших взрывов, все сильнее сотрясающих их тела, грозя смять, уничтожить.

* * *

— Так все-таки ты уходишь!

Слова были теми же, да и голос тот же, но теперь в нем звучала не нежность, а отчаяние и порожденная ею горечь.

— Ухожу,— ответил Конан, прикрепляя меч на его законное место за спиной.

— Ты все-таки решился…— Несмотря ни на что, она еще не верила до конца в его уход.— Я так надеялась, что ты передумаешь! Ты даже не знаешь, как много я могла бы тебе дать!

Пытаясь удержать киммерийца, она даже не поняла, как унижает себя, но, на ее счастье, и он не подумал об этом.

— Мне не нужны подарки!— отрезал Конан.— Я привык брать то, что мне нужно, сам!

Закусив губу, она шагнула к нему, и хотя на этот раз в ее действиях не было скрытого подвоха, а лишь искреннее желание проститься, киммериец отрицательно покачал головой. Быть может, это недоверие и породило ее гнев? Как?! Она, Богиня Страсти, просит его о любви как о милости, а он, простой смертный, отказывает ей!

— Да знаешь ли ты, что я могу сделать с тобой?!— воскликнула она, надменно взглянув на него.

Конан обернулся, увидел, как невероятно она хороша, и на миг у него появилась мысль, а не плюнуть ли на все? В конце концов, много ли радостей у человека в жизни? Одну из них ему предлагают даром, просто за то, что он есть, а может быть, и не одну… Если бы еще Деркэто смогла понять, что для него жизнь — это приключение, ежедневная борьба, полная смертельной опасности, а уже потом любовь и сытный стол. Но без борьбы он не может! Иначе он просто загнется от тоски! Но она не понимает… Он тряхнул головой, словно сбрасывая наваждение. Как бы ни обернулось дело, но он знает, что на этот раз не потерпит поражения.

Улыбаясь, он медленно пошел назад, а она смотрела на него во все глаза, позабыв об отчаянии и гневе, не зная, чего ожидать от проклятого киммерийского варвара, в которого Рок угораздил ее влюбиться. В ней опять родилась надежда, робкая и неверная, и Деркэто, гордая и прекрасная, как несбыточная мечта, стояла и ждала, боясь вспугнуть ее.

Конан остановился в полушаге, обнял богиню, притянул к себе, заглянул в глаза, и в них она прочла ответ.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что сильнее меня?— вскипела Богиня Страсти, в гневе сделавшись стократ прекрасней, чем только что была, и попыталась вырваться, но варвар держал крепко.— Да что ты возомнил о себе, смертный?!

Лицо ее пылало, глаза метали молнии, но Конан, не обращая внимания на ее угрозы и не отрывая взгляда от сводящих с ума глаз богини, заглянул в их изумрудную глубину.

— Всего один прощальный поцелуй!— прошептал он.

— Ну, нет…— прошипела она.— По-твоему не будет никогда!

Однако, будто не слыша ее слов, варвар приник к приоткрытым губам, но в то же мгновение прекрасное и гибкое тело Деркэто обернулось змеей, и уже не красивейшую из женщин сжимал киммериец в объятиях, а скользкого гада, на кончике острых зубов которого заблестели ядовитые капли. Пытаясь вырваться, змея отчаянно извивалась, но Конан так и не разжал объятий.

Тогда Деркэто обратилась в чудовищного монстра, образ которого мог быть извлечен лишь из ночного кошмара душевнобольного. Острыми, как клинки кинжалов, когтями тот принялся раздирать человеку спину, и клочья мяса полетели во все стороны! И все-таки Конан не разжал объятий.

Видя, что ничто не помогает, она превратилась в гудящий яростным пламенем огненный столб, который мгновенно прожег тело киммерийца до позвоночника, но и тогда Конан не изменил себе.

Паника овладела богиней. Она принялась молниеносно менять образы, и еще тысячи раз сменила страшные и убийственные для смертного обличия, но киммериец не поддался ни одному из них. Он давно уже ослеп и оглох. Из ощущений осталась только боль, а из желаний — лишь жажда борьбы.

Наконец, упорство Деркэто иссякло — один из двоих неизбежно должен был победить. Конан почувствовал, как привычные ощущения возвращаются к нему, как постепенно затихает боль. Внезапно он понял, что вновь видит, что сжимает в объятиях не огненный вихрь и не ядовитую змею, а прекраснейшую из земных женщин, и тогда с новой силой, словно не было этого долгого кошмара, приник к ее устам. Потом он бережно опустил ее ослабевшее тело на траву, медленно, явно нехотя, развернулся и, преодолевая нахлынувшую горечь и чудовищное желание остаться, пошел прочь, не оборачиваясь, чтобы не видеть ее умоляющий взгляд.

— Ты пожалеешь о том, что бросил меня,— крикнула Деркэто ему

вслед.— Я могла бы одарить тебя вечной молодостью! Ты стал бы почти равен мне!

Услышав последние слова, Конан полуобернулся:

— Быть может, когда-нибудь, когда я забуду твой прощальный поцелуй, мы встретимся вновь, и к тому времени ты и в самом деле станешь равной мне. А пока я сильнее!

Сказав это, он пошел дальше, а она опустилась на траву и разразилась рыданиями. Что же она наделала! Едва не погубила самое дорогое, что у нее есть — свою любовь! Как же позволила она настолько овладеть собой гневу, что не смогла управлять собой? И почему киммериец не остался с ней, хотя уходил так, словно к ногам его были прикованы галерные цепи?! Она задавала себе эти и сотни других вопросов, но ни на один не находила ответа.

Наконец, она немного успокоилась и рассмеялась, не вытирая слез. Простой смертный победил ее, Богиню Страсти! Ее, которая одарила неудовлетворенной похотью всемогущего Митру, а теперь сама страдает тем же недугом! Ха-ха-ха! Совсем обезумев от этих мыслей, каталась она по траве. «Но что же делать?— спросила вдруг она себя.— Ведь я все равно люблю его!»

* * *

Колонны, которые подпирали низкий потолок с бордюром, украшенным широкой полосой причудливых фресок, протянулись по всему периметру комнаты или, скорее, небольшого зала. Они не были ни толсты, ни высоки. Быть может, именно поэтому, несмотря на довольно небольшие размеры, эта комната и казалась залом.

Еще больше впечатление усиливалось тем, что она была почти пуста. Все ее убранство составляли расположившиеся по углам четыре массивных медных треножника, которые держали освещавшие пространство мягким желтоватым светом масляные светильники, да золотой трон у дальней стены, тяжелый и угловатый, украшенный затейливой резьбой, которая изображала священнодействие слившихся в замысловатые вензеля змеиных тел.

Царившую вокруг тишину нарушали лишь потрескивание огня в светильниках да гулкое эхо, разносившееся по залу. В такие мгновения

язычки пламени начинали робко трепетать, словно и в самом деле боялись погаснуть и оставить посетителей в темноте. Они выражали свой страх, до неузнаваемости искажая тени, которые отбрасывали пятеро людей, замерших в центре зала, и на стенах, спрятанных за колоннами, метались, исполняя неведомый колдовской танец, причудливые силуэты.

Две женщины и трое мужчин стояли ровно в середине комнаты, где на полу мозаичной плиткой была искусно выложена зодиакальная карта, на которую днем из крохотного отверстия в потолке падало небольшое пятно света в строгом соответствии с реальным положением небесных светил.

Посетители спокойно ждали, никак не проявляя своего нетерпения, словно были лицедеями, которым не раз приходилось изображать молчаливую группу из пяти живых статуй. Выглядел каждый из них если уж не кошмарно, то, по крайней мере, необычно.

Один из мужчин, стоявший ближе всех к золотому трону, невероятно широкий в плечах воин с огромным и уродливым, вздымавшимся выше головы горбом, с длинными черными сальными волосами, хищно вытянутым крючковатым носом и словно обрубленным на конце, круто выдававшимся вперед квадратным подбородком, обладал неимоверно мощными и длинными для его роста руками. Он опирался на огромный изогнутый лук, возвышавшийся над его головой примерно на локоть, который, не будь у воина столь длинных рук, он просто не смог бы натянуть. Горбун буравил маленькими злыми глазками золотой трон, но вовсе не потому, что испытывал ненависть к его владельцу, которого пока не было на месте, просто он с самого рождения ненавидел весь мир. Лучник был облачен в простые холщовые штаны, некогда синие, а теперь вылинявшие до грязно-белых, заправленные в высокие сапоги из мягкой кордавской кожи цвета спелого каштана. Тело его закрывал потертый черный кожаный панцирь с наклепанными по его поверхности стальными бляхами, перетянутый на талии широким поясом, на котором висели короткий меч и кинжал, почти равный ему по длине. Поросшие густыми черными курчавыми волосами руки оставались голыми, и лишь запястья украшали браслеты, щерившиеся стальными шипами. Создавалось впечатление, что, опусти он руку, и костяшками пальцев упрется в пол. Впрочем, сумей он распрямить чудовищных размеров горб, он стал бы ростом никак не меньше своего напарника, стоявшего позади него и чуть левее.

Его огромный товарищ казался чем-то неуловимо похожим на лучника, хотя около пяти локтей роста горбуна великан превосходил, чуть ли не вдвое. На спине у гиганта тоже красовался внушительных размеров

нарост, протянувшийся вдоль всей спины, однако горбатым он не был, Похоже, кто-то из предков его явно был кочевником-гирканцем, и если бы такое было возможно, то вторым родителем гиганта следовало назвать быка. Невероятно, но факт — больше всего своим видом он походил именно на воображаемую помесь быка с человеком. Бритая наголо голова с крупными невыразительными чертами лица и маленькими раскосыми глазками, в минуты ярости мгновенно наливавшимися кровью, широкие плечи, мощный, лишенный талии торс, могучие конечности. Великан был почти наг: одежда его состояла лишь из набедренной повязки. Все остальное облачение молотобойца составляли доспехи, которых, впрочем, тоже было не слишком много. Шипастые наплечники да браслеты, такие же, как у лучника, да пояс с кривым туранским клинком и тяжелым, под стать ему, кинжалом. На нем не было даже нагрудного панциря. О собственной безопасности он, видимо, не заботился совершенно, считая это излишним.

Как и лучник, он стоял, не двигаясь, небрежно оперевшись ручищами, похожими на ноги слона, на окованную железом рукоять огромного боевого молота. Смотрел же он, в отличие от приятеля, не на золотой трон повелителя, а на свою стоявшую справа и чуть впереди подругу — рослую светловолосую амазонку с правильными чертами лица, (которые, однако, выдавали капризный характер и похотливость красотки), тонкой талией и большими обнаженными полусферами тугих грудей. Всю одежду женщины составляла набедренная повязка, переходившая сзади в странного вида короткую юбочку, едва прикрывавшую округлые ягодицы. В правой руке амазонка держала свернутый в несколько колец упругий хлыст, которым размеренно и нетерпеливо ударяла о бедро, словно отстукивала сложный ритм слышной лишь ей мелодии. Взгляд ее был горд и высокомерен. И все-таки она выглядела прекрасной богиней, особенно рядом со своим звероподобным дружком и его уродливым приятелем, тем более что и в самом деле была необыкновенно хороша.

Вторая женщина, стоявшая как раз позади русоволосой амазонки, представляла собой полную ее противоположность. Несколько ниже ростом, смуглая брюнетка, больше всего она походила на стигийку. Да и наряд темноволосой красавицы ничем не напоминал куцую юбочку прекрасной воительницы. Она была одета в доходившее почти до пола роскошное платье из змеиной кожи, с одной стороны полностью скрывавшее ее фигуру, а с другой, наоборот, ненавязчиво, но умело подчеркивавшее все ее многочисленные достоинства, В этом наряде женщина напоминала ядовитую кобру — царицу змей.

На первый взгляд она выглядела самой обыкновенной и даже простенькой, так как в ее внешности не было ничего, чем в изобилии была одарена природой ее подруга-соперница. Казалось, не было в ней ни роста, ни стати, ни роскошных форм, ни осиной талии, ни огромных грудей и все-таки… Всего в ней было в меру: и кроткое лицо деревенской скромницы, и ладная, но отнюдь не кричащая фигура ее, дышали той гармонией истинной красоты, которая создается не привлекательностью отдельных черт лица или фигуры, а их идеальным соответствием друг другу, порождающим прелесть покрытого росой на заре бутона розы, чью красоту невозможно описать словами, а можно лишь увидеть и почувствовать. Лишь изредка, стараясь, чтобы это осталось незамеченным, она бросала быстрый, как молния взгляд, на своего соседа.

Рядом с ней, слева, стоял пятый член этой группы, средних лет кхитаец, неожиданно высокий в отличие от своих низкорослых собратьев, хотя и достававший лишь до плеча звероподобному степняку-молотобойцу, и, конечно же, не такой мощный и мускулистый, но жилистый и крепкий, с длинными черными волосами, стянутыми на затылке черной же шелковой лентой. Узкие глаза глядели с прищуром, словно прицеливаясь. В нем с первого взгляда угадывался смертельно опасный противник, виртуозно владеющий кривыми кхитайскими мечами, которые висели у него за спиной. На нем был черный, расшитый желтыми драконами шелковый халат, надетый на голое тело. Черные же шелковые шаровары, заправленные в невысокие сапоги с загнутыми носами, сильно смахивавшие на туранские, не стесняли движений. На поясе халат перехватывал неширокий кушак, составленный из замысловато переплетенных стальных колец, на котором были укреплены два метательных ножа. Единственный из всех, этот человек действительно ни на кого не смотрел, казалось, лишь ожидая очередного противника, чтобы тут же уничтожить его.

Впрочем, и остальные производили впечатление отнюдь не безопасных людей. Похожий на быка молотобоец, казалось, был способен без особого труда раздробить небольшую скалу, горбатый лучник легко мог прошить стрелой крепчайший аквилонский панцирь, а кнут амазонки почему-то представлялся в ее руках оружием, быть может, и не столь сокрушительным, как молот бритоголового гирканца, но коварным и оттого не менее страшным. Только облаченная в змеиную кожу Черная Роза оставалась невооруженной, но маленькая змейка, как известно, может победить и кровожадного тигра, а в том, что прелестница не беззащитна, сомнений не возникало. Не зря ведь она держалась так, словно

была главной в этой маленькой команде.

Ни один из пятерых так и не заметил, в какое мгновение трон, украшенный бесчисленными изображениями змей, перестал пустовать, и в нем появился, наконец, Некто. Человек этот, ибо, по крайней мере, на первый взгляд, выглядел он человеком, был хорошо сложен, но судить о его возрасте оказалось совершенно невозможным, поскольку лица у него не было, а вместо него на гостей взирала морда шакала.

Человекозверь привстал, и едва заметный шорох, который, хотя и с трудом, чуткое ухо еще могло уловить в комнате, тут же стих. Он поднял руку, требуя внимания, хотя и так лица присутствующих были обращены к нему.

— Я собрал вас здесь,— заговорил он резким голосом, похожим на лай,— потому что вы наконец-то готовы.— Он сделал небольшую паузу, чтобы посмотреть на каждого из пятерых, и, судя по всему, остался доволен.— По крайней мере, Али-Гарун клятвенно заверил меня в этом.

Четверо тут же склонили головы в знак согласия и повиновения, и лишь красавица в облегающем платье ограничилась гордым кивком, показывая, что приняла его слова к сведению, но взгляда не опустила… Тем не менее, сидевший на троне предпочел не обратить на это внимания, а может быть, посчитал такое поведение естественным, и продолжил свою речь.

— Теперь вы моя Карающая Рука!— возвестил он.— Отныне я буду действовать, опираясь на вас, и через вас стану изъявлять свою волю! Однако помните, что каждый воин — лишь палец Руки и как бы силен сам по себе он ни был, вместе вы неизмеримо мощнее, так же как сжатый кулак сильнее каждого из составляющих его пальцев! — Он поднял руку и сжал кулак, словно желая получше растолковать свою мысль.— Я приготовил для вас надежное убежище,— заговорил он после паузы,— место, где вы сможете переждать опасное время, прийти в себя и набраться сил, а такая надобность у вас неизбежно возникнет, и не раз. А теперь ступайте, отдохните и присмотритесь. Наведайтесь в мир, привыкните к нему, но до поры не обнаруживайте себя. Вскоре я навещу вас и дам первое задание. Помните: только тогда настанет время попробовать ваши силы.

Он встал, показывая тем самым, что не задерживает их более.

Глава вторая
ТЕНЬ ТЬМЫ

Словно загнанная лань, за которой мчится по пятам свирепая свора гончих, старик-камердинер бежал по королевскому дворцу Тарантии, пересекая его из конца в конец, скверными словами поминая в душе всех известных ему и темных, и светлых богов, но каким-то неведомым образом умудряясь сохранять при этом видимость степенности. И все-таки он едва поспевал за решительно шагавшим гостем. Гость, немолодой уже мужчина с нервным, но приятным лицом, сумел, несмотря на годы, сохранить мощные плечи борца и осиную талию молоденькой девушки. Походка его оставалась упругой, а шаг широким, но главное заключалось не в этом. Граф доводился королю старинным другом и по его распоряжению имел право являться во дворец в любой час дня и ночи, где все были обязаны оказывать ему всяческое содействие во всем. Об этом говорил тяжелый золотой медальон, висевший на шее гостя. Впрочем, его и без этого знала в лицо вся дворцовая челядь.

Сейчас обладатель медальона как раз и воспользовался своим правом свободного перемещения, а камердинеру ничего не оставалось, как поспешать следом. Передвигаясь таким образом (гость — чинно и размеренно вышагивая по вощеной мозаике пола, а камердинер — задыхаясь и семеня), они прошли сквозь череду открывавшихся им навстречу дверей. Стражники, стоявшие в каждом зале, прекрасно знали обоих, а служба во дворце приучила их не удивляться ничему, что позволяло им сохранять невозмутимый вид, хотя камердинер и готов был поклясться, что в душе они потешаются над стариком, не привыкшим сломя голову носиться по королевскому дворцу.

— Так где же все-таки король?— в который уже раз поинтересовался гость с таким видом, словно спрашивал об этом впервые, упорно не замечая «предсмертных» хрипов своего проводника.— Неужели вновь решил, сославшись на дела, увильнуть от выполнения обещанного?!— Его левая бровь взметнулась дугой, и он подозрительно покосился на камердинера.— Клянусь Митрой, на этот раз у него ничего не получится!

Этого сердце старика стерпеть уже не могло. Да что он себе позволяет? Будь он хоть дважды граф и трижды друг! Кровь бросилась ему в лицо.

— Король еще никогда и никого не обманывал!

Пытаясь сохранить достоинство, камердинер остановился и гордо расправил плечи, всем своим видом выражая негодование, но желаемого эффекта не получилось. Голос предательски дрогнул, и фраза прозвучала не гордо, а скорее фальшиво, с визгом на последнем слове. Лоботрясы с алебардами у дверей многозначительно переглянулись, и камердинер, махнув на все рукой (пропади оно к Нергалу!), договорил свистящим шепотом

— Государь в библиотеке, а она в дальнем крыле дворца, куда мы и направляемся… — Он несколько раз судорожно вздохнул, держась одной рукой за стену, а второй за грудь, и, оглядевшись, посмотрел на гостя — Уже пришли,— договорил он несколько спокойнее.

Тут только гость обратил внимание на плачевный вид своего спутника.

— Любезнейший! Да на тебе лица нет! Ты часом не болен?

— Одышка замучила!— Старик в отчаянии махнул рукой, тяжело переводя дух и от души радуясь передышке,

— Одышка — это скверно,— кивнув, с видом знатока подтвердил гость,— но средство от нее есть. Конные прогулки по утрам очень помогают,— посоветовал он, но, увидев неподдельный испуг на лице камердинера, раскатисто расхохотался, словно находился не в королевском дворце, а на лесном лугу.

— Да что там за бардак, Нергал вам в кишки?!— донесся громоподобный голос из-за двери.— В собственном дворце невозможно спрятаться! Поработать спокойно не дадут!

Раззолоченные створки распахнулись так стремительно, словно вот-вот готовы были сорваться с петель, и на пороге появился Конан. Позади маячила фигура Паллантида. Лицо последнего было угрюмо: как и король, он недолюбливал дипломатию с ее многоступенчатой системой взаимных уступок, предпочитая действовать с позиции здравого смысла или уж, на худой конец, силы, а сейчас приходилось заниматься именно самым ненавистным делом. В том, что король действовал несвойственным для себя образом, похоже, сказывалось влияние Зенобии, которая, правда, предпочитала в дела не вмешиваться, но невольно делала короля более мягким и уступчивым, чем кое-кто уже научился пользоваться. Впрочем, внешне это мало проявлялось.

— Ага! Явился!— обрадовано воскликнул Конан, едва завидев гостя. — Я уж думал, у твоего коня копыта размякли, и ты топаешь сам!

При этих словах камердинер запоздало вспомнил о своих обязанностях, встрепенулся и, приняв подобающую случаю позу, объявил:

— Граф…— Его голос предательски сорвался, от неожиданности старик поперхнулся и испуганно умолк: пересохшее горло окончательно отказалось повиноваться.

— Да вижу я, что это Троцеро,— небрежно отмахнулся от него король, но тут же осекся.— Что это у тебя с голосом, любезнейший Дрю?— поинтересовался он, окидывая придворного внимательным взглядом. Запыленные башмаки, учащенное дыхание, срывающийся голос — все говорило о том, что бедняга только что проделал неблизкий для себя путь. — Или за завтраком съел чего? — спросил он участливо.

— Костью подавился,— покраснев, объяснил камердинер.

И что ему не молчалось? Стоял бы себе спокойно да помалкивал учтиво, глядишь, все бы и обошлось! Так ведь нет, потянул Нергал за язык!

— Ай!— «испугался» король и сокрушенно покачал головой.— Придется попенять повару!— елейным голосом, от которого душа у бедняги ушла в пятки, пропел он и тут же взревел диким киммерийским медведем:— В масле сварю выродка! — И, подумав, уже более спокойно добавил:— В оливковом, что на днях привезли от графа.

Камердинер побледнел, потому что испугался не на шутку. Все во дворце любили государя, но до смерти боялись временами просыпавшегося в нем варвара.

— Прости, государь!— Дрю готов был пасть на колени. Он в ужасе прикрыл глаза и ясно увидел обнаженного толстяка-повара, уже посаженного в котел, в который поварята с веселым гиканьем лили масло. Огонь набирал силу, масло закипало, и это придало старику сил для окончательного признания.— Нергал попутал… Не кость это!

— А что же тогда? — усмехнувшись, простодушно поинтересовался Конан.

— Одышка,— обреченно выдохнул камердинер и сник, не смея поднять глаза на государя, но чувствуя в душе, что буря миновала.

— Ага,— кивнул Конан, устанавливая и без того очевидный факт.— За честность хвалю, а дальше…— Он пожал плечами.— Лекарство я тебе прописал. Принимаешь?

— Дел больно много,— уклончиво ответил старик, отводя глаза.

— Пожалуй, ты прав,— задумчиво согласился король,— но об этом после, а на сегодня я тебя освобождаю. Иди.— Конан жестом отпустил камердинера.— Ты знаешь куда,— добавил он, увидев растерянное лицо Дрю.

— Да как же ты без меня, государь?!— сделал тот последнюю попытку отбиться от изнурительного лечения, прописанного королем.

— Ничего,— ухмыльнулся Конан,— справлюсь. Я уже большой мальчик!

Камердинер тяжело вздохнул, обреченно посмотрел на короля, причем таким взглядом, словно видел его в последний раз, развернулся и с видом приговоренного к смертной казни поплелся прочь.

— И куда ты его?— поинтересовался гость, сочувственно глядя вслед уходящему.

— В казармы, на плац.— Конан пожал плечами.— Там с него десятник Дак по моему приказу стружку снимает, а он, лентяй, прячется, отлынивает.

— И не жалко?— Троцеро поморщился, представив, как бездушный служака-десятник безжалостно задает ритм бега, все чаще прикладываясь к фляжке с ледяной водой, а бедняга камердинер, подчиняясь королевскому приказу, из последних сил переставляет ноги на королевском плацу, но не смеет остановиться.— Все-таки старик!

— Мне жалко смотреть, как он дышит! Словно выброшенная на берег рыба!— ответил Конан, укоризненно глядя на друга, словно тот был виноват в несчастьях Дрю.— Да люблю я его,— неожиданно признался он, — потому и не хочу, чтобы старик покинул меня до срока! А за него ты не беспокойся — он не перетрудится!— усмехнулся король и тут же спохватился:— Ну, здравствуй!

Они крепко обнялись и долго хлопали друг друга по спинам, отчего зал наполнился странными звуками, словно кто-то попеременно то принимался выбивать вывешенный во дворе матрац, то ударял в надтреснувшую кастрюлю. Причем, когда король похлопывал Троцеро, над головой последнего поднималось небольшое туманное облако, испускаемое накидкой и тем, что находилось под панцирем. После каждого хлопка облако становилось все гуще, но ни один из двоих, казалось, не замечал этого.

— Ты чего это в панцире во дворец приперся?— поинтересовался, наконец, король, отстранил от себя друга, чтобы получше его рассмотреть, и едва удержался, чтобы не чихнуть.

— Так я ж к тебе прямо из седла!— усмехнулся тот, наблюдая за лицом короля.

— То-то я смотрю, ты весь в пыли!— На этот раз Конан не удержался и несколько раз подряд чихнул.— Мог бы и почиститься немного.

Троцеро открыл, было, рот, но ответить ничего не успел.

— Что тут у вас за грохот?— раздался нежный голосок.

Они и не заметили, как в зал тихо вошла Зенобия и остановилась на

пороге, с улыбкой глядя на двух друзей и пыльное облако над их головами. При звуке ее нежного голоса оба резко обернулись, и Троцеро, грохоча доспехами, пал на колени.

— О, моя королева!— Он поймал ее руку и восторженно припал к ней губами.— Ты стала еще прекрасней! Твой муж — счастливейший из смертных! Если и существует на свете совершенная женщина, то имя этой избранницы богов — Зенобия!

Королева рассмеялась. Она не была кокеткой, но какой женщине не приятна лесть? Особенно, когда она правдива!

— Скажи об этом моему мужу, граф! Пусть он знает!

Однако говорить ничего не пришлось: взгляд киммерийца и без того светился восторгом, пожалуй не меньшим, чем у его друга. Конан подошел к жене и обнял ее за плечи.

— Наконец-то после стольких лет обещаний он не обманул меня!— заговорил король совсем о другом.

— Я?!

Лицо Троцеро вытянулось от удивления. Он вскочил и горячо заговорил, обращаясь к королеве:

— Да сколько раз я предлагал!..

— Ладно!— добродушно отмахнулся киммериец.— Хватит оправдываться. На этот раз все получится. Вот увидишь.

— Что это такое вы затеяли, мальчики? — поинтересовалась Зенобия, переводя насмешливый взгляд с мужа на Троцеро.

— Мы едем в Пуантен!— решительно заявил король.

— В Пуантен?!— Словно маленькая девочка, не в силах сдержать радости, королева всплеснула руками и тихонько подпрыгнула, но тут же устыдилась своего порыва и уткнулась в грудь Конана.

Двое гвардейцев, стоявших на часах, переглянулись, но мгновенно согнали улыбки с лиц.

— Наконец-то я угощу тебя настоящим пенистым молодым вином,— с улыбкой молвил граф,— а не той ослиной мочой, что привозят торгаши в Тарантию!— закончил он и тут же испуганно хлопнул себя по губам.— Прошу прощения, моя королева!

Он вновь с грохотом пал на колени, но королева лишь рассмеялась.

— Не стоит извиненяться, граф.— Она покачала головой и с улыбкой покосилась на мужа.— Право, не стоит. Король порой позволяет себе на заседаниях Совета и не такое!..

Она не договорила, что именно позволяет себе король, и звонко поцеловала мужа в щеку, а он в ответ лишь сильнее прижал ее к себе и,

подыгрывая жене, коротко заметил.

— Ничего не поделаешь, дорогая, король-то у нас варвар!— Он подмигнул все еще стоявшему на коленях другу.— Встал бы с колен. Не к лицу тебе, пуантенскому графу, пыль с пола собирать.

Троцеро, улыбаясь, поднялся, Зенобия звонко рассмеялась, но вдруг осеклась.

— А как же Конн?

Она умоляюще посмотрела на мужа.

— Возьмем его с собой!— без лишних раздумий ответил король.— Парню будет полезно проветриться.

— А как же пикты?— растерянно поинтересовался молчавший до сих пор Паллантид.

Все это время, ничем не напоминая о своем присутствии, он стоял в дверях, смотрел на короля с королевой и графа, но теперь решился заговорить. Все утро они провели за картами и последними донесениями, так и не выработав разумного плана действий. Каждый из двоих понимал, что пикты сознательно напрашиваются на стычку, но оба старались избежать ее, хотя и понимали уже, что вряд ли это удастся.

— К Нергалу пиктов!— как всегда, лаконично выразил свою точку зрения король.— Возьмешь два легиона, усилишь их тяжелой кавалерией, боссонскими лучниками, встанешь лагерем на границе и пригласишь вождей на переговоры, но перед этим выкопай ров, поставь частокол, вообще постарайся расположиться поживописней. На столкновение не провоцируй. Скажешь старейшинам, что король устал от крови, и не желает войны, но, если они не согласны с его мирными условиями, он готов двинуть легионы к морю, и тогда им останется только сесть в лодки и возвратиться туда, откуда некогда приплыли их предки.

Военачальник удивленно захлопал глазами: это было то, что каждый из них считал единственно возможным выходом из создавшейся ситуации, но до сих пор не решался произнести вслух.

— Ты это говоришь серьезно?— спросил он, еще не веря, что король не шутит.

— А я что, похож на глупого шутника?— Конан рубанул воздух ладонью.— Хватит дипломатии! Всякому терпению есть предел!

* * *

Когда Троцеро перед сном вышел на балкон освежиться, взгляду его открылась необыкновенная картина. За раскладным походным столиком во дворе перед казармами Черных Драконов расположились Дрю и Дак. Посреди стола на огромном овальном блюде покоился внушительных размеров наполовину уже съеденный поросенок. Перед каждым из друзей стояло по кубку, вмещавшему едва ли не четверть ведра. Рядом из столешницы торчали воткнутые ножи, которыми сотоварищи время от времени отрезали куски мяса и отправляли себе в рот, запивая их изрядными глотками молодого пуантенского, которое граф не мог не узнать по тонкому, непередаваемому аромату. Причем страдающий одышкой царедворец ни в чем не уступал бравому десятнику. Оба шумно славили короля, по ходу дела обмениваясь замечаниями по поводу его многочисленных и неоспоримых достоинств, и, судя по всему, диалог этот длился с того самого времени, как злосчастный Дрю покинул дворец — десяток объемистых, успевших опустеть бутылей валялось рядом. Последняя, еще содержавшая в себе вожделенную жидкость, нашла себе временное пристанище рядом с поросенком. «Впрочем,— поспешил успокоить себя Троцеро,— вполне возможно, что совместному возлиянию предшествовала-таки не слишком утомительная дрессировка.

— Вот пройдоха!— с усмешкой молвил граф, ни к кому не обращаясь. — Этот и впрямь не перетрудится! А киммериец-таки не потерял нюха — до сих пор любого видит насквозь!

* * *

Сотня всадников скакала по проселку, сопровождая запряженную шестериком открытую карету, в которой ехали Конан с женой, Конн и Троцеро. Пуантенец, правда, попытался отбиться, но король со свойственной ему прямотой объявил, что не годится ему искать легких путей, что издавна все трудности они привыкли делить поровну, и тому ничего не оставалось, как подчиниться, скрепя сердце пересесть из седла в карету и уныло взирать на неторопливо плывущий мимо ландшафт.

Выехали они утром. Теперь время близилось к вечеру, а вокруг нескончаемо тянулись возделанные поля — урожай вновь обещал быть отменным. Для людей такое изобилие было счастьем, но смотреть на это

за день езды надоело до невозможности.

— Что нос повесил, граф?— весело спросил Конан.

Троцеро вздохнул, с тоской посмотрел на серого в яблоках, мирно трусившего позади кареты, и на миг позавидовал ему. Коняге было все равно, где пролегла дорога, лишь бы она была ровной, а бежать не заставляли слишком быстро.

— Соскучился по быстрой езде?

— Да,— снова вздохнул граф,— признаюсь, я больше привык передвигаться в седле, с ветерком!

— А ты, дорогая?— обернулся король к жене, и в глазах его сверкнули озорные огоньки, которых Зенобия не заметила вовремя, потому что ей тоже было скучно.— Небось, тоже не против проветриться? Жара-то стоит какая!

— Ты же сам велел оставить мою красавицу в Тарантии!— с укоризной напомнила жена.— Сказал, что королеве не пристало путешествовать в седле,— обиженно добавила она и шутливо надула губки.

— Да я и своего вороного не взял,— усмехнулся Конан,— но эта беда поправима. А ну-ка, парень!— Он хлопнул кучера по плечу, и тот беспрекословно уступил королю свое место.

— Что ты надумал?— Глаза Зенобии округлились от испуга. За годы совместной жизни она так и не сумела привыкнуть к шальным выходкам мужа.— Ты перевернешь нас!

С удовольствием наблюдая за ней, Конан усмехнулся. Он и не подумал рассказывать о ежедневной двухнедельной тренировке — сюрпризы должны быть неожиданными.

— А ну, бездельники, в сторону!— взревел проснувшийся в короле варвар.

Он звонко хлестнул коней, и шестерка благородных животных вздрогнула, словно пробуждаясь от спячки, для того чтобы показать, на что способна. Чинно скакавший впереди эскорт Черных Драконов мгновенно расступился, освобождая дорогу. В тот же миг карета рванулась с места и стремительно унеслась вперед, словно выпущенная из арбалета стрела. Деревья замелькали справа и слева, будто хотели сбежать от бешеных путешественников, и в следующее мгновение обиженно ржавшие кони всадников остались далеко позади.

— У короля кони понесли!— заорал кто-то у них за спиной, но, обернувшись, киммериец увидел, что карету никто не догоняет.

Некоторое время они еще слышали четкие команды, отдаваемые сотником, и поняли, что погоня все-таки началась. Затем все стихло.

Королева боялась оторвать от лица руки и всякий раз, когда осмеливалась сделать это, тут же вновь испуганно закрывалась ладошками. Зато глаза Конна восторженно блестели, он вскочил со своего места и встал рядом с отцом, чтобы видеть уносящуюся под колеса дорогу и острей почувствовать пьянящий азарт скорости. Троцеро ухмыльнулся, понимающе перемигнувшись с кучером, парнем лет двадцати, но и их захватил дух этой скачки.

В какой-то миг графу показалось, что карета летит, лишь изредка касаясь колесами земли, а кони просто для вида переставляют ноги, а на самом деле несутся в воздухе, и было в этом полете нечто волшебное, дивное, упоительное. Вскоре даже Зенобия перестала бояться, и на лице ее застыл восторг.

Рассаженные по бокам дороги деревья мелькали с бешеной скоростью. Яркие пятна света там, где в плотном ряду посадок образовались просветы, казались ослепительными вспышками в сплошном ковре дубовых крон, сросшихся над головами столь плотно, что голубизна неба лишь иногда прорывалась сквозь густой полог. Временами низко нависший над дорогой сук проносился над самыми головами, заставляя королеву испуганно взвизгивать и судорожно хвататься за плечо Конана.

Стоя рядом с отцом, Конн заливисто хохотал, наслаждаясь безумством сумасшедшей гонки, и Зенобия подумала, что мальчик уродился в отца — такой же безумец, принадлежащий к когорте победителей.

Внезапно Троцеро, на губах которого до сих пор играла сдержанная улыбка, насторожился, словно мирно дремавший пес, внезапно учуявший врага. Следом за ним и Зенобия встревожилась, почувствовав донесенный ветром запах дыма, но мгновением раньше Конан резко натянул поводья. Разгоряченные скачкой кони обиженно захрапели, стремительно замедляя бег, и наконец, остановились.

Зенобия, сама не ведая, зачем, собралась отчитать мужа (шестой десяток, король, а ведет себя как мальчишка!), но тут же осеклась, испуганно оглядываясь. Она помнила это место. Когда-то здесь стояла уютная усадьба, расположенная в самом конце дубовой аллеи. Впрочем, не когда-то, а только что… Обугленные руины строений еще догорали, нещадно чадя, огрызаясь неожиданно вспыхивавшими языками пламени, которые время от времени вырывались из недр пепелища.

Кони возбужденно захрапели: им не нравился повисший в воздухе тяжелый дух пожара, но Конан хлестнул их поводьями, и все шесть нехотя двинулись вперед. Карета медленно въехала в ворота, мимо створок, сбитых с петель ударом невероятной силы, и здесь король натянул поводья,

настороженно осматриваясь.

На земле, посреди обнесенного мощным дощатым забором двора, был начерчен замысловатый знак, что-то похожее на странного вида подкову или разорванный двойной круг с загнутыми наружу краями, на котором виднелись непонятного назначения знаки. По бокам от разрыва в подкову были воткнуты два факела, потухшие, но еще исходившие удушливым смрадным дымом.

— Похоже на какой-то обряд,— не обращаясь ни к кому, прошептал Троцеро.

— Похоже,— хмуро согласился Конан,— а я-то думал, что вывел всю нечисть, по крайней мере, вокруг столицы!

— Ну, может, ничего страшного и нет,— неопределенно протянул Троцеро, больше для того, чтобы успокоить испуганно озиравшуюся королеву, — тел-то не видно.

— Ничего страшного?!— не выдержал Конан.— А усадьбу спалили?! Чего уж хуже!

— Тел нет!— упрямо, не повышая голоса, возразил Троцеро.— Возможно, разбойники! Тоже хорошего мало, но все-таки лучше…

— Не знаю, не знаю.— Конан задумчиво поскреб подбородок. — Обряд-то был?!

Он ткнул в подкову.

— Да. Обряд был,— нехотя согласился пуантенец,— но тел-то нет!— А-а-а! Нергаловы выродки!— выругался киммериец, не зная, что еще сказать.— Да уж, хорошо начинается наше путешествие!

— Мне страшно, Конан!

Зенобия в испуге прижалась к нему, тревожно озираясь. Киммериец обнял жену и стиснул зубы. Сейчас он был страшен, и если бы королева не была его женой и не знала своего мужа так хорошо, то облик проснувшегося в короле варвара мог бы скорее напугать, чем успокоить ее.

— Ты, главное, не горячись,— поспешил заметить рассудительный Троцеро.— Ну, был обряд, был… Чтобы удачно свершился грабеж. Усадьба занялась огнем по случайности. Сам знаешь, такое бывает сплошь и рядом. Людей увели — и это не редкость,— продолжал он перечислять.— Даже ванахеймцы, случается, забредают сюда сдуру — не мне тебе рассказывать. В первом же городе отдашь распоряжение, и здесь все прочешут на сто лиг вокруг… Ну?!

Сзади стремительно нахлынул стук копыт. Отряд всадников ворвался на пепелище и остановился. Кони встревоженно переступали копытами и отфыркивались: им тоже не понравился этот запах.

— Что стоите?!— рявкнул Конан, обернувшись.— Людей ищите! Может, кто и остался в живых!

* * *

— Любишь своих людей…— задумчиво произнесла незнакомка в платье из змеиной кожи, глядя в огромное зеркало, которое до мельчайших подробностей передавало своей повелительнице все, что происходило на пожарище, разве что кроме запаха.— Заботишься о них…— Следя за Конаном, она прищурилась, словно прицеливаясь.— Наконец-то у Аквилонии появился достойный ее повелитель!— иронично воскликнула она и, вновь посмотрев в зеркало на черноволосого гиганта, которого упорно не брали годы, добавила:— А у меня забавная игрушка!

* * *

Хорот давно остался позади. Отряд углубился в Пуантен, следуя по хитрому маршруту, который придумал Троцеро, чтобы обойти стороной многочисленные деревни и ни в одной из них не останавливаться. Граф решил, что если уж не может устроить первую и единственную встречу короля в родовом замке, так, по крайней мере, проведет ее в селении, хотя бы отдаленно напоминающем город, в селении, которое находится в самой настоящей глубинке, чтобы подольше держать визит короля в тайне.

В принципе, можно было обойтись и без лишних предосторожностей, но Троцеро не без оснований полагал, что, как только станет известно о прибытии любимого народом монарха, отряд выйдут встречать восторженные толпы подданных, которым не терпится посмотреть на Конана. Прав он был или нет, решили не проверять, а потому до сих пор им удавалось счастливо избегать продолжительных остановок, и медленно, но верно отряд приближался к цели своего путешествия. Точнее, к промежуточной цели, потому что, хоть до замка Троцеро и было сравнительно недалеко, дольше сохранять присутствие короля в тайне не представлялось возможным.

Лирон оказался городишком, насквозь пропеченным щедрым южным солнцем, всего с двумя каменными зданиями, одним из которых был храм Подателя Жизни, зато имевшим обширную площадь с фонтаном, где в летнюю жару с удовольствием плескалась местная ребятня.

На эту-то площадь, Митрой забытого городка, и направилась кавалькада всадников, сопровождавших королевскую семью.

Черные Драконы, которым Троцеро заранее дал все необходимые указания, сразу при въезде на площадь взяли вправо и остановились перед ратушей, держа строй, как на параде. Карета выехала едва ли не на середину площади и остановилась (кучер быстро сообразил, что к чему, и, описав изящный полукруг, повернул назад) между фонтаном, у которого столпились самые знатные из горожан, и застывшим в неподвижности строем королевских солдат.

Несмотря на меры предосторожности, предпринятые Троцеро, лиронцы каким-то образом все-таки прознали о скором прибытии короля в город и к его приезду заполнили всю площадь. Вполне, правда, возможно, что они ждали здесь уже давно. Городок оказался невелик, но, собравшись вместе, жители его составили внушительную толпу, которая теперь дала волю чувствам, изо всех сил выражая свою восторженную преданность.

Как только украшенная золотым гербом карета остановилась, к ней немедленно двинулась процессия, составленная из местной знати, впереди которой, улыбаясь королю, вышагивала черноглазая красавица-селянка, по местному обычаю державшая в руках огромный рог, наполненный молодым пенистым вином. Деревенские музыканты вразнобой дунули в свои дудки и ударили по струнам, нещадно фальшивя, но вкладывая в игру душу, изо всех сил стараясь играть если не красиво, то хотя бы громко, но, несмотря на все старания, никто их, казалось, не замечал.

Красотка наслаждалась всеобщим вниманием и шла не торопясь: не каждый день доводится предстать перед самим королем и покрасоваться среди своих! На ней была надета короткая синяя юбка, оставлявшая открытыми сильные, стройные ноги, и белая блузка из тонкого полотна, расшитая незамысловатым, но со вкусом составленным узором. Прекрасные, с едва заметным пепельным отливом, черные волосы спадали до пояса. Их удерживал лишь сплетенный из лозы венок.

Процессия медленно двигалась к карете. Конан спрыгнул на землю (рессоры при этом жалобно скрипнули) и помог выйти Зенобии. Троцеро встал рядом с ними, по правую руку от королевы. Конн выбрал себе место слева от отца и принялся с интересом осматриваться: ему нечасто приходилось бывать на сельских праздниках.

— Я же просил тебя, не нужно этого,— взглянув на Троцеро, начал, было, Конан вполголоса, но, завидев селянку, умолк на полуслове, позабыл о зародившемся недовольстве и намерении отчитать друга, а вместо этого восхищенно причмокнул и не спеша двинулся навстречу возглавляемой ею процессии, вовремя вспомнив, что он все-таки король, а королю не надо понапрасну обижать подданных равнодушием.

Заметив внезапную перемену в настроении мужа и правильно истолковав истинную ее причину, Зенобия и вида не показала, что недовольна, а подобрала юбки и с мягкой улыбкой на прекрасном лице, делавшей ее поистине неотразимой, двинулась следом, в то же время настороженно наблюдая за тем, что произойдет дальше, не забывая при этом дарить свою монаршую милость окружающим, приветливо улыбаясь и кивая им.

Они остановились в шаге друг от друга, король-варвар и красавица селянка. Девушка одарила своего повелителя восторженным взглядом, в котором Конан без труда прочел нечто гораздо большее, чем простое восхищение, вызванное встречей с почитаемым всеми монархом, поклонилась ему и протянула огромный рог. Не сводя с девушки восхищенных глаз, киммериец осушил его до дна (что было для него делом нетрудным) и наклонился, чтобы поцеловать красотку в щеку, а может, и шепнуть ей при этом что-то на ушко. Хотя, вполне возможно, что так подумала лишь воспылавшая ревностью королева… Был ли этот невинный поцелуй частью заранее оговоренного ритуала или естественным порывом самого короля, решившего в этот день быть поближе к обожающим его подданным, королева не знала, да и знать не хотела. Зато она прекрасно знала неукротимую натуру мужа, была немало наслышана о его прошлом, когда он слыл героем отнюдь не только на поле брани, и настроение Зенобии значительно ухудшилось.

Не раздумывая излишне долго и не дожидаясь, пока ее подозрения станут действительностью, королева подобрала пышные юбки (чтобы не запнуться ненароком о подол) и отвесила ненаглядному Конану пинок, как раз в то мгновение, когда он галантно склонился для поцелуя.

Киммерийца нелегко было удивить, чем бы то ни было, а тем более застать врасплох, но Зенобии это удавалось, причем неоднократно, уже на протяжении почти десятилетия. Конан ткнулся лицом в волосы девушки, и, хотя равновесие удержал без труда, ни о каком дальнейшем обмене любезностями не могло быть и речи. Он обернулся, восторженно глядя на жену.

— Осторожнее, милый,— нежно проворковала она, скромно

потупившись,— так недолго потерять лицо.

Стоявшие позади девушки старейшины, прекрасно разобравшись в том, что произошло у них на глазах, и изо всех сил стараясь сохранить серьезный вид, все-таки позволили себе сдержанно улыбнуться. Зато жених девушки, оказавшийся в первых рядах и с тревогой наблюдавший за этим маленьким происшествием, облегченно вздохнул, расплылся в улыбке, и Зенобия, поймав на себе его благодарный взгляд, ответила ему благосклонным кивком. Вперед вышел седой старик («Дед девушки»,— шепнул на ухо королю Троцеро) и заговорил:

— Четвертый уже год обильно родит земля в благословленной Всеблагим Аквилонии и жемчужине ее — Пуантене, а в этот год — как никогда прежде! И пусть принято думать, что на все воля Митры, а я скажу от себя, что в том гораздо большая заслуга нашего короля, подарившего людям спокойствие мирных будней и уверенность в завтрашнем дне!

Конан никогда не страдал ложной скромностью, но в это мгновение посчитал, что умудренные жизнью и убеленные сединами старцы явно перегнули — на роль правой руки Митры он претендовать не мог, хотя и был некоторое время сподвижником Подателя Жизни. Правда, для киммерийца их содружество закончилось весьма плачевно, и вспоминать об этом король не любил. Он хотел было что-то возразить, но в это время вокруг закричали: «Да здравствует король!» — и слов его не услышал никто.

Видя разыгравшееся вокруг безумие, король плюнул на все и решил не протестовать, и, хотя отвечать каждому возможности у него не было, он старался хотя бы улыбкой показать свое благорасположение. Поначалу он стоически выносил обрушившийся на него поток шумных и обильных славословий, но очень скоро обнаружил, что лицевые мышцы свело неким подобием судороги и он уже не в силах согнать с лица глуповато-восторженное выражение самодовольного монарха-кретина. Терпению его тут же пришел конец, и он пресек это безобразие самым решительным образом. Однако такой поворот событий вовсе не огорчил горожан. Наоборот, они словно ждали этого: тут же, прямо на свежем воздухе, как по мановению волшебной палочки, появился опоясывающий площадь ряд столов, и оставалось лишь диву даваться, как ножки их не подломятся от обилия напитков и снеди.

Наконец-то Конан почувствовал себя в привычной обстановке. С тем же неукротимым рвением, с которым только что славили короля, люди набросились на ожидавшие их на столах яства. Впрочем, здравицы следовали одна за другой, правда, теперь они не лились сплошным

потоком, ведь желавшие высказаться должны были, по крайней мере, опорожнять поднятые в честь короля кубки. Однако постепенно интересы подданных слегка изменились. Местные красотки, несмотря на казус, приключившийся с их товаркой, наперебой приглашали короля, и Конан плясал за двоих, ел за троих и пил за десятерых, но постоянно чувствовал на себе пристальный взгляд Зенобии.

Когда, наконец, тронулись дальше, было уже далеко за полночь, и впервые за все путешествие киммериец порадовался, что отправился в путь в карете.

— Скажи-ка мне, Троцеро, дружище, много ли еще нам предстоит сделать остановок на пути?— задал он вполне невинный вопрос, вызвавший звонкий смех жены и сдержанную улыбку графа.

— Не меньше трех, мой король!

И, услышав подобный ответ, Конан высказал мысль, на первый взгляд немудрящую, но полную глубокого житейского смысла:

— Счастлив тот король, которого любят подданные, но после сегодняшнего пира мне хочется, чтобы любовь эта проявлялась не столь бурно.

* * *

Троцеро был вполне доволен собой: бал удался на славу, и по этому случаю настроение графа было великолепным. Граф посмотрел в распахнутое настежь окно, на сверкающие в небе звезды. Густая бархатная чернь переходила на горизонте в тонкую фиолетовую полоску — ночь близилась к концу. Скоро на востоке заалеет заря, а веселье между тем все набирало силу. Принц Конн, конечно же, непривычный к таким развлечениям, прикорнул в кресле, но позволил себе такую вольность лишь после того, как его свиту, состоявшую из десятка девочек-погодков, чьи родители принадлежали к цвету пуантенского двора, несмотря на бурные протесты, увели няньки в отведенные для них спальни. Лишь тогда юный королевич, чье внимание более ничто не удерживало, не успев даже осознать, насколько устал, опустился в кресло и заснул.

Граф мягко усмехнулся, с любовью глядя на мальчика, словно тот был его родным сыном. Весь вечер принц был окружен неослабевающим вниманием, и неугомонные озорницы буквально загоняли его. Троцеро

перевел взгляд на танцующих и мгновенно увидел королевскую чету. Они действительно были королем и королевой, не по званию, но по сути своей, и теперь повелитель Пуантена невольно залюбовался ими. Время оказалось не властно над королем. Его мощное тело упорно не желало подчиняться общему для всех течению жизни. Внешне он оставался все так же могуч и строен, как и двадцать лет назад, когда они познакомились. Годы почти не тронули серебром его смоляную шевелюру, а появившиеся на лице морщины говорили скорее о мудрости, чем о прожитых годах, а это далеко не всегда одно и то же.

Бережно, словно драгоценную, кхитайской работы фарфоровую вазу, обнимал он свою королеву, прекрасную, как раскрывшийся на заре, увлажненный утренней росой бутон розы. Троцеро видел, с какой завистью многие взирают на них, и от этого на душе у него потеплело, ведь он пригласил лишь своих друзей, и среди них не было черных завистников. К тому же чувства окружающих были вполне понятны ему, ощущавшему то же самое… Да и как, в самом деле, можно не завидовать чистой, светлой завистью, видя настоящую большую любовь, пронесенную сквозь годы и тяжелые испытания?!

Поймав себя на этой мысли, граф усмехнулся: ему ли жаловаться на судьбу! Верно поставив в свое время — не по расчету, но по велению сердца — на киммерийца, в дальнейшем он ни разу не пожалел о сделанном выборе и даже не потому, что, став королем, Конан остался его другом. Аквилония, до того заплывшая жиром и раздираемая внутренними пороками, наконец-то задышала полной грудью, и в этом как раз была заслуга именно его, короля, мечом прорубившего себе дорогу к трону!

Троцеро посмотрел на пирующих и вспомнил другой бал почти десятилетней давности, когда юную королеву похитила гнусная тварь, а король, не раздукя мывая, снял со стены свой верный меч и отправился в путь, чтобы пройти полмира и вырвать ее из грязных лап кхитайского мага Ях Чиенга! «Тьфу ты!— одернул он себя.— Не к месту и не ко времени такие мысли!» Он выругался, не думая о том, что, вполне возможно, возникли они совсем не случайно. Если бы граф оглянулся… Но он совсем замечтался, а потому не видел, да и не мог увидеть застывшего в окне у него за спиной лица.

Лик прекрасной женщины, неподвижный, словно маска, до поры отрешенно взирал на пирующих, словно не видя их. На первый взгляд он производил впечатление необыкновенно искусно выполненного витража. Однако длилось это недолго. Вот взгляд женщины дрогнул, принялся шарить по толпе, пока не отыскал короля с королевой, и какое-то время

неотрывно следовал за ними по залу. Что за мысли в это время рождались в голове незнакомки, этого не мог знать никто, но в следующий миг прекрасное лицо исказилось гневом и жгучая ненависть до неузнаваемости исказила прекрасные черты. Но и эта перемена закончилась быстро: ненависть сменилась диким беззвучным торжествующим хохотом, и видение пропало.

Ничто не изменилось. В зале царила все та же атмосфера бесшабашного веселья, и никто, ни один человек, не увидел зловещего предзнаменования.

* * *

— Хорошо-то как!

Киммериец посмотрел на жену, и та согласно кивнула. Она обожала эти редкие часы блаженного покоя, когда они оставались втроем, а еще лучше — вдвоем, и безжалостная длань государственных дел не могла дотянуться до ее ненаглядного Конана и отобрать его. К сожалению, случалось такое слишком уж редко, но сегодня выдался один из таких замечательных дней. Впрочем, могло ли быть иначе? Ведь они и приехали сюда именно за этим!

Они сидели на берегу тихого пруда, поросшего золотистыми кувшинками и белоснежными лилиями, в неподвижной глади которого, как в зеркале, отражалось ярко-синее небо с плывущими по нему белоснежными барашками облаков. Правда, это безмятежное спокойствие наблюдалось несколько дальше на глубине. У самого же берега, на мелководье, принц Конн развил бурную деятельность. Вооружившись острогой, он безуспешно пытался добыть рыбу к обеду, и особое его раздражение вызывало то, что добычи-то было сколько угодно. Соблазнительно огромные рыбины, словно дразня, плавали вокруг, время от времени замирая на месте, но лишь до тех пор, пока он не приближался к ним и не заносил свое оружие для решающего удара. Стоило Конну прицелиться, очередная жертва, лениво вильнув хвостом, легко отплывала в сторону на недосягаемое расстояние, и там замирала, словно говоря: «Экий ты неловкий, дурашка! Ну-ка, попытайся еще разок!» Король с королевой с интересом наблюдали, чем кончится эта охота, когда незадачливый рыбак замер вдруг с таким видом, что оба поняли: принц

решил перейти к более решительным мерам и ищет способ, как побыстрее выпустить воду из пруда.

— Отец!— наконец отчаялся он, не выдержав подобного издевательства, и, грозно нахмурившись, сердито уставился на Конана, словно тот всякий раз подсказывал хитрой рыбе, когда настает решающий момент для бегства.— Я ведь двигаюсь совершенно бесшумно!

— Она просто видит твою тень!— ухмыльнулся Конан.

Конн с сомнением посмотрел на солнце, на воду, но позицию все-таки сменил.

— Какой ты у меня умный!— промурлыкала ему на ухо Зенобия и нежно коснулась губами щеки мужа.

Почти десять лет они были женаты, но и сейчас, на шестом десятке, несмотря на прожитые совместно годы, Конан чувствовал себя как влюбленный юнец. От легкого прикосновения нежных губ сердце его застучало с перебоями, то замирая и грозя остановиться, то бешено колотясь, готовое выскочить из груди. Он сжал Зенобию в объятиях, и оба повалились в траву, едва не раздавив кошку, которая лениво подняла голову, но, увидев, что опасности нет никакой, вновь свернулась кольцом и уютно замурлыкала.

— Отец! Я поймал ее!

Конн стоял на отмели и, держа наперевес свое оружие, с восторгом глядел на огромную, пронзенную насквозь рыбину, бившуюся на острие. Конан с сожалением поднялся, поймав на себе лукавый взгляд Зенобии, и направился к сыну, по пути отряхиваясь.

Травинки и нежные лепестки цветов пестрым мусором полетели на землю

— Молодец, сын!— похвалил он.— Еще немного, и можно будет разводить костер.

Он подошел к самой кромке воды, прикидывая про себя, что в принципе и этого улова вполне хватит для ухи, когда чутье варвара, все эти годы жившего в короле Аквилонии, заставило его насторожиться. Улыбка замерла на лице Зенобии, Конн закрутил головой, мгновенно позабыв и про рыбу, и про уху, но ни принц, ни королева так ничего и не услышали. Ничего не слышал и Конан, но неким-то непостижимым образом уже знал, что кто-то быстро приближается к ним, и ничего хорошего от неведомого гонца не ждал.

Не говоря ни слова, знаком заставив Зенобию опуститься обратно в высокую траву, где она могла легко спрятаться, он направился к кромке леса, мимо старого лесника, с луком в руках выскочившего из хижины.

Конн сбросил рыбину в траву и мгновенно очутился рядом с матерью, готовый, если понадобится, защищать ее своей острогой. Король и ему, и лесничему жестом приказал опустить оружие, сам же продолжал двигаться вперед, мягко и бесшумно, словно вышедший на охоту тигр. В наступившей тишине тихое щебетание птиц и стрекотание кузнечиков казалось оглушительным, тревожным предупреждением, заставляя Зенобию, которая привыкла доверять инстинктам мужа, зябко ежиться, холодея от невольно подступившего страха. Слишком уж резким оказался переход от безмятежного счастья к тревожной неизвестности. Не видя ничего вокруг, она смотрела на мужа, а потому не заметила, как беззвучно подошедший Конн взял ее за руку.

— Не бойся, мама,— тихо, но твердо сказал он,— ведь отец с нами.

Зенобия посмотрела сыну в глаза, и в груди у нее сразу потеплело. В тот же миг она услышала бешеный перестук копыт, вновь невольно напряглась, и все равно всадник выскочил из-за последнего поворота дороги, скрытого густыми зарослями жасмина, совершенно неожиданно. Незнакомец натянул поводья, конь глубоко присел, пытаясь мгновенно остановиться, но не дождавшийся этого гонец спрыгнул на землю и подскочил к королю, не обращая внимания на нацеленную в его грудь стрелу лесничего. Король во второй раз заставил его опустить оружие:

— Успокойся, Тулерон, это свои.

Он услышал, как охнула у него за спиной Зенобия, и поспешно обернулся, но она жестом успокоила его — все нормально.

— Я вижу, ты узнал меня,— сказал всадник.

— Узнал,— кивнул король,— хотя, ты уж не обижайся, и думать о тебе забыл. Сколько лет-то прошло?

— Да уж больше тридцати,— улыбнулся в ответ всадник, а Конан обернулся к подошедшей жене и ни на шаг не отстававшему от нее сыну, который настороженно смотрел на незваного гостя: хоть отец и успокоил их, но кто знает, что он за человек.

— Позволь представить тебе, дорогая,— несколько официально начал он,— моего давнишнего друга, Мэгила. Правда, когда мы в последний раз виделись с ним, мне было около двадцати.— Он улыбнулся пришельцу.— Хорошее было время!

— Просто мы были тогда молоды,— скромно ответил тот, припадая губами к руке королевы.

Конан усмехнулся: конечно же, он прав! Жизнь, приправленная жаждой приключений и задором юности, когда сознаешь, что все еще впереди, несравненно притягательней того возраста, когда приходит

мудрость, а заодно и понимание того, что все или почти все уже осталось в прошлом. Впрочем, по виду Мэгила вряд ли можно было сказать, что за пролетевшие три с лишним десятилетия он слишком состарился, хотя был старше Конана на добрый десяток лет. Вспомнив об этом, киммериец припомнил заодно и то, кем был его друг прежде, и насторожился.

— А ну выкладывай, зачем явился!

Мэгил с сожалением оторвался от руки королевы, и взгляд его тут же сделался тревожным.

— Дело хуже, чем ты можешь себе представить.— При этих словах Зенобия вздрогнула, а Мэгил, даже не заметив этого, продолжил: — Кто-то,— тут он запнулся, тщательно подбирая следующее слово,— устраняет людей Митры.

Конан недовольно поморщился — вот тебе и отдохнули! — и тут же дал себе слово, что не позволит втянуть себя в эту авантюру: у него и так забот достаточно! Только-только жизнь в стране начала налаживаться, четыре урожайных года, после которых люди наконец-то зажили сыто и спокойно, позабыли, что такое нужда и страх оказаться застигнутым ночью в лесу, и тут появляется Мэгил с радостным известием о том, что всеблагой Митра не прочь поделиться с ним своими проблемами!

Конечно, он бы не против, но уж больно неподходящее время выбрал Мэгил для своего визита! Впрочем, кой Сет выбрал! Беда не спрашивает, когда явиться! И все-таки…

— Не могу я вот так запросто все бросить и отправиться,— он посмотрел на старого друга,— ты хоть имеешь представление — куда?!

Мэгил отрицательно покачал головой.

— Вот видишь…— сказал Конан, испытывая даже некоторое облегчение.— А я ведь не зря спросил тебя об этом — предвидел нечто подобное…

— Учитель мертв…— тихо проговорил жрец, и Конан невольно вздрогнул, как от внезапного удара, а Мэгил с непередаваемой грустью продолжил:— Роща сожжена…

— Митра все восстановит,— потрясенный услышанным, прошептал Конан первое, что пришло ему в голову.

— Митра все восстановит,— как эхо отозвался Мэгил,— ты прав, но на это уйдет время, много времени, а пока продолжают гибнуть люди, и не просто люди, но лучшие из людей, и ты это знаешь!

— Почему ты пришел именно ко мне?

Конан пытался подавить подступившую тоску, и пока это ему удавалось.

— Ты был самым сильным из нас,— просто ответил жрец.

— Ты правильно заметил — был,— ответил король, чувствуя, что воспоминания о прошлом вместо грусти приносят невольное ожесточение.

Так было всякий раз, когда память услужливо рисовала перед его внутренним взором картину убийства пьяного подонка, который в самый последний миг жизни понял вдруг, что самому-то, оказывается, умирать гораздо страшнее, чем убивать других, и взмолился о пощаде… Он же в пылу драки не внял мольбе, и Митра лишил его за это того, что отличает человека от животного — разума, превратив в бессловесную скотину. Он вспомнил свой ежедневный страх, когда видел, как кончается чудодейственный порошок, позволявший на время отдалить неизбежное. Соответствовала ли кара совершенному им проступку? Митра считал, что да… Он же — что нет! Именно поэтому Конан ненавидел свою память о тех днях.

Киммериец никогда не испытывал тяги к философии, но в минуты подобных мучительных раздумий готов был допустить, что существует по крайней мере две правды. Одна определяется буквой договора, другая — его духом. А вот какую из них следовало избрать в каждом конкретном случае, было задачей воистину не из простых! Именно в таких ситуациях, Конан был глубоко убежден в этом, и должна сказать свое веское слово совесть, потому что, если не так, зачем она вообще нужна! Конечно, он сознавал, что это опасный путь, но если совесть чиста, а помыслы светлы… Оказалось, что нет. Но ведь и второй путь не менее опасен! Хитрый стряпчий способен составить такой договор, по которому всегда окажется в выигрыше он, но ведь тот, что нарушил Конан, составлял сам Митра!

В конце концов, Конан запутался в этих рассуждениях, но, когда стал королем, выбирал преимущественно первый путь и ни разу не разочаровался в нем… В себе! Во множестве случаев ему приходилось идти против писаного закона, в соответствии с велением совести, и ни единожды, но никто не назвал еще его решение несправедливым! Быть может, именно поэтому сейчас он был даже рад, что былое нахлынуло на него, окатив волной почти забытой душевной боли, которая, отступив, оставила после себя облегчение.

— Но ведь ты нарушил клятву!

— Формально — да. Но кого я убил? Невинного человека? Женщину? Воина, честно дравшегося со мной на поле брани? Я прикончил подонка, который не сделал того же самого со мной лишь потому, что я оказался сильнее, который лишил бы жизни даже крохотного ребенка, молившего

его о пощаде!

— И все-таки ты нарушил клятву,— устало повторил жрец, и Конан не понял, винит он его на самом деле или лишь говорит то, что должен.— Но Митра готов вернуть тебе дар.

— О, нет!— воскликнул король.— Дары Митры коварны, а плата за них непомерно велика!

— Остановись, Конан!— сурово воскликнул Мэгил.— Не переступай границу! Я совершенно не желаю с тобой ссориться, не говоря уже о том, что он,— Мэгил поднял правую руку, и указательный палец его нацелился в небо,— слышит нас!

— Вот видишь,— грустно усмехнулся киммериец,— я даже не могу сказать, что думаю, хотя это, всего лишь, правда! Но ты прав, и я тоже не желаю ссориться с тобой.

Некоторое время все молчали, и Зенобия, наконец, облегченно вздохнула, хотя и не понимала толком, о чем ее муж ведет спор с Мэгилом и какая ему грозит опасность. Хотя в том, что опасность есть и она нешуточна, королева не сомневалась.

Конн стоял рядом и, не выпуская из рук остроги, хмуро смотрел на пришельца. Ему не нравился чужак, явившийся в самое неподходящее время, испортивший им отдых, к тому же посмевший что-то требовать от отца, да еще в таком тоне!

Лесничий же хоть и был хмур, но за время всего разговора ни один мускул не дрогнул на его лице, и ни единым жестом не выдал он своего отношения к услышанному.

Он стоял, казалось, совершенно не интересуясь происходящим, но рука его твердо сжимала лук с наложенной на тетиву стрелой, и он помнил приказ своего повелителя, графа Троцеро — охранять короля и его семью. Хотя от кого охранять-то в этом запертом в горах ущелье, вход в которое доступен лишь с той стороны, где в лиге от них расположилась в деревне на постой сотня Черных Драконов? Ан нашлось от кого! И Тулерон, свято помня приказ, готов был пустить стрелу в грудь проходимца, назовись тот хоть самим Митрой!

Мысли же короля были далеки от этого. Он думал о случившемся, просто потому что знал, кто такой Мэгил, и понимал, зачем он пришел.

— Как это случилось?— хмуро поинтересовался он.

— Не знаю,— покачал головой бывший жрец Митры и сразу постарел, словно весь груз прожитых лет в одночасье навалился на него,— никто не знает. Но я был там. Роща сожжена, источники забиты песком, Учитель погиб. Его ученик — способный мальчишка, я сам привел его чуть меньше

полугода назад — не смог противостоять нападавшим. Он умел еще слишком мало. Еще один новичок, которого привели в этот день, лежал с размозженной головой. Когда я увидел его труп, у меня создалось впечатление, что его положили на наковальню и ударили кузнечным молотом.— При этих словах Зенобия невольно вздрогнула, видно, слишком живо представив себе, как это должно выглядеть, но в тот же миг с благодарностью ощутила ободряющее пожатие руки сына.— И одна из наших,— продолжал гость,— та, что привела парня, погибла.— Мэгил поморщился, словно прикидывая, стоит ли говорить об этом.— Ты должен ее помнить.

Сердце Конана невольно похолодело.

— Рина?— сами собой прошептали его губы.

— Да,— кивнул жрец, и сердце Зенобии болезненно сжалось.

Своим женским чутьем она поняла, что эта девушка когда-то была дорога мужу, но ревности почему-то не испытала, и ей было страшно думать, что это потому, что давняя соперница уже мертва.

— Как?— коротко спросил король.

— Ее распяли стрелами на дереве,— нехотя ответил Мэгил и прикрыл глаза, словно сам в который уже раз снова испытал эту чужую боль.— Она умирала долго… Я не хочу говорить об этом.

— Ты был там…

Конан то ли спросил, то ли говорил сам с собой, но Мэгил кивнул, соглашаясь с его словами.

— А Учитель?— внезапно спросил киммериец.

— Не знаю,— нехотя ответил Мэгил,— я нашел лишь его обгоревшее тело.— Помолчав, бывший жрец спросил:— Ты согласен?

— Нет!— резко, с ожесточением отозвался Конан. Почти выкрикнул, словно криком этим доказывая самому себе свою правоту, может быть, именно потому, что многое внутри него, и в первую очередь память, противилось такому решению.

Что ж, пусть мерзавка — память жжет каленым железом его душу, но он не согласен в угоду ей принести в жертву свою семью! Жертвовать живыми ради мертвых не в его привычках!

— Ты будешь жалеть об этом,— мрачно изрек Мэгил.

— Знаю,— неожиданно согласился король, но его покладистость лишь подлила масла в огонь.

— Не к лицу тебе, Конан, хранить обиду на того, кто над нами! — воскликнул жрец, но киммериец уже взял себя в руки.

— Не в обиде дело,— ответил он,— хотя и ее забыть непросто, но я

должен думать о живых.

— Что ж,— Мэгил сделал над собой усилие и смиренно склонил голову,— быть может, ты и прав. Во всяком случае, надеюсь, что это так. Позволь, по крайней мере, не покидать тебя сразу. Возможно, ты изменишь решение.

— Я буду только рад,— согласился Конан, на самом деле обрадовавшись,— но если ты надеешься…

— Нет, нет!— замахал руками жрец, который уже понял, что пока еще ни на шаг не приблизился к своей цели.— Я не стану омрачать твой отдых докучливыми просьбами и досаждать укоризненными взглядами! Просто… — Он помялся.— Ты не сердись, но я не зря упомянул Учителя, и то, что ты был самым сильным из его учеников.— Он вновь замолчал.— То, чего я опасаюсь, мне даже не хочется произносить вслух… Просто я хочу быть рядом с тобой.

— Ну что ж,— неожиданно заговорила королева, и оба тотчас обернулись к ней, словно она была негласной судьей в их споре,— хоть весть твоя и не принесла нам радости, будет хорошо, если в минуту опасности мужа будут окружать друзья. Сильные друзья,— со значением повторила она.— Ты ведь это имел в виду?

— Да, моя королева!— В знак согласия жрец склонил голову.— Но скажи, мы не могли встречаться прежде? Голос твой мне кажется на диво знакомым!

— Вряд ли!— На миг она смутилась под пытливым взглядом гостя и вдруг рассмеялась.— Разве что в одной из прошлых жизней, сквозь череду которых, если верить вендийцам, все мы проходим! Но они же утверждают, что память о предыдущих воплощениях у нас отбирают при рождении!

Сказав это, она неспешно направилась к домику лесничего, а Конн побежал рядом, таща свою рыбу и поминутно оглядываясь на странного незнакомца, посмевшего спорить с отцом и смутившего мать. Гость явно не нравился ему.

Лесничий, который понял, что никакой беды от незнакомца ждать не приходится, отправился с ними. Гость и король остались вдвоем. Остановившись у окна, Зенобия видела, как муж то принимался возбужденно ходить взад-вперед, пиная все, что попадалось на пути, а то вдруг останавливался как вкопанный и не отрываясь смотрел в глаза старого друга.

— Нергал принес его на нашу голову,— ворчал старик-лесничий, пробуя уху на вкус и подкидывая в ароматное варево какие-то лишь ему ведомые травы и коренья, ибо прошло немало времени, а король с гостем,

казалось, и не думали следовать за ними.

— От судьбы не уйдешь,— задумчиво ответила королева, которая все это время неотрывно глядела на мужа, но о чем говорил он с их гостем, с такого расстояния разобрать было невозможно.

Она лишь молила Деркэто, чтобы не случилось ничего страшного. Она так долго ждала этой поездки, и все шло так хорошо! За что же судьба ополчилась на них и не позволяет испытать простого людского счастья? Разве они его не заслужили? Обязательно подсунет какую-нибудь гадость, причем в самый неподходящий момент!

Тени насыщались тьмой и удлинялись, делая мир расплывчатым и загадочным. Уха уваривалась и доходила, исходя умопомрачительным ароматом. Лесничий блаженно щурился и вздрагивал, когда во время очередной пробы душистое варево обжигало ему рот, а затем кивал, давая понять окружающим, что вот-вот все будет готово. У Конна, глядевшего на старика, слюнки текли, и он уже совсем было решился позвать отца, когда разорвавший тишину — во второй уже раз за этот день! — топот копыт заставил его позабыть обо всем.

Лесничий вздрогнул, да так и застыл с поднесенной ко рту ложкой.

— Кого еще несет нелегкая?

Стук копыт стремительно нарастал, и уже было слышно, что всадник не один, что скачет, по меньшей мере, небольшой отряд. Выронив ложку и схватив лук, лесничий бросился к окну, чтобы увидеть, как первый из них вылетел из-за деревьев и, не сбавляя хода, направился к дому. Конан с удивлением, а Зенобия с облегчением узнали в нем Троцеро, гостями которого они сейчас были. Это значило, что все нормально, просто хозяин их не выдержал и, нарушив собственное намерение, поддался на их уговоры и решился-таки составить компанию своим гостям.

Однако, едва всадник спрыгнул с коня, как Зенобия поняла свою ошибку. Граф был хмур, если не сказать больше, и первым увидел это Конан.

— Что случилось?— озабоченно спросил он.

— Не знаю,— срывающимся голосом ответил Троцеро, хотя вряд ли его слова можно было принять за ответ, и опустился на скамью.

На него страшно было смотреть: лицо посерело, руки тряслись. Конан знал графа как человека вспыльчивого, быть может, излишне нервного, но мужественного и сейчас не представлял, что могло довести его до такого состояния.

— Не знаю,— повторил Троцеро, тяжело дыша,— но только что мне рассказали нечто дикое и совершенно невозможное. Я даже повторять не

хочу. Скажу лишь одно: если бы ты не был сейчас в Пуантене, я скакал бы туда, откуда прибыл гонец, но поскольку ты, мой король, здесь, решил сперва известить тебя.

— Ты все правильно сделал, мой друг,— просто ответил Конан и решительно направился к стреноженным коням.

— Я с тобой, отец!— кинулся к нему Конн.

— Конечно,— кивнул киммериец,— но лишь до лагеря Черных Драконов.

— Но, отец!— Лицо мальчика вспыхнуло от гнева, а может быть, и от стыда, а скорее всего, и от того, и от другого, но король одним жестом пресек возражения.

— Подумай о маме! Кому я могу доверить ее, если не тебе?!

Конн закусил губу, не в силах возражать, но королева неожиданно вновь вмешалась в разговор.

— Возьми его с собой, Конан,— мягко сказала она, коснувшись руки мужа,— не забывай, что он будущий король!

Киммериец долго смотрел в огромные глаза жены. Он увидел в них страх, и боль, и тоску расставания, и бесконечную любовь, и веру в него. Его суровое сердце дрогнуло, и он не посмел возразить.

* * *

Отряд скакал, изо всех сил стараясь поспеть до темноты, и было это непросто. Никто не знал, что за демон жил в вороном, равно как и то, каких кровей он был. Однако, несмотря на то, что в седле его сидел могучий киммериец, даже без доспехов весивший намного больше любого из Черных Драконов, славившихся своей статью и силой, а позади примостился принц Кони, пони которого явно не мог соревноваться в скорости бега с племенными кавалерийскими скакунами, но только ушел вороной далеко вперед, хотя его обиженные собратья изо всех сил старались догнать вожака. В результате Черные Драконы растянулись длинной цепью — каждый из жеребцов нес седока с той скоростью, на которую был способен, и постепенно цепочка все больше удлинялась.

Конн, как и любой мальчишка, тут же забыл о причине, бросившей их в эту безумную скачку, и оказался полностью поглощен ею. Ветер трепал его густые кудри, а сам он восторженно смотрел по сторонам. Сердце его

замирало, когда в опасной близости бешено проносились ветви деревьев. Лицо же отца на протяжении всего пути оставалось серьезным и сосредоточенным, ведь в отличие от сына он ни на мгновение не забыл об известии, позвавшем их в дорогу. Однако никто не видел его лица, ибо Конан скакал впереди.

Немудрено поэтому, что именно король раньше всех увидел огни лагеря, разбитого на окраине городка, который первым встретил их при въезде в Пуантен. Огни стремительно нарастали, и в сгущающихся сумерках киммериец ворвался в лагерь.

Глава третья
ТЬМА

Конан бросил поводья выбежавшему откуда-то из темноты гвардейцу и, убедившись, что Коня уже на земле, соскочил с коня.

— Не отходи от меня ни на шаг,— бросил он сыну и шагнул навстречу бегущему к ним сотнику.

Стараясь не отставать, за Конаном поспешил принц Кони, вооруженный небольшим мечом, который мог бы служить его отцу разве что кинжалом.

— Сотник пуантенских егерей, Жар!— отсалютовал воин королю и тут же добавил: — Мои арбалетчики оцепили Лирон, и только что нам на помощь подоспели гвардейцы, хотя… Все это уже ни к чему. Единственное, что мы можем сделать,— это не пускать людей в город, пока убитые не будут похоронены.

На землю опустилась ночь, но городок был ярко освещен: тут и там виднелись разожженные прямо на площади и посреди улиц костры. На дрова явно не скупились. Конан подумал, что, пожалуй, огня было даже слишком много, но больше пожара люди, похоже, боялись остаться в темноте. Огромными шагами король шел вперед, желая поскорее увидеть все своими глазами, так что сотник с факелом в руке едва поспевал следом, на ходу давая пояснения, но при последних его словах Конан остановился.

— Там, в самом деле, есть что скрывать?

Он обернулся и требовательно посмотрел в глаза воину.

— Я сказал бы так: людям лучше этого не видеть,— уклончиво ответил тот, хотя взгляда и не отвел,— и,— тут он немного помялся,— надеюсь, мой король не рассердится, если я осмелюсь дать совет…

— Разве твой король похож на кретина?— огрызнулся Конан, но его грубый ответ, похоже, вполне удовлетворил сотника.

— Я ничуть не сомневаюсь в мужестве принца,— заметил тот извиняющимся тоном,— но ему лучше остаться здесь.

— Отец!— воскликнул Конн.— Я приехал сюда для того, чтобы видеть!

— Тогда пошли,— коротко бросил Конан, не желая тратить времени на лишние споры.

Принцу исполнилось одиннадцать лет. К этому возрасту сам Конан давно уже добыл первого волка, и видом крови его напугать вряд ли было можно. Если парень считает, что способен выдержать и не испугаться, значит, так тому и быть.

— Твоя воля, король.— Сотник вздохнул.— Надеюсь, что тела уже успели прикрыть.

Город, как помнил Конан, был, мягко говоря, невелик. Десяток домов, разделенных между собой узкими улочками, широким кольцом охватывал площадь. Еще два десятка образовывали второе, внешнее кольцо, вплотную примыкая друг к другу, представляя собой сплошную крепостную стену, в которой существовало лишь два прохода, перекрываемых воротами.

Через один из них король въехал, а через второй покинул гостеприимный Лирон. Правда, были это, скорее, не дома, а усадьбы, населенные многочисленными семействами с работниками, слугами и служанками, и, когда они, приветствуя короля, высыпали на площадь, она оказалась забитой до отказа. Сейчас здесь тоже было очень много людей, но все они, еще совсем недавно радостно встречавшие обожаемого монарха, были мертвы.

— Я надеялся, что ты дождешься меня.

Запыхавшийся Троцеро догнал их и теперь шагал рядом. Обернувшись, Конан увидел, что и Мэгил здесь, но жрец шел молча, хмуро оглядываясь по сторонам. Они направились по широкой улице, разделяющей внутреннее и внешнее кольцо домов, и Конан сам бы не смог ответить на вопрос, почему сразу не идет на площадь. Подсознательно старается отдалить неизбежное? Или хочет лично увидеть все, чтобы найти что-то, что, быть может, упустили другие?

Костры были разведены через каждые пятьдесят локтей, и возле них стояли посты — как правило, егерь и гвардеец. Некоторые из костров оказались столь велики, что тяжело было пройти мимо, не опалив лицо, и тогда Конан хмуро выговаривал караульным, что так недалеко и до пожара.

Тишина стояла почти полная. Лишь изредка со стороны площади доносились людские голоса, приглушенные расстоянием и разделяющими людей домами, да трещали цикады, которым не было дела ни до чего. Однако эти естественные звуки ночи лишь усугубляли мрачное настроение людей, придавая нависшей тишине зловещий оттенок, словно напоминая о том, что беда еще не ушла.

Незаметно Конан оказался у ворот, через которые совсем недавно въезжал в город, и именно здесь он увидел первые трупы.

— Мы ничего не трогали, повелитель,— поспешил уверить его

сотник,— лишь прикрыли тела, не сдвигая их с места.

Двое мужчин, которых они увидели у самых ворот, оказались пришпиленными к стенам в первый же миг, и, похоже, бедняги не поняли даже, что произошло. Одному из них стрела пробила лобную кость и, выйдя из затылка, глубоко вошла в бревенчатую стену. Второму прошила голову от виска к виску. Несчастный так и остался стоять, прижавшись ухом к стене, словно прислушиваясь к тому, что происходит внутри дома.

Конан внимательно осмотрел черные стрелы с красным оперением. Древки их оказались гораздо толще и длиннее обычных. Он подумал, что лук, выпускающий подобные стрелы, должен быть очень мощным, а стрелок, соответственно, могучим, потому что силой, чтобы из такого оружия посылать стрелу за стрелой, нужно обладать воистину немалой.

— Лихие люди в наших местах давно повывелись,— объяснил Троцеро, но традиция запирать ворота на ночь осталась.

— Их она не спасла,— мрачно заметил король.

— Да,— кивнул граф.— Видно, неурочные гости не вызвали подозрений.

Они двинулись дальше, но вокруг царила пустота. Дома, костры, молчаливые мрачные люди и треск цикад, ставший уже нестерпимым.

— Когда это началось, люди бросились на площадь,— заговорил сотник, успевший уже уяснить для себя, как все происходило.— Женщины и дети укрылись в храме, надеясь, что покровительство всеблагого Митры, особенно сильное в таком месте, защитит их.

— Защитить их могли только мужчины,— хмуро обронил Конан.

— Ты прав, мой король,— согласился сотник,— но они не сумели.

— Сколько было нападавших?— спросил киммериец, который думал уже о другом.

— Не знаю,— задумчиво покачал головой егерь.— Рассказать-то некому. Все погибли.

К этому времени они успели сделать круг, и вышли, наконец, на площадь. Здесь их взорам открылась совершенно иная картина. Площадь оказалась завалена трупами, лежавшими отдельно и вповалку, частично прикрытыми рогожей, чтобы скрыть изуродованные части тел.

Король окинул площадь мрачным взглядом. Везде лежали мертвецы, еще недавно гулявшие вместе с ним на празднике обильного урожая. И здесь были лишь мужчины. Почти все они сжимали в руках оружие: как видно, до последнего вздоха защищали свои семьи.

— Похоже, у нападавших все было рассчитано заранее,— заметил Конан.— Они вошли в ворота, намеренно производя побольше шума.

Подождали, когда люди соберутся на площади, разделались с мужчинами, обыскали дома, а тех, кто рассчитывал укрыться в храме, сожгли, хотя там были только женщины и дети.

— Странно, что все как один покинули дома, не попытавшись отсидеться,— заметил Троцеро.

— Я думаю, их что-то очень сильно напугало,— ответил киммериец. — Что-то или кто-то, увидев кого, люди превратились в мечущееся в панике стадо, которое от страха сбилось в кучу.

— Обычно вместе люди становятся сильнее,— заметил сотник.— Здесь этого не произошло.

Конан кивнул, соглашаясь, и молча, огляделся. Посреди площади все так же бил фонтан, а за ним, как раз напротив того места, где они стояли, совсем недавно высился храм Митры. На стальном фонарном крюке, вмурованном в его стену, висела обнаженная женщина.

Ее непомерно распухшее тело казалось надутым. Руки были неестественно растянуты в стороны, как у ватной куклы, и это придавало ее облику нелепый и вместе с тем жуткий вид.

Конан отметил про себя, что этой женщине почему-то предназначили иную смерть, отличную от прочих. В таком поступке было что-то, по крайней мере, бранное, но киммериец тут же перестал думать об этом, как только начал осматривать трупы убитых.

Конн бежал за ним, стараясь не отставать и не глядеть на то, что привлекало внимание отца. Король же останавливался, приподнимал прикрывавшие раны тряпицы и, что-то выяснив, быстро шел дальше. Ему не потребовалось обойти всех, чтобы уяснить для себя то, что он хотел знать: раны были четырех типов.

Аккуратный удар клинком по шее, перерубавший шейную жилку, стрела; поражавшая почему-то непременно в голову,— так погибли многие.

Конан задумался и рассеянно посмотрел на повешенную, отметив про себя, что было еще что-то странное в ее облике.

У некоторых людей головы оказались размозжены примерно так, как это описывал Мэгил… И это было неприятней всего: похоже, жрец не зря остался с ним. Он чувствовал, каким образом станут разворачиваться события.

Однако большинство людей было убито иначе. Людей жрали живьем, загрызая насмерть. На их трупы действительно было страшно смотреть — откушенные конечности, выеденные внутренности, разгрызенные черепа…

После первого же трупа Конн отвернулся и порадовался тому, что так и не успел поужинать. Дальше он лишь следовал за отцом, но старался не

смотреть вниз. Конан же видел такое и прежде, правда, в меньших количествах, а потому думал о другом. Если первые три вида ран были оставлены людьми, то загрызало жителей Лирона явно нечеловеческое существо.

Раздумывая об этом, король шагал вперед, в то время как Конн шел рядом и если давно уже старался не смотреть по сторонам, то теперь пытался и не дышать. Густой, удушливый запах паленой человеческой плоти, с самого начала висевший в воздухе, на подходе к храму стал просто нестерпимым. Принц посмотрел на отца, но король словно и не ощущал вони. Он смотрел на повешенную и ловил упорно не авшуюся мысль, пока не понял, что ему казалось странным: труп женщины выглядел невесомым и раскачивался от несильного ветерка, словно внутри и в самом деле ничего не было.

— Кто это?— спросил киммериец, ни к кому не обращаясь, но ему тотчас ответили.

— Та девушка, что поднесла тебе рог с вином,— услышал Конан и невольно вздрогнул, хотя, наверное, и ожидал этого.

Девушка была и оставалась для него никем. Он даже имени ее не знал и все-таки… Зачем все это? И почему выделили именно ее, красавицу, встречавшую короля?

— С нее сняли кожу,— угрюмо заговорил сотник,— набили травой и это чучело повесили. Она была единственной, кто остался в живых, когда мы пришли сюда.— Он помялся.— Нам пришлось избавить ее от страданий.

Конан поднял глаза и посмотрел на лицо повешенной. Оно было грубо залатано, густо закрашено белилами, поверх которых широкими небрежными мазками были набросаны карикатурные черты… Король вгляделся в них.

— Кром!— взревел он, словно смертельно раненный киммерийский медведь, и окружавшие его люди в испуге отпрянули.— Коня мне!— Король яростно заозирался, но кто-то уже вел под уздцы вороного.— Живо!

Одним движением вскочил он в седло, обернувшись только затем, чтобы крикнуть: «Присмотрите за Конном!»— и ударил жеребца ладонью по крупу. Тот слегка покосился на седока («Чего это ты, братец? Будто я сам не знаю, что нужно делать?») и взял с места в карьер. Конан даже не оглянулся, чтобы посмотреть, поскакал ли кто следом. Ему было все равно. Перед глазами словно застыла картина: покачивающееся на ветру чучело бедной девушки, на забелёленном лице которой вульгарно намалеваны

черты Зенобии.

Предупреждение это было настолько недвусмысленным, что сердце Конана бешено заколотилось в груди, к любую минуту готовое выскочить наружу.

Вороной несся, как черный демон ночи, но киммерийцу казалось, что они топчутся на месте, и даже бешеный ветер, бивший в грудь, не в силах оказался охладить его пылающее лицо.

Киммериец возблагодарил Крома за то, что тихое место, избранное ими для отдыха, находилось не слишком далеко от Лирона. Его не покидала дикая мысль, что население городка было уничтожено только для того, чтобы заманить туда Конана, разлучить его с Зенобией и оставить ее без его защиты, и от этой мысли ему становилось страшно… Страшно, потому что заставляло его думать о том, что сейчас происходит там, в то время как сам он здесь. Все это могло означать только одно: кто-то из прежних врагов всерьез принялся за него, но прежде чем разобраться с самим Конаном, решил причинить ему боль, сильнее которой измыслить невозможно,— расправиться с его женой и сыном.

Могучее животное несло его вперед, не сбавляя, а временами даже наращивая темп бега, как будто не знало, что такое усталость.

Наконец, где-то впереди засверкали огни, неожиданно яркие, предвещавшие беду, и Конану показалось даже, что он видит дым далекого пожарища, уходящего в высокое ночное небо. Ему вспомнилось, что в Лироне храм подожгли последним и на вскинувшееся к небу огненное зарево поспешили люди. Правда, затерявшейся в конце долины деревушке, где под охраной полусотни Черных Драконов осталась Зенобия, помощи ждать было неоткуда. Но гораздо хуже было другое: раз выпустили на волю огонь, значит, в живых там не осталось никого!

Конан сжал зубы, но бить коня не стал, побоявшись, что тот просто не сможет бежать еще быстрее. Огни и так приближались, замелькали совсем рядом, из простого светового пятна, горевшего в отдаленье, превратившись в пламя пожарища, страшное, разноцветное — от ярко-желтого до красного, почти бордового.

Конан решил сократить путь и погнал коня лесом. Мягкий мох заглушил стук копыт. В просвете между деревьями киммериец увидел страшную картину и через мгновение вихрем ворвался в круг света. Два последних гвардейца из Черных Драконов с залитыми кровью лицами, до неузнаваемости искаженными яростью, из последних сил защищали королеву от человека в странном, но роскошном, расшитом драконами халате, необыкновенно ловко орудовавшего двумя слегка изогнутыми

кхитайскими мечами. В отличие от телохранителей Зенобии кхитаец явно забавлялся, оттягивая конец схватки.

В двух десятках шагов от них, на площадке, усеянной изувеченными трупами Черных Драконов и егерей Троцеро стояли двое: прекрасная белокурая амазонка с роскошными формами, разгоряченная только что завершившейся битвой, с ног до головы залитая кровью поверженных противников, и огромный, как сначала показалось Конану, бык, почему-то стоявший на задних копытах. Бык, однако, был без рогов, а непропорционально маленькая голова его, сидевшая на вершине огромного, тянувшегося вдоль всей спины горба, который плавно переходил в шею, оказалась выбритой наголо, как это принято у людей в Туране или Гиркании. К тому же человекобык опирался огромной ручищей на рукоять гигантского тяжелого боевого молота, стоявшего возле правой ноги. И еще своим чутьем варвара Конан почувствовал незримое присутствие четвертого, не желавшего показываться в круге света, и, судя по тому, что король видел в Лироне, это должен был быть лучник.

Человекобык был угрюм, и глаза его светились злобой. На губах амазонки играла презрительная улыбка: воительница явно наслаждалась кровавым зрелищем.

Всю эту картину Конан охватил одним взглядом. В следующий миг он уже ворвался в круг света. Первой увидела его стоявшая ближе всех амазонка, и реакция ее оказалась мгновенной. Отработанным движением, даже не потрудившись размахнуться, как следует, она вскинула руку и, тихо просвистев в воздухе, ее хлыст метнулся к горлу короля. Киммериец, однако, не стал дожидаться его обжигающего прикосновения, и, пригнувшись, закатил полуголой красавице звонкую оплеуху, от которой та не устояла на ногах и повалилась в пыль.

Молотобоец заметил нового противника мгновением позже, но, когда Конан выпрямился в седле, тяжелый молот уже устремился в полет. Однако и меч, словно, возникнув из воздуха, столь же быстро оказался в руке киммерийца. Обладателю молота нужно бы направить удар в голову коня, а он нацелил его в седока, и это оказалось серьезной ошибкой. Когда молот встретился с острием меча, рукоять разлетелась и смертоносное оружие превратилось в бесполезную чурку. Мощный удар ноги пришелся в челюсть человекобыка и опрокинул его на землю.

Конан увидел, как восторгом и любовью загорелись глаза Зенобии, как воспряли духом его телохранители, как, мгновенно обернувшись, окинул его насмешливым, презрительным взглядом кхитаец в расшитом халате. Киммериец спрыгнул с коня и направился к ним. Он успел сделать всего

шаг, когда обостренное чутье варвара заставило его пригнуться, едва ли не броситься на землю. В тот же миг над самой головой со свистом пронеслось нечто, и один из Черных Драконов со стоном повалился на землю, пронзенный черной стрелой с красным оперением.

В следующий миг Конан с разворота метнул свой тяжелый двуручный меч, направив его в черное пятно, замершее, как ему показалось, у дальней стены утонувшего в ночной темноте дома. Оборачиваясь назад, он услышал, как с глухим ударом клинок вонзился в стену. Из темноты до него донеслись сдавленные проклятия, затем раздался треск, и темное пятно метнулось в сторону, только этого Конан уже не видел. Он подхватил с земли принадлежавший кому-то из убитых легкий туранский клинок и бросился к поджидавшему его кхитайцу.

Тот уже понял, что теперь его противником становится сам король Конан, о воинском искусстве которого ходили легенды. В легенды, правда, можно было и не верить, зато в себе и в своей победе кхитаец не усомнился ни на миг.

Краем глаза Конан увидел, что гигант, похожий на быка, склонился над белокурой амазонкой, но едва клинок его скрестился с мечом кхитайца, как поединок занял все его внимание. К сожалению, кривой туранский клинок был короче мечей кхитайца, зато Конан был выше ростом, а значит, и руки его были длиннее, что несколько уравнивало шансы. На поясе Конана висел еще тяжелый кинжал в три ладони длиной, но его вряд ли можно было назвать серьезным оружием.

Кхитаец поднял перед собой скрещенные клинки и отсалютовал Конану, не ответившему на приветствие: не в его правилах было обмениваться любезностями с бандитами. Сталь звякнула о сталь, но негромко, будто клинки лишь попробовали друг друга на вкус. Легкий звон наполнил воздух: бойцы знакомились, показывая излюбленные приемы, выясняя, владеет ли ими противник, оценивая сильные стороны и пытаясь отыскать слабые места.

Зенобия склонилась над пораженным в грудь воином — тот был еще жив. Второй гвардеец, словно завороженный, наблюдал за поединком.

Конан возблагодарил Крома за то, что клинок ему попался хоть и коротковатый, но откованный из отменной стали. Странная зачаровывающая мелодия смерти зазвучала в ночи, гипнотизируя окружающих, приковывая к себе их внимание, заставляя забыть обо всем. Перезвон длился нескончаемо долго, но на каждый выпад кхитайца противник его находил нужный ответ, и туранский клинок, раз за разом, отражал смертоносные удары.

— Кончай с ним!— услышал Конан разъяренный голос амазонки, но мгновением раньше кхитаец, похоже, и сам пришел к такому же решению, потому что его оружие заплясало вдвое быстрее, и Конан опомниться не успел, как кончик кхитайского клинка тихонько свистнул, оставив на запястье киммерийца тонкую полосу, из которой тут же засочилась кровь. Именно в это мгновение противник его впервые заговорил.

— Скоро твоя рука одеревенеет, король,— грустно улыбнувшись, предупредил кхитаец,— и все закончится. Правда, ты можешь утешиться тем, что это не твоя вина. Просто жало твое короче.

— Зато руки длиннее!— рассмеялся Конан, проводя ответный выпад. Дракон на халате лишился головы, и почти сразу кровь пропитала ткань вокруг, расплывшись темным пятном.

— Убей его!— вновь рыкнула амазонка, держась за заплывшую огромным синяком щеку.— Нам пора уходить!

В тот же миг кхитаец рубанул вторым мечом, которым не пользовался до сих пор, намереваясь одним ударом закончить бой, но острие его напоролось на кинжал киммерийца, мгновенно оказавшийся в руке варвара.

— Неплохо, друг мой.— Кхитаец удивленно вскинул бровь.— Весьма неплохо! У тебя, оказывается, две руки!

Конан усмехнулся, отразив очередной сложный удар противника и, подбросив меч, перехватил его левой, неповрежденной рукой.

— Чтобы ты зря не мучился сомнениями, могу сказать сразу: у меня есть все, что положено иметь мужчине,— сообщил он.

Конан сказал это не из желания поддразнить противника, а чтобы до того не дошло, или, по крайней мере, не сразу дошло, что рука киммерийца, как того и следовало ожидать, начала если не деревенеть, то наливаться тяжестью. Достижение следовало закрепить и, неуловимым движением вновь выхватив из ножен кинжал и отразив им очередной удар, Конан поднырнул под руку кхитайца и отсек голову второму дракону, вторично окрасив халат незнакомца алым.

— И этот ответ мне по душе,— невозмутимо кивнул противник короля, не пояснив, правда, что он имеет в виду — слова Конана или его действия.— Жаль, что придется тебя убить.

В тот же миг мечи у него в руках словно ожили и замелькали перед лицом киммерийца в замысловатом танце, который должен был закончиться смертью. Конан едва успевал отбивать посыпавшиеся на него удары, с радостью отмечая, как захлебывается тщательно продуманная атака противника. Почти сразу он заметил в защите кхитайца брешь и,

прежде чем успел подумать, что это ловушка, нанес удар.

Скрещенные перед лицом кхитайца клинки приняли его на себя. Лицо противника едва заметно дрогнуло в усмешке, в которой смешались радость, грусть и удовлетворение от сознания собственного превосходства, а потом случилось невероятное: два скрещенных острия, немыслимым образом переплетясь в замысловатом вензеле, потянули его клинок за собой, словно и он составлял часть этого странного узора. Затем один из них с неожиданной легкостью выскользнул из переплетения и потянулся к горлу киммерийца, но, наткнувшись на кинжал и изменив траекторию, пропорол второе предплечье короля.

На лице кхитайца отразилось уважение. Второй его меч крутанулся и резко ушел вбок, потащив за собой и туранский клинок, вырывая его из раненой руки. Конан почувствовал, что рукоять словно ожила и рвется на волю. Тогда он изо всех сил сжал ее и, шагнув в сторону, сам докрутил в том же направлении еще один оборот и одновременно увел клинок вниз, с удовлетворением услышав, как сталь лязгнула о камень, и увидев вытянувшееся лицо незнакомца.

— Не слишком расстраивайся,— усмехнулся он, отвечая на прежнее замечание противника,— вряд ли это удастся тебе. Лучше назови свое имя!

— Тебе-то оно зачем?— раздраженно спросил наполовину разоруженный кхитаец.

— Чтобы знать, кого вспоминать!— ухмыльнулся Конан.— Дрался-то ты неплохо!

Кхитаец ничего не успел ответить, потому что в тот же миг темноту разорвал топот копыт, и случилось то, чего киммериец никак не ожидал. Проявив неожиданное для его размеров проворство, звероподобный гигант едва ли не мгновенно оказался за спиной кхитайца, охватил его своей лапищей и бросился наутек.

Конан побежал следом и лишь отчаянное «Не-ет»! королевы остановило его. Зенобия бросилась к мужу, обвив его шею руками и покрывая лицо поцелуями.

— Я знала, милый, знала, что ты придешь, что ты успеешь!— без конца повторяла она, а потом словно одеревенела, прошептав лишь:— Это было так страшно…

В следующее мгновение в освещенный круг влетели его Черные Драконы и егеря Троцеро во главе с самим графом. Принц Конн спрыгнул с коня и бросился к матери.

— Успокойся, милая, все уже позади.— Конан расцеловал жену в мокрые от слез щеки и оставил наедине с сыном под присмотром десяти

своих людей и стольких же егерей Троцеро. Правда, теперь он уже не был уверен в надежности такой охраны. Что ж, по крайней мере, смогут сдержать налетчиков до тех пор, пока он сам не поспеет.

— Это были они, Конан?

С непередаваемой грустью Мэгил посмотрел на друга, хотя ответ уже знал.

— Это были они,— как эхо отозвался король, поднимая с земли клинок кхитайца и рассматривая его.

Ажурно оплетенная тонкой кожаной лентой рукоять удобно лежала в руке. Гарда мягко касалась кисти, но представляла собой не традиционный кругляш, а сложно сплетенный вензель с парой отростков, нацеленных под углом вперед. Похоже, именно в этом странном переплетении запутался кончик королевского меча. Конан взвесил клинок на руке и почувствовал, что тот идеально сбалансирован, но потом понял, что такое определение неверно. Он еще раз поиграл оружием и сообразил, в чем крылась ошибка — клинок ничего не весил! Киммериец еще раз, взмахнул им, словно любуясь, и посмотрел на лезвие: странная, голубоватая сталь казалась полупрозрачной. Вдоль клинка в три ряда тянулась замысловатая мелкая вязь кхитайских иероглифов. От них веяло тайной, древними знаниями и необоримым колдовством, которое неподвластно даже времени.

— Как выглядел тот, кому принадлежал этот меч?

Мэгил, пытаясь рассмотреть клинок, заглядывал из-заспины киммерийца, и его прозвучавший неожиданно вопрос заставил Конана отвлечься от размышлений. Он пожал плечами, словно давая понять, что в противнике его не было ничего особенного.

— Кхитаец,— начал говорить он, в то время как Мэгил принялся перевязывать раны на его руках,— примерно моего возраста, но значительно ниже, хотя для кхитайца необычно высок.— Король показал ладонью рост противника примерно на уровне мочки своего уха.— Что еще? Великолепно владеет оружием.

— Так великолепно, что оставил здесь свой меч?— услышали они ироничный вопрос подошедшего Троцеро.

— Нечему радоваться.— Конан невесело покачал головой.— Все было на грани. Дважды я его ранил дважды он меня, но все четыре раны на уровне едва ощутимых касаний.

Мэгил покачал головой.

— Едва ощутимые касания?!— возмущенно воскликнул он.— Да он вскрыл тебе обе вены! Еще немного, и ты просто истек бы кровью!

— Ну, это кто раньше!— самодовольно ухмыльнулся киммериец.—

Громила, похожий на быка, унес его прочь, когда едва ли не весь халат кхитайца уже был пропитан кровью.

Говоря: «Весь халат»,— король, конечно, несколько преувеличил, но в пределах допустимого, не извратив сути.

Впрочем, он и сам понимал, что все гораздо серьезнее, а потому мгновение спустя добавил:

— Но, в общем-то, ты прав — хорошего мало. Я уже говорил и не собираюсь отказываться от сказанного — все было на грани! К тому же не забывай, для него, похоже, все это было развлечением! По крайней мере, вначале…

— Откровенно говоря,— Троцеро покачал головой,— я не знаю, что и думать, но твой человек — единственный, оставшийся в живых!— рассказывает такое… Он говорит, что четыре человека — правда, сам он видел лишь троих, но откуда-то все время летели бившие без промаха стрелы — уничтожили полсотни Черных Драконов и столько же моих егерей, не говоря уже о жителях деревни! Причем одной из нападавших была женщина!— Граф помолчал, прежде чем заговорить снова. Видно, происшедшее все еще не укладывалось у него в голове.— И тут является наш король, легко уворачивается от захвата хлыста, прежде разившего без промаха, попутно залепив его обладательнице пощечину, от которой та едва не протянула ноги, сбивает с ног верзилу, перерубив перед тем рукоять его молота, и обезоруживает лучника. После этого появились мы и помешали ему разобраться с кхитайцем.

Троцеро затрясся от беззвучного смеха, Мэгил хмыкнул, Конан покачал головой и поморщился.

— Перестань. Я же говорю, все было на грани,— уже в третий раз повторил он,— и я считаю, что мне просто необыкновенно повезло.

— Повезло?— Троцеро, наконец, перестал смеяться и обвел взглядом присутствующих.— Прошу прощения, мой король, это нервы. Годы и нервы.

— Брось оправдываться,— отмахнулся Конан,— все мы не в лучшем состоянии, но в сказанном тобою действительно есть что-то несуразное… Правда, ты забыл о Лироне.

— Да?— оживился граф.— А при чем здесь Лирон?

— Подожди,— прервал его Конан,— сперва я должен кое-что проверить.

Он осмотрелся и пошел в ту сторону, куда кошмарный молотобоец утащил на себе кхитайца.

— Посветите мне кто-нибудь!— гаркнул он, ни к кому конкретно не

обращаясь, но к нему тотчас бросились двое с факелами.

Одним из них был Черный Дракон, вторым егерь Троцеро.

— Ты был в Лироне?— обратился к егерю король.— Хорошо,— заметил он, когда тот утвердительно кивнул.— Не видел там начерченной на земле странной фигуры, похожей то ли на подкову, то ли на разорванное кольцо с отогнутыми краями и непонятными знаками внутри?

— Видел что-то похожее,— осторожно ответил тот,— только она была порядком затоптана.

— А здесь?— задал Конан следующий вопрос.

— И здесь видел,— тотчас ответил егерь.

— Веди нас к ней!

Кивком король приказал арбалетчику указывать путь, и тот бросился вперед.

— Мы как раз к ней и идем!— на бегу ответил он, все больше волнуясь.— Вот она! — воскликнул егерь, выскочив на небольшую поляну и внезапно останавливаясь, но тут же пошел вбок, обходя стороной начерченное на земле кольцо локтей десять в поперечнике.

Конан обернулся, приглашая за собой остальных, и увидел, как Мэгил невольно вздрогнул.

— Откуда ты знаешь об этом знаке?— волнуясь, спросил жрец.

— Видел однажды,— уклончиво ответил Конан и, понимая, что такой ответ вряд ли может удовлетворить любопытство друга, оборвал его взмахом руки,— спроси у графа!

Егерь уже достиг противоположного края рисунка, и король медленно пошел к нему. Примерно на полпути он остановился.

— Троцеро, вели-ка позвать кого-нибудь — пусть зарисуют это.

Он указал рукой на орнамент. Боковым зрением Конан отметил, как граф взял из рук его телохранителя факел и, несмотря на отчаянное сопротивление Черного Дракона, отправил его с поручением. Король усмехнулся: что ж, пусть. Тем быстрее здесь появится человек с мелком и доской!

— Мэгил!— внезапно окликнул он друга.— В Священной Роще ты видел то же самое?

— Да!— с непонятным ожесточением выкрикнул тот.— Ты прекрасно знаешь, что это так!

— Знаю, знаю…— Конан поднял руки в примирительном жесте.— Только зачем же так кричать? Нервы у всех напряжены, как справедливо заметил граф, и мне совсем не хочется, чтобы кто-нибудь выпустил в тебя стрелу по ошибке!

Некоторое время царило молчание.

— Извини.— Мэгил склонил голову.— Я был не прав.

— Да нет, отчего же?— Киммериец усмехнулся.— Я ведь сказал только то, что думал. Мне и в самом деле не хотелось бы, чтобы кто-то со страху решил, будто вернулась побывавшая уже здесь четверка, и пристрелил тебя. Скажу больше: теперь я знаю, это те же люди, и сожалею, что не согласился с тобой сначала! Хотя,— он горько усмехнулся,— это ничего бы не изменило.— Король помолчал немного.— Не пойму только, кто они и чего добиваются?

— Повелитель!— внезапно воскликнул егерь.— Там лежит какая-то записка!

И он указал на бумажку, валявшуюся в центре разорванного круга. Конан нагнулся, но Мэгил тут же подскочил к нему.

— Что ты делаешь?!— воскликнул он, хватая друга за руку.— Это явно тот путь, которым они уходили, а мы не знаем, как долго действует заклятие!

Конан недовольно поморщился, но спорить не стал: предостережение было вполне разумным. Но не ждать же, в конце концов, когда явится писарь с мелком и можно будет просто затоптать орнамент? Конан не стал мудрить. Он просто воткнул доставшийся ему клинок в бумажку и вытащил ее из круга.

Мэгил судорожно вздохнул, ожидая, как видно, что король тотчас испарится, Троцеро вздрогнул, а привыкший ко всему егерь, не веривший ни в Митру, ни в Сета, лишь ухмыльнулся, когда король, избегнув неминуемой смерти, развернул записку.

— Ну и что там?

— Привет от Рози,— прочитал король и замер, силясь понять, что это может значить. То есть смысл-то записки был совершенно ясен, но вот кто такая Рози?!

Троцеро нашелся первым, правда, реакция его была несколько своеобразной. Он повернулся к егерю — единственному из посторонних, кто слышал прочитанное,— и безапелляционным тоном заявил:

— Если королева узнает о содержании записки, считай, что ты получил направление на западный рубеж, за Громовую!

Тот кивнул, едва сдерживая улыбку и глядя на короля, который, похоже, уже потерял надежду ответить на вопрос, кто же такая Рози?

— Ты и вправду хочешь это знать?— спросил Мэгил.

— Еще как!— воскликнул Конан, не к месту поминая Нергала, но тут же спохватился.— То есть, конечно, ведь во всяком деле можно

договориться!

— Это вряд ли,— заметил Мэгил.— Слишком далеко они зашли, чтобы останавливаться. Скажу сразу, что Нергал здесь не при чем. Зря ты его обидел: из всех темных божеств, он, быть может, самая мирная тварь.

— Так кто же?!— воскликнул король.— Только не говори мне о Тот-Амоне! Меня уже тошнит от этого имени!

— Не знаю, как насчет Тот-Амона,— невольно усмехнулся Мэгил,— но боюсь, мой ответ разочарует тебя. Знаю я не слишком много, однако меч этот кажется мне знакомым.

Жрец протянул руку, и король без колебаний передал ему свой трофей. Мэгил взял меч правой рукой за рукоять, шепча что-то неразборчивое, положил плашмя на ладонь левой и сделал едва уловимое движение. Рыжий отблеск от пламени факела волной колдовского огня пробежал по клинку, заставив замысловатые картинки чуждой тайнописи вспыхнуть голубым светом, пока не наткнулся на нечто крохотным огненным солнцем разгоревшееся у самой гарды.

Люди, словно зачарованные, смотрели на это священнодействие, и голос Мэгила заставил их вздрогнуть.

— Да, это он. Этот клинок изготовлен в Солнечной Империи, лежащей за далеким Кхитаем в Восточном море. Люди, живущие там, похожи на кхитайцев и в то же время совсем другие. Они выше ростом и, подобно нам, людям Запада, предпочитают силу хитрости, которую так ценят кхитайцы. Кхитайцы, сами знаете, способны, беспрестанно кивая, кланяясь и улыбаясь, пригласить тебя в свой дом, чтобы поднести чашу с ядом, уверяя при этом, что в ней чудодейственный нектар, доступный лишь богам да еще разве их императору.

— Ты перегнул, мой друг,— с улыбкой возразил король.— Я был в Кхитае и готов утверждать, что не все кхитайцы таковы.

— Конечно!— с готовностью согласился Мэгил.— Но когда нужно чего-то добиться, действовать предпочитают именно так!

— Быть может, ты и прав,— не смог в свою очередь не согласиться и Конан,— но мы что-то отвлеклись.

Жрец кивнул и тут же протянул клинок королю, что-то показывая на нем, но так, чтобы это было видно и Троцеро.

— Видишь маленькое солнышко в самом начале клинка, у гарды?— спросил он.— Это символ Солнечной Империи и одновременно личное клеймо мастера, отковавшего меч. Кстати, меч превосходный. Даже сам по себе.

— Что значит «сам по себе»?— не понял король.

— Это значит, что на клинок наложено неуничтожимое заклятие, но, даже не будь его, он остался бы столь великолепным, что немного в мире нашлось бы мечей, способных оспорить его первенство!

— И чего же в нем такого особенного?— пренебрежительно хмыкнул король, но, приняв меч из рук Мэгила, почувствовал, что тот прав: клинок в самом деле был необычный, и это чувствовалось сразу.

— Сталь, из которой он откован, состоит из отдельных зерен.

При этих словах король невольно поднес клинок к лицу, словно пытаясь увидеть то, о чем сказал Мэгил. Тот усмехнулся:

— Напрасно стараешься. Представь себе пыль, столь мелкую, что мука по сравнению с ней кажется щебнем. Представь одну пылинку. Так вот она будет подобна небольшой скале рядом с зерном стали. Из таких вот крупиц и откован этот клинок.

Конан кивнул:

— Слышал я про сталь из Дамаста…

— Да,— кивнул жрец, соглашаясь,— она, пожалуй, тоже хороша, хотя и уступает этой. Кстати, посмотри на свой меч.

Конан осторожно вытянул из-за пояса меч и впервые внимательно посмотрел на оружие, которым сражался. В глаза бросался ни с чем несравнимый узор, который невозможно было не заметить даже в тусклом пламени факелов. И еще Конан увидел то, чего не заметил вначале,— покрытое зазубринами острие!

— Тебе повезло, что ты подобрал именно его,— улыбнулся Мэгил.— Попадись тебе в руки обычный клинок, ты был бы уже мертв.

Конан достал из-за пояса свой кинжал. На нем не было причудливых узоров, свойственных дамастской стали,— это он знал и так, хотя понятия не имел, где, когда и кем был откован клинок. Это был трофей, добытый им меньше десяти лет назад, когда он попал на пиратское судно в море Вилайет и судьба столкнула его с двумя галерами Ездигерда. Тогда он отказался от своей доли и отправился дальше, прихватив лишь кинжал, сразу понравившийся ему, хоть тот и был отделан очень просто, и ни разу не разочаровался в нем. Теперь, похоже, оружию пришел конец. Два сильных удара, что Конан отразил с его помощью, оставили неустранимые метки, не говоря уж о десятке более мелких зазубрин, которые еще можно было зашлифовать. Конечно, оба клинка можно и перековать, но делать это должен мастер, не уступающий в мастерстве тому, кто изготавливал их.

— Чем же так хорош этот меч?

Услышав вопрос Троцеро, Конан отвлекся от своих мыслей.

— Что случится, если в ходе боя на клинке появится зарубка?—

вопросом на вопрос ответил Мэгил.

— Я зашлифую ее и отполирую клинок,— не задумываясь, ответил граф.

— Верно,— согласился жрец,— но что случится, если ты не успеешь этого сделать и в том же бою меч врага угодит в щербину?

— Тогда мой меч расколется, а я вряд ли доживу до конца боя.

— Тоже верно,— вновь согласился жрец.— Так вот, с этим оружием такого случиться не может. Даже если найдется равный по прочности клинок…

— Например, этот?

Конан подбросил на руке дамастский клинок, сослуживший ему добрую службу, хотя и понимал, что этому оружию далеко до кхитайского.

— Ну, пожалуй,— согласился жрец,— хотя такое вряд ли ему по силам. Так вот, он просто выбьет со своих мест несколько песчинок, но оставшаяся масса вовсе не потеряет своих свойств. Ты даже не заметишь, на какое место пришелся удар!

— Но откуда ты знаешь, что он крепче дамастского?— задумчиво спросил Конан.

— Все это легенды…— нехотя ответил жрец.— Ты ведь знаешь, что у каждого народа есть мастера, бережно хранящие опыт отцов и дедов и передающие его по наследству. И среди них можно отыскать не одного и не двух, которые сумеют сварить сталь, и отковать из нее клинок не хуже дамастского. Иногда я думаю, что оружие из Дамаста стало столь известно лишь благодаря необычному, украшающему его узору… Так вот существует легенда, согласно которой дамастский клинок — лишь неудачная попытка воспроизвести этот.— Мэгил указал на трофейный меч.

— Что же такого знали мастера Солнечной, чего не смогли воспроизвести умельцы ни в Дамасте, ни в других странах?

— Разве я сказал, что не смогли?— удивился Мэгил.— Я просто сказал, что мне неизвестно об удачных попытках! А секретов по большому счету нет. В общих чертах рецепт этот знаю даже я, только проку от него никакого! Посуди сам. Сперва варится отменная сталь. К примеру, такая, из которой откован твой кинжал. Такую сталь опускают в чан с кровью дракона и, поставив на огонь, размешивают до тех пор, пока она не растворится без остатка. Потом в чан начинают сыпать алмазную пыль, не переставая перемешивать содержимое. Когда масса приобретает плотность густого теста, из нее формуют заготовки — небольшие кирпичики, каждый из которых содержит ровно столько материала, сколько нужно для изготовления клинка, который ты держишь в руках. Со временем заготовки

все больше твердеют, постепенно меняя цвет от непроницаемо-черного, как кровь дракона, до совершенно прозрачного, свойственного адаманту, но таких, говорят, не видел никто. Известно, однако, что, чем светлее тон заготовки, тем выше получается качество клинка, хотя никто и никогда не изготавливал мечей, превосходивших даже самые первые.

— Ну, а дальше?

— Для изготовления меча дожидаются ночи, когда разражается страшная буря, которыми так щедро Восточное море. Дальше все просто. Из заготовки отковывают клинок, который закаливают, держа на ураганном ветру и следя за тем, чтобы на него не попало ни капли воды. В Дамасте же алмазную пыль заменили толченым углем, но, понимая, что такая замена неполноценна, нашли еще кое-какие присадки из трав, которые, совместно с особыми заклинаниями, должны были изменить свойства угля. Заготовку ковали из перевитых в спираль полос, многократно перековывая, чтобы придать металлу нужную зернистость, а закаливали готовый клинок, пуская коня в галоп и держа меч над головой.

— Похоже,— кивнул король.

— Похоже, но и только,— ответил Мэгил.— Каждая замена неизбежно ухудшала конечные свойства. Но тут уж ничего не поделаешь. Ни один конь не может скакать так быстро, как дуют ветры во время бури, драконы давно повывелись, а где мастера Солнечной брали алмазную пыль…

— А кстати, где?— поинтересовался граф.

Мэгил пожал плечами, но все-таки ответил:

— Говорят, у каждого адаманта есть точка, от удара в которую он раскалывается. Если перед ударом произнести определенное заклинание, алмаз не рассыплется в осколки, а превратится в пыль. Говорят, некогда в Солнечной Империи при дворе существовал клан мастеров, умевших и всю жизнь делавших только одно — они искали уязвимые точки адамантов. На поиск одной уходило от месяца до года. Теперь ты понимаешь истинную ценность этого меча?

Конан еще раз посмотрел на иссеченные глубокими зазубринами лезвия своего любимого кинжала и дамастского клинка и мрачно кивнул.

— Кстати я тебе не сказал, но ты вполне можешь использовать его?— спросил Мэгил.

— Не люблю магии,— проворчал Конан, но против воли крепче сжал рукоять трофейного клинка, чувствуя, что не в силах будет расстаться с ним.

— Наложенное на него заклятие не опасно для тебя,— успокоил

короля жрец.

Конан кивнул, правда, Мэгил так и не понял, с чем согласен король — с тем, что заклятие наложено, или с тем, что оно не опасно?

— Я видел,— сказал киммериец,— как вспыхнули синим огнем иероглифы на стали, а значок солнца загорелся маленькой золотой звездой.

— Верно,— согласился Мэгил,— мы как раз подошли к истории его владельца. Человека, с которым ты дрался, зовут Чей Чен.

Король усмехнулся:

— Ну и чей же он, этот Чен?

— Да, нет,— не понял жрец и принялся объяснять,— это имя у него было такое, состоящее из двух слов, как Ях Чиенг, которому он служил когда-то.

При этих словах друга Конан вздрогнул, и перед мысленным взором его мгновенно пронеслась череда воспоминаний, связанных с похищением Зенобии почти десять лет назад.

— Ты сказал, что заклятие не сможет причинить мне зла!— воскликнул король.

— Да! Ях Чиенг здесь ни при чем. Чей Чен был в ту пору юношей, лучшим бойцом Солнечной.

Конан мрачно посмотрел на писаря, наконец-то явившегося в сопровождении двух Черных Драконов. Те быстро развернули походный столик и стул, поставили на него пузырек с черной жидкостью, набор хорошо заправленных гусиных перьев и несколько листов пергамента. Король знаком показал ему, что нужно срисовать, и принялся слушать дальше.

— Ях Чиенг попытался подчинить себе островную империю, но у него ничего не вышло. Однако в состоявшемся поединке придворный маг Таки Гава был смертельно ранен, и император Кушидо понял, что в покое его теперь не оставят. Тогда из остававшихся еще — а может быть, и из последних, как знать?— заготовок он приказал отковать пару мечей, на которые Таки Гава наложил нерушимое заклятие, неподвластное времени и силам зла. Оно делало оружие как бы невесомым, а клинок и руку — единым целым. Не знаю точно, какие еще свойства придавало заклятье мечу, но главным среди них был запрет на служение силам зла.

При этих словах Мэгила Конан скептически хмыкнул, но жрец, заметив это, сказал:

— Меч ведь не живой и не обладает свободой воли. Он не мог сам покинуть своего хозяина, с которым его к тому же скрепляло то же самое заклятие. Я не знаю и не могу знать, как он достался тебе, но припомни:

наверняка это был самый напряженный момент боя, когда решалось, жить тебе или умереть.

И Конан ясно вспомнил, как его дамастский клинок словно вплелся в сотворенный мечами Чей Чена вензель, из которого один меч легко выскользнул и устремился к его горлу, но, встретив на пути кинжал, скользнул вбок и вскрыл вену на запястье здоровой руки. Второй же закрутил его уже покрытый зарубками меч, намереваясь вырвать его из руки. Конечно, Конан сознательно продолжил движение и поймал противника на его же хитрости, но не связана ли его удача с тем, что часть заклинания, делавшая бойца и оружие единым целым, отступила перед его более весомым продолжением, запрещавшим творить зло?

Очень может быть, и Конан тут же поверил, что так оно и есть. Опытного бойца можно победить, но он никогда не позволит обезоружить себя. Этого не позволил бы сделать и его противник, не сыграй заклинание на руку киммерийцу. Только годами, притупившими память о заклятие, мог он объяснить такую оплошность.

— Ты уверен, что, когда мы встретимся вновь, этот меч не изменит мне?

— Уверен.— Жрец убежденно кивнул.— Он отказался от своего хозяина, и теперь будет служить тебе.

— Ну что ж,— согласился Конан,— одной проблемой меньше. Но придется подобрать ему пару: этот уже ни на что не годен.

Троцеро принял из рук короля дамастский клинок и покачал головой. Много чего повидал он на своем веку, но чтобы такую сталь рубили, как неумелый дровосек молодую осинку, в это поверить было просто невозможно! И все-таки вот он, перед глазами…

Он еще раз покачал головой и зашагал прочь, вслед за королем и его другом, в сопровождении Черных Драконов и его егерей. Писарь остался срисовывать замысловатый вензель, начерченный на земле, а граф поспешил догонять уходивших, когда к королю подбежал один из его гвардейцев.

— Повелитель, что делать с луком?

— С каким луком?— спросил король, и Троцеро увидел, что лицо его выражает искреннее удивление.

Солдат опешил:

— С тем самым, который ты пригвоздил к стене своим мечом.

— Веди!

Они ускорили шаг и вышли на небольшую площадку, окруженную домами. Трупы были уже убраны. Рядом с домами стоял шатер.

— Что это?— на ходу спросил король.

— Мы хотели, чтобы королева с принцем отдохнули, а в доме оставлять их побоялись, но они не пожелали входить в шатер и остались у костра дожидаться тебя, хотя принц, по-моему, все-таки заснул.

Конан кивнул и направился к костру, где в окружении солдат на расстеленной на земле медвежьей шкуре сидела королева, держа на коленях голову спящего Конна.

— Все хорошо, милый,— кивнула она подошедшему королю и устало улыбнулась.

Тот нагнулся, поцеловал ее в щеку и направился дальше, туда, где уже стояли граф с Мэгилом в окружении воинов.

— Ну и глаз у тебя, повелитель!— восторженно воскликнул один из гвардейцев, но Конан небрежно отмахнулся.

— Я же сказал — повезло! Я-то целился в шевельнувшееся в ночи черное пятно, а получилось так, что обезоружил стрелка,— ответил Конан и тут же изумленно присвистнул.— Так вот из чего выпускали черные стрелы!

Тетива была перерезана. Похоже, сделал это сам лучник, желая освободиться из капкана, в который превратилось его же оружие. Конан вспомнил, как тот сыпал проклятиями, как трещало дерево, но в тот миг не понял, что это значит, да и не было у него времени, чтобы выяснять причину. Он помнил, как постоянно ждал стрелы из темноты, и как это мешало ему в бою, но выстрела так и не последовало, за исключением того, первого. Теперь он знал почему — своим ударом он обезоружил противника!

Он вновь пожал плечами — повезло. Конечно, повезло! Как иначе можно объяснить то, что он, швырнув меч, в сущности, наугад, угодил в огромный лук неизвестного и прижал его этим луком к стене?!..

— В жизни не видел ничего подобного,— проворчал Троцеро.

— Это похоже на осадный арбалет,— вмешался в их разговор молодой гвардеец,— на разобранный, конечно. Если снять со станка…

— Да,— согласился Конан.— Только никто ничего ниоткуда не снимал,— добавил он, качнув меч и одним могучим рывком выдирая его из стены. Глаза гвардейца при этом изумленно расширились, а губы прошептали:

— А мы-то его и так, и эдак пытались извлечь. Думали все — придется выпиливать из стены. Не портить же кувалдой меч короля!

Он вновь покачал головой, а Конан тем временем прижал ложе лука, предназначенное для руки, ступней к дереву и, освободив клинок, закинул

его в ножны за спиной. Гвардеец все качал головой, представляя, как он будет рассказывать об этом сегодня у костра за чаркой доброго вина, когда граф, усмехнувшись, снисходительно посоветовал ему:

— Перестань головой-то трясти — мозги расплескаешь.

Солдат мгновенно посерьезнел, но не выдержал и рассмеялся, вновь невольно покачав головой, и тут уже рассмеялся граф:

— Да, парень, смотри на него — это наш король!

* * *

Потолок, который переходил в широкую полосу бордового бордюра, украшенного чередой причудливых фресок, подпирало несколько десятков протянувшихся по периметру небольшого зала колонн, которые не были ни толсты, ни высоки. Именно благодаря тому, что за рядом колонн угадывались еще и терявшиеся во мраке стены, он выглядел больше, чем был на самом деле.

Зал казался совершенно пустым, если не считать четырех тяжелых медных треножников, расставленных по углам. В них были укреплены наполненные пальмовым маслом светильники, освещавшие пространство неярким, но вполне достаточным, чтобы видеть все вокруг, приятным желтоватым светом. Угловатый, весь в странных завитушках золотой трон, больше походивший на высокое кресло, стоял в дальнем конце продолговатого зала. Если подойти поближе, то можно было увидеть, что вензеля представляют собой священнодействие слившихся в брачном танце змей, но никому из четверки, застывшей в почтительном отдалении от трона, такая мысль даже не приходила в голову.

Всего же в зале находилось пятеро людей — те же, что были тут в прошлый раз, и Некто. Правда, на этот раз пятерка разделилась. Прекрасная незнакомка восседала на троне и, опершись рукой о подлокотник, с усмешкой смотрела на четверых, с которыми прежде стояла рядом.

Только Чей Чен и амазонка остались при оружии, хоть кхитаец и сохранил лишь один из мечей, а его белокурая соратница, не выпустившая из рук хлыста, выглядела довольно плачевно: левый глаз заплыл, а половина лица превратилась в сплошной синяк.

Именно на ней остановила взгляд сидевшая в кресле красавица. Она

словно наслаждалась, изучая причудливые разводы на лице полуобнаженной воительницы. Поймав, наконец, на себе взгляд амазонки, красавица на троне ухмыльнулась.

— Не стоит так расстраиваться, милая,— заметила она, сморщив хорошенький носик.— Варвар, он ведь и есть варвар!

— Он дорого мне заплатит за это!— Зло огрызнулась амазонка, осторожно дотрагиваясь до лица.

— Клянусь курчавой бородой Митры,— прогудел ее похожий на быка напарник,— я этому варвару башку в портки вобью!

— Не раньше, чем я приколочу его стрелой к стене его собственного дома,— проворчал горбун, вроде бы не обращаясь ни к кому, но услышали его, тем не менее, все.

— Ты мне все больше нравишься, Шагр,— улыбнулась сидевшая на троне красавица,— особенно то, что начинаешь мыслить, как человек. Она оценивающе посмотрела на великана.— И намерение твое похвально, но как быть с тем, что ты остался без молота?

— У меня есть еще!— с угрозой прогудел гигант, и глаза его налились розовой мутью.

— Да, конечно,— со вздохом согласилась его собеседница в зеленом платье,— но вместо того, чтобы литься на меня, свою вторую мать, ты бы лучше задумался, а почему так получилось. Ведь на последних Игрищах Сета тебе не было равных среди Дважды Рожденных! Кстати, это относится и к тебе, Родгаг!

Она посмотрела на горбуна, и тот окатил ее злобным взглядом, но вовсе не потому, что ненавидел. Просто иначе он ни на кого не умел смотреть.

— Ему повезло!— процедил он сквозь зубы.— Уверяю тебя, во второй раз такого не случится. Я убью варвара, прежде, чем его меч покинет ножны!

— Что ж, злость ваша великолепна,— заметила черноволосая,— и одно это многого стоит: урок не пройдет даром.

Она замолчала, вновь окидывая их внимательным взглядом и раздумывая над тем, как же так случилось, что четверо лучших бойцов, победителей последних Игрищ Сета среди людей и Дважды Рожденных, бойцов и лучников, оказались повержены всего одним человеком?!

Взгляд ее отыскал глаза кхитайца, и она сказала:

— Ты один до сих пор молчал, Чей Чен…

— Намерения моих друзей вполне объяснимы,— ответил тот,— но, боюсь, выполнить их окажется не так просто: этот человек очень силен.

— Конан,— подсказала брюнетка,— его зовут Конан.

— Да, Конан,— кивнул кхитаец.— Он должен был погибнуть, но ему повезло, как верно заметил Родгаг! Появившись внезапно, он застал нас врасплох, и действия его оказались столь удачны, что трое из нас сразу потеряли оружие.

— Во второй раз ему не повезет,— пророкотал горбун,— теперь мы будем начеку и не повторим ошибки.

— Это верно,— все так же спокойно согласился Чей Чен, словно речь шла о чем-то совершенно не касающемся его,— но и он теперь будет знать, кто мы и на что способны.

— Почему ты не убил его?— вкрадчиво спросила брюнетка.

— Я помнил твои слова о том, что сначала должна погибнуть семья Конана; а этого мы не сделали. Тогда я решил не убивать его, а лишь испытать силу, тем более что ему действительно здорово везло в эту ночь. Он поднял с земли не что-нибудь, а дамастский клинок, который просто так не перерубишь, а значит, мог драться. Мы начали поединок. Сперва я развлекался, потом мне стало не до шуток. Скажу больше, мне захотелось убить этого человека, но сделать этого я так и не сумел.

— Ты забыл о заклятии Таки Гавы,— напомнила ему брюнетка.

— Да, госпожа,— Чей Чен слегка поклонился,— и меч покинул меня.

Некоторое время все молчали. Наконец, сидевшая на троне заговорила вновь:

— Не суди себя слишком строго. Все мы наделали ошибок, в том числе и я.— Она недобро усмехнулась.— Я хотела уязвить Конана как можно больнее и показала, что сделаю с его женой, но он слишком быстро нашел мой знак, слишком скоро догадался о его значении, и ему потребовалось очень мало времени, чтобы вернуться. Именно поэтому он застал вас врасплох — я переиграла…

Четверо переглянулись (такого от госпожи еще не слышал никто), но ни один из них ни словом, ни жестом не показал своего отношения к услышанному. Кивком она разрешила им покинуть зал, и все четверо молча удалились.

— Черная Роза Сета должна была пустить меня с ними, как то было в Лироне,— заговорил вдруг дребезжащим, надтреснутым голосом Некто, до сих пор молча стоявший справа от трона.

Брюнетка вздрогнула: она успела уже забыть о том, что осталась не в одиночестве, и посмотрела на говорившего. Пожалуй, издали существо это можно было принять за человека, хотя человеком оно, конечно же, не было, и при ближайшем рассмотрении это было видно.

Его тяжелое, несуразное туловище больше всего напоминало тело окуня, но заканчивалось коротким ослиным хвостом и стояло на ослиных же ногах, упираясь в пол широкими копытами. Туловище было столь массивным, что обладатель его не мог стоять прямо, и вынужден был опираться на кривой посох. Впрочем, руки существа оказались настолько длинны, что посох, пожалуй, был и не слишком нужен ему. Правой рукой существо упиралось в пол, несоразмерно большой даже для такой огромной руки, ладонью с когтями, похожими на кинжалы. У весьма неприятного незнакомца оказался неправдоподобно огромный рот, и когда он говорил, можно было увидеть два ряда острых треугольных зубов, явно предназначенных для того, чтобы резать живую плоть. Пара огромных желтых глаз с крохотными зрачками смотрела равнодушно, пристально и не мигая.

— Нет, Гробан. Мне хочется, чтобы Конан принял смерть от руки человека, ведь он считает себя непобедимым воином!

— Ха-ха-ха!— медленно, как-то ненатурально рассмеялся собеседник Розы, и каждое его «Ха!» звучало, как удар треснувшей жестянки.— Если Шагру удастся опустить ему на голову свой молот, вряд ли это можно будет считать смертью от руки человека. К тому же я не слишком верю в это. Скорее уж Родгар доберется до него со своим луком, но и его трудно назвать человеком.

— Ты прав. Прав, как всегда, мудрый Гробан. Но вот что я знаю точно, так это то, что он не умрет просто так. Давай не будем тропиться и помотрим, как растянуть его смерть во времени.

* * *

— Не нравится мне, как все относятся к тому, что случилось,— мрачно заявил Конан, глядя на разгоравшуюся за окном зарю, словно залившую кровью высившиеся на востоке вершины гор, окрасив их в ярко-алые тона.

— Не понимаю тебя, государь,— возразил Троцеро,— что плохого в том, что люди перестали верить в непобедимость тайного врага?

— В этом нет ничего плохого.— Конан стиснул челюсти, пытаясь держать себя в руках.— Опасность в ином. Они убедили сами себя в том, что все происшедшее — страшная сказка, и не более того. Что в Лироне

жили недалекие крестьяне, которые только и умели, что ухаживать за лозой, да метать вилами сено в стога, а пятьдесят моих Черных Драконов просто поспорили с полусотней твоих гвардейцев, кто кого перепьет, и нападавшим осталось только проткнуть для верности их бесчувственные тела.

Граф помрачнел: если так, то дело действительно плохо.

— Но ведь королева сама видела…— начал, было, он, но Конан досадливо отмахнулся.

— Ну, о чем ты говоришь! — воскликнул киммериец.— Королева ведь не общается с солдатами, а из двух оставшихся в живых Черных Драконов один до сих пор валяется без памяти, и неизвестно еще, выживет ли!

— Выживет,— убежденно кивнул граф.

— Хвала Крому,— хмуро пробубнил Конан,— но даже это сейчас не радует меня.— Он криво усмехнулся.— Самое глупое в том, что я, сам того не желая, убедил их в этом.

— Это как? — не понял Троцеро.

— Так ты еще не слышал, что говорят? — спросил король и посмотрел на графа, который отрицательно мотнул головой.— А-а! Это тот Черный Дракон, что единственный из всех остался жив?— проканючил Конан, подражая издевательскому тону кого-то из егерей.— Да он просто в штаны наложил со страха! Разве вы не чувствуете запаха?! Ха-ха-ха! Что он рассказывает? Три мужика и полуголая девка вырезали сотню бойцов — цвет аквилонской гвардии! Бред!— Конан помолчал.— И дальше с небольшими изменениями следует рассказ о том, как гвардейцы короля братались с егерями графа да не рассчитали сил, и повальная пьянка закончилась трагически: еще живые, но не способные к сопротивлению тела приканчивали прямыми ударами. Самому пьяному повезло — его приняли за мертвеца и не тронули. А потом приехал наш бравый король (совершенно трезвый!), девке отвесил оплеуху, чтобы нагишом не шлялась по ночам, пнул верзилу и отобрал лук у того, кто стрелял из темноты, хотел добить и четвертого, даже отобрал у него меч, но тут подоспели мы, бравые егеря, и бандиты, видя, что теперь им уж точно несдобровать, убрались восвояси!

Сказав это, король уставился на графа. Киммериец сейчас был похож на разъяренного быка, готового пройти сквозь каменную стену, чтобы найти рассказчика. Некоторое время граф думал, что так оно и будет, но Конан лишь шумно выдохнул, словно выпуская из себя злость, и уселся в кресло.

— Если этого не прекратить сейчас же,— сказал он на удивление

спокойным голосом,— зараза неизбежно распространится. Тогда новых трагедий не избежать.

— Ты думаешь, они снова нападут?— задумчиво спросил граф, и Конан посмотрел на него как на дурака.

— А ты считаешь, они просто перепили в эту ночь?

Граф поморщился:

— Да, глупость сморозил, извини. А что говорит твой человек?

— Он теперь старается побольше молчать,— хмуро ответил король.

— Но все-таки?

Конан вздохнул:

— Во-первых, он видел только троих — лучник ни разу не показался на свету. Трое же остальных действовали очень разумно. Они двигались плотной группой. Каждый удар Чей Чена рассекал шейную жилку одного из нападавших, в то время как молот верзилы столь же верно разбивал головы. Амазонка защищала их.

— То есть как?

Граф был удивлен и не скрывал этого.

— Она постоянно находилась между ними, ни разу не подставив себя под удар, но, когда малейшая опасность грозила кому-то из мужчин, ее хлыст, которым она виртуозно владеет, обезоруживал нападавшего, и человек тут же падал с рассеченным горлом или размозженной головой. Прибавь к этой троице лучника, который, оставаясь невидимым, выводил из строя наиболее опасных, на его взгляд, противников. Ты видел трупы?— Троцеро отрицательно покачал головой.— Все десятники поражены стрелами,— назидательно закончил король.

Конан налил себе вина и залпом выпил. Некоторое время все молчали. Затем киммериец, глядя в одну точку, задумчиво заговорил, размышляя вслух:

— Эта таинственная Рози…

— Быть может, так зовут амазонку с хлыстом?— попробовал угадать Мэгил.

— Не-ет…— Конан покачал головой.— Я ведь видел ее. Мы никогда не встречались прежде… Я уверен, что все они лишь люди Рози, и они уничтожают слуг Митры…

— Слуг Митры? — Граф изумленно вскинул бровь.— Ты говоришь о жрецах? Они разоряют храмы?

Однако Конан молчал, и тогда заговорил Мэгил:

— Слуги Митры выше жрецов. Они проводят волю Митры и именем его творят на земле высшую справедливость! О них мало кто знает. Конан

был самым сильным из них.

— Ты никогда не говорил мне об этом, повелитель,— заметил изумленный Троцеро.

И вновь за короля ответил Мэгил:

— Конан не любит вспоминать о том времени. У службы Подателю Жизни есть и свои неприятные стороны, и король, впрочем, тогда он еще не был королем, столкнулся с одной из них.

— Слишком близко,— вновь заговорил киммериец,— но это теперь не важно. Они убили Учителя, хотя не представляю, как это возможно, ведь он не был человеком!

Граф во все глаза смотрел на своего короля, совсем уже ничего не понимая, и вновь заговорил Мэгил:

— Теперь пришла очередь за лучшим из его учеников, ведь я решил обратиться к тебе за помощью!

— Да,— кивнул Конан, соглашаясь,— но не бери на себя слишком много! — Он ухмыльнулся.— Небось подумал уже, что именно ты накликал на меня беду, и теперь не находишь себе места!

— Что ты имеешь в виду?— спросил Мэгил, который именно так и считал.

— При чем здесь Зенобия?!— зло огрызнулся Конан и тут же умолк, но после молчания добавил мрачно: — Похоже, у этой Рози помимо всего прочего ко мне еще и личный счет.

— Сдается мне, она может спокойно наблюдать за нами и желает позабавиться…— заметил граф.

— Сам вижу!— вспылил киммериец, но заставил себя успокоиться и добавил, обращаясь к Мэгилу:— Я не знаю, как ты там связываешься со своим Митрой…

— Конан!— Жрец предостерегающе поднял руку вверх, но киммериец жестом отмахнулся и продолжил:

— …Но передай ему, что если он обещает мне…

— Конан, опомнись!— вновь воскликнул Мэгил, и вновь киммериец заставил его замолчать, продолжив:

— Так вот, если он обещает, что к моему возвращению моя семья, Зенобия и Конн, будут живы и здоровы, то я согласен принять участие в охоте.— Он иронично усмехнулся, прекрасно понимая, что будет единственным охотником.— Но чтобы было без обмана,— мрачно закончил он.

— Ты не понимаешь, что говоришь,— в ужасе прошептал Мэгил, и Троцеро против воли передалось это чувство. Он замер в своем кресле,

уподобившись каменному истукану дикарей, чувствуя, как шевелятся волосы на затылке, и, понимая лишь, что случилось нечто ужасное, и сейчас они все погибнут.

Сердце его бешено стучало, отсчитывая казавшиеся веками последние мгновения жизни, безвозвратно уходившие в прошлое, но ничего не происходило. Он попробовал шевельнуться и повернул голову — в соседнем кресле, слева, не двигаясь, сидел Конан. «Наверное, Митра уже убил его!» — мелькнуло в голове графа, но тут справа от него кто-то шевельнулся.

— Конан, он согласен…— В голосе Мэгила сквозило ничем не прикрытое изумление.

— Ты это точно понял?— поинтересовался король.— Я говорю не о своей безопасности, а о безопасности жены и сына.

— Пока тебя не будет, с ними ничего не случится,— как эхо, откликнулся бывший жрец.

— Хорошо.— Конан резко встал.— Я отправляюсь в путь завтра же.— Он повернулся к Троцеро.— Расставь вооруженные посты у каждого селения, а остальных, кого сможешь, вооружи луками.

— Но, Конан,— Троцеро переводил недоумевающий взгляд с него на Мэгила и обратно,— но если сам Митра!..

Король одарил его кривой усмешкой, лучше всяких слов говорившей, что он ни в грош не ставит обещание Светозарного, поймал умоляющий взгляд Мэгила и улыбнулся.

— На помощь Митры ты можешь надеяться, но и сам не расхолаживайся. Помни,— добавил он,— что, вернувшись, я спрошу с тебя, а не с Подателя Жизни!

Глава четвертая
СВИТОК СКЕЛОСА

Утро следующего дня оказалось ясным и ласковым.

— Добрый знак. Дорога будет удачной,— заметил Троцеро, старавшийся казаться бодрым.

Однако Конану с Мэгилом так и не довелось в этот день отправиться в путь, хотя слуги уже седлали коней.

Зенобия стояла рядом с мужем, сжимая руку Конна, ни жива ни мертва от горя: она так ждала, так радовалась этому долгожданному счастью побыть втроем с сыном и мужем, не отягощенным государственными делами… Казалось, все так хорошо началось, и вдруг!.. В один день и страшную ночь все рухнуло!

Она глядела и не могла наглядеться на него, гадая, доведется ли им увидеться вновь, когда гвардеец вошел в комнату и что-то вполголоса доложил графу. Троцеро пожал плечами и подошел к королю. Зенобия, чувствуя, что должно произойти нечто важное, пошла к ним. Конн, который поклялся отцу ни на минуту не оставлять мать в одиночестве, быть ей защитой, двинулся следом.

— Конан,— сказал граф,— охрана задержала неизвестного, утверждающего, что он чернокнижник Пелиас. Не знаю, уж как он пронюхал о том, где ты находишься, но он здесь и хочет говорить с тобой. — Хочет, значит, поговорю,— проворчал киммериец.— Вели привести его сюда.

— А ты не опасаешься, что он…— начал было Троцеро, но Конан мягко остановил его.

— Нет, друг мой.— Король махнул рукой, разом отметая все сомнения графа.— Во всем поганом племени колдунов есть только один человек, которому я доверяю полностью, и имя его — Пелиас. Пусть его приведут.

Не решаясь в присутствии короля спрашивать разрешения своего господина, гвардеец ограничился лишь вопросительным взглядом в сторону графа и, получив подтверждение, удалился.

— Я считаю, что он поступил правильно.— Заметив кривую усмешку киммерийца, граф поспешил защитить своего человека.

— Я тоже,— невесело усмехнулся Конан.— Но до чего мы дожили! — воскликнул он с горечью.— В собственном доме опасаемся неизвестно

чего!

Дверь распахнулась, и в комнату энергичной походкой вошел маг. Его простой походный плащ насквозь пропитала дорожная пыль, а на лице была написана суровая озабоченность. Лишь когда маг увидел королеву и ее сына, черты его лица смягчились, а взгляд озарился мягким светом. Однако длилось это всего мгновение. В следующий миг лицо чернокнижника приняло прежнее сосредоточенное выражение.

— Я вижу, ты собрался в путь, мой король?— Наметанным глазом он сразу определил, что присутствует при сцене прощания.— Если это не будет истолковано как недопустимая дерзость, я бы хотел спросить — куда?

— Ты мог бы изъясняться и попроще,— хмыкнул король,— тем более что я все равно не смогу ответить тебе столь же изысканно.

— Да, я помню,— с учтивой улыбкой ответил маг,— что твой язык всегда отличался простотой и своеобразностью.

Конн сурово нахмурился и сжал рукоять своего игрушечного меча: да как он смеет, этот колдун, так разговаривать с отцом! Зато Зенобия рассмеялась, и хрустальные колокольчики ее смеха зазвенели в зале, на миг одарив счастьем и заставив улыбнуться всех, даже непримиримого принца. Легкой походкой она направилась к магу и поцеловала его в щеку.

— Прости меня, ведь я так тебя и не поблагодарила.

— Да за что же, моя королева? — искренне удивился маг, хотя по всему было видно, что он доволен несказанно.

— Если бы ты не помог мужу, я не стояла бы сейчас здесь.

— А!— небрежно отмахнулся Пелиас.— Дело прошлое! Сейчас другие времена.

— К сожалению, и беды тоже,— согласилась королева.

— Да вот,— помрачнел маг,— как это ни неприятно, но именно о бедах я и хотел поговорить.

— Как ты верно заметил, я уезжаю,— ответил король.— Все, что ты захочешь узнать, тебе расскажут без меня. Прости и не сердись, но время не терпит.

— Я понимаю,— кивнул Пелиас,— но если не секрет, куда ты едешь?

Вопрос, как видно, застал короля врасплох. Он нахмурился, размышляя, потом пожал плечами.

— Клянусь Кромом, не знаю!— воскликнул он и возбужденно заходил по комнате.

— Мне не хотелось бы прослыть недобрым пророком,— осторожно заметил Пелиас,— но осмелюсь предположить, что в таком случае твоя

поездка затянется.

— Сам знаю!— огрызнулся Конан.— Да только выхода у меня другого нет!

— Знаю,— со вздохом ответил маг.— Кто-то опять покушается на твою семью.

Это упоминание об опасности, грозившей семье, мгновенно вывело короля из себя.

— Говори, что ты знаешь! — Конан шагнул к колдуну и схватил его за грудки, приподняв над полом и выбив из плаща густое облако пыли.— Иначе, клянусь Кромом!..

— Отпусти!— сдавленно просипел Пелиас.— Иначе…

— Что иначе?— сурово нахмурился Конан, но хватку ослабил.

— Иначе мы все в этой комнате задохнемся от пыли, а я здесь не за этим.

— Извини,— проворчал киммериец, отпуская мага,— я как натянутый лук, и пальцы еле удерживают тетиву. Кстати, мог бы и раздеться в передней.

— Ну, скажем, это была маленькая мера предосторожности.— Узкое лицо колдуна на миг озарилось улыбкой.

С этими словами он снял покрытый пылью дорожный плащ и кинул его в руки подбежавшему слуге. Конан терпеливо подождал, пока гость усядется в кресло и утолит, жажду вином.

— Ну?— Киммериец старался казаться спокойным, но по напряженному голосу чувствовалось, что нервы его на пределе.— Я, наконец, дождусь от тебя хоть слова?

— Еще немного терпения, мой король, — ответил Пелиас.— Прежде я хотел бы знать, что тебе известно. Просто чтобы избежать повторов,— поспешно объяснил он, видя, как багровеет лицо Конана.

— Хорошо.— Киммериец взял себя в руки.— Кто-то зверски уничтожил все население маленького городишки в нескольких лигах отсюда,— начал он свой рассказ,— но мы поспели слишком поздно и никого не застали. С одной молодой девушки была снята кожа, из которой наспех сделали грубое чучело, повесили его на центральной площади, предварительно намалевав на нем черты моей жены.

При этих словах Зенобия вздрогнула.

— Ты мне не рассказывал об этом,— прошептала она, на глазах бледнея.

— Не было нужды понапрасну пугать тебя.— Конан улыбнулся жене, словно извинялся перед ней, но тут же вновь повернулся к магу и

продолжил рассказ: — Именно это повешенное чучело навело меня на мысль о том, что Зенобии, остававшейся здесь, угрожает опасность и кто-то хочет побольнее ударить меня, подбросив эту подсказку и надеясь на то, что я не догадаюсь сразу о ее назначении и потом буду долго мучиться, казня себя за недомыслие.

— Но ты понял?— прервал его колдун.

— Да, я понял и успел.— Конан немного помолчал.— Их было четверо. Лучник, Молотобоец, Мечник и Амазонка. Но эта четверка успела расправиться с сотней отборных бойцов. К моему приезду в живых осталось трое: жена и двое Черных Драконов. Одного из них ранили уже при мне, и он до сих пор в бреду.

— Это все?

Колдун вопросительно посмотрел на короля.

— Нет,— ответил тот.— В лиронской резне участвовал еще один, которого не было здесь, и меня не покидает дурацкая мысль, что этот кто-то сильно смахивает на крокодила.

— Почему ты так решил?— заинтересовался Пелиас.

— Только крокодил,— Конан помялся, подбирая наиболее подходящие для объяснения при жене слова,— может оставить на теле человека такие раны.

— Что ж… Очень может быть…— пробормотал под нос маг, явно думая о чем-то своем.— На этот раз все?

— Если бы!— воскликнул король.— Судя по всему, действия их направляет какая-то Рози, которая за что-то сильно обозлена на меня. Настолько сильно, что даже оставила специальную весточку.

Сказав это, киммериец протянул Пелиасу записку. Тот прочитал ее, и на лице его появилась странная улыбка, словно он был искренне доволен чем-то.

— Кром!— взревел Конан.— Ты что, развлечься сюда приехал?! Тогда лучше убирайся к Нергалу в зад, и побыстрее, пока я не разозлился по-настоящему!

— Прости и не сердись!— Пелиас вскинул руки в примирительном жесте.— Я действительно рад, но, как ты сам понимаешь, вовсе не твоим бедам, а тому, что верно определил их источник. Твой рассказ полностью подтвердил правильность моей догадки!

— Так ты знаешь, кто это?!— воскликнул Конан.

— И да, и нет.

Маг смешно развел руками, показывая свою полную беспомощность.

— М-м-м!— замычал киммериец, у которого не было слов. Он

чувствовал, что вот-вот сорвется и удушит колдуна.— Что за бред ты несешь?! И как тебя понимать?!

— Я все объясню,— спокойно ответил маг.— Просто дело значительно серьезнее, чем ты думаешь. Твой друг,— он посмотрел на Мэгила,— судя по всему, служитель Митры. Он пришел за помощью? Не так ли?

При этих словах Пелиаса Мэгил вздрогнул и недобро покосился на мага.

— Откуда тебе известно о слугах Митры, колдун?

— Мне много чего известно,— усмехнулся Пелиас,— но ты не ответил на мой вопрос.

— Это так,— кивнул Конан.

— А он сказал тебе, с кем нужно расправиться и где его искать?

— Нет,— так же твердо ответил Конан,— просто найти и уничтожить.

— Найти и уничтожить,— пренебрежительно усмехнулся колдун.— Кратко и доходчиво — вполне в духе Светозарного…— Он помолчал.— Как я понял, сейчас ты собрался в путь в надежде, что слепой случай рано или поздно столкнет тебя со странной четверкой, неизвестным чудищем, похожим на крокодила, и таинственной Рози?

— Да.— Киммериец стиснул зубы, чувствуя, что гнев закипает в нем с новой силой.

— А Пресветлый не подсказал хотя бы, в какой стороне их искать?— продолжил свою пытку маг.

— Послушай,— Конан сжал кулаки, изо всех сил стараясь держать себя в руках,— готов признать, что твой сарказм великолепен, но если можешь, помоги, а если нет — лучше умолкни, пока не поздно!

— Все не так просто.— Пелиас устало вздохнул.— Когда я все тебе расскажу, ты поймешь это и сам.

— Ну, так рассказывай!— вскипел киммериец.— Чего ты ждешь?!

Колдун нервно застучал пальцами по подлокотнику кресла, успокаивая нервы и сосредоточиваясь. Внезапно он поднял с пола свою дорожную сумку и расстегнул ее.

— Помнишь эту вещь?— Он пристально посмотрел в глаза королю, словно самая первая, непроизвольная реакция и была для него единственно верным ответом.

— Зеркало Лазбекри?..— изумился Конан.— Так тебе удалось починить его?

— Лишь частично,— поморщился маг,— но сейчас не это главное. С тех пор как я его восстановил, я каждый день наблюдаю за тобой…

— Что-о-о?!— взревел король.

Чего-чего, а подобной наглости он никак не ожидал.

— Нет-нет! — поспешил успокоить его Пелиас.— Ничего лишнего, поверь мне! Лишь справляюсь о твоем здравии и удостоверяюсь, все ли у тебя в порядке!

— Ну, знаешь!..— Конан оторопело помотал головой. Казалось, он и не слышал последней фразы мага.— Зачем это тебе нужно? — спросил он, немного поостыв.

Все это время Пелиас терпеливо ждал. Он знал вспыльчивый характер киммерийца, но верил, что разум и здравый смысл возьмут верх над чувствами.

— Помнишь день, когда ты разрубил зеркало, едва не погубившее нас? — спросил он.— В тот раз я говорил тебе, что насаждаемая Сетом магия уходит из мира, потому что ее вытесняет учение Митры?— Конан молча кивнул, ожидая продолжения.— С того времени я постоянно занимаюсь этим вопросом. Так вот, оказалось, что колдовство — вовсе не абсолютное зло, и Высшим Богам не слишком нравится то, что происходит в нашем мире. Скажу больше: они готовы были мириться с тем, что силы природы подчиняет себе при помощи магии небольшая группа людей, но они совсем не одобряют возможность того, что все люди со временем станут причастны к управлению теми же силами. А это неизбежно произойдет, если простые смертные начнут все более тонко овладевать ремеслами и развивать науку.

— Но при чем здесь Аквилония?— удивился Троцеро.— Да и вся Хайборія?

— Процесс проще остановить в самом начале,— спокойно ответил Пелиас.— Его можно просто мягко притормозить и даже повернуть вспять, но если дать ему время набрать силу!.. Короче, сам понимаешь.

— Хорошо!— Конан жестом остановил Мэгила, который попытался что-то сказать.— Колдовство против бурного развития науки и ремесел… Я не слишком в это верю, но, раз ты говоришь, что это так, готов с тобой согласиться. Пусть так! Но при чем здесь я и моя семья?! Ты можешь мне объяснить?!

— Нет,— просто ответил маг,— ответ на этот вопрос ты узнаешь не раньше, чем доберешься до Рози.

— Быть может, ты подскажешь, как мне ее искать?— с сарказмом спросил король.

— Подскажу,— хладнокровно кивнул Пелиас.

— Где она?!— вскричал киммериец.

— Не знаю,— все так же невозмутимо ответил колдун.

Троцеро нервно хохотнул. Зенобия переводила ничего не понимающий взгляд с Конана на Пелиаса. Мэгил хмурился, злясь, что не знает того, что должен был бы знать, и что, судя по всему, известно этому колдуну.

— Таинственная Рози избрала неверную тактику,— хмуро изрек киммериец.— Для того чтобы расправиться со мной, достаточно вас с Мэгилом. Мне кажется, что еще немного — и я сойду с ума.

— Во все времена,— продолжал тем временем Пелиас,— жили люди, которым удавалось проникать мысленным взором в будущее и видеть события, еще не осуществившиеся. Обычно предсказания совершались на относительно небольшой срок и требовали непомерных усилий. Но был среди этого племени предсказателей один, который жил в незапамятные времена и пророчества которого с удивительной точностью сбывались на протяжении всей описанной истории и продолжают сбываться доныне. Я говорю о Скелосе. Его Стальная Книга Пророчеств дополнена многочисленными свистками, написанными в более позднее время. Подлинность многих из них справедливо оспаривается, и тем не менее…

Колдун вновь порылся в сумке и достал пожелтевший от времени свиток.

— Ты хочешь сказать, что это не сказка? — изумленно воскликнула Зенобия.— Этот пергамент держали руки великого мага?

— Нет, конечно,— мягко улыбнулся прекрасной королеве Пелиас.— Это лишь копия, снятая с одного из свитков. Впрочем, она почти столь же древняя, как и оригинал. Предание гласит, что снималась она с согласия Скелоса, так что… Но вот послушайте, что здесь сказано. Я прочту, конечно, лишь малую часть, которая касается непосредственно нас.

Он развернул свиток и приосанился.
Когда замкнется круг времен,
Уродство из когтей красу упустит,
Но ярость злого сердца не отпустит…
И на пути к престолу варвар нечисть сокрушит!
Тогда же Черная родится Роза Сета,
И те, кто чист душой, не взвидят света-
Сам Сет Карающую Руку породит!
И вновь столкнется Мрак со Светом,
И в битве той никто не победит,
Хотя убитых будет и не счесть…
И в смерти свой, суровый смысл есть…

Но если Доблесть Силу одолеет —
Падет разгромленный Лур-Дун,
И Свет вновь победит,
Хотя, быть может, благо скверно это…

Дрожащим от волнения голосом читал Пелиас эти строки, а когда закончил, в комнате некоторое время стояла тишина.

— Ну и что все это значит?— не выдержал Конан.

На короля, как и на всех прочих, эти строки против воли произвели сильное впечатление, но Нергал задери мага со всеми его пророчествами, если он хоть что-то понял из сказанного!

— Я слышал много слов,— продолжал киммериец,— но, клянусь Кромом, смысла в них обнаружил меньше, чем мне бы хотелось! Ну, разве что про варвара на престоле — тут все понятно,— благосклонно заметил Конан.

При этих словах мужа Зенобия сдержанно улыбнулась, а Мэгил, памятуя о своей давней привычке, не упустил случая проворчать:

— Да уж! Тут трудно ошибиться.

Троцеро лишь покачал головой, зато Пелиас, похоже, даже обрадовался.

— А вот и нет!— заявил он.— Упоминание о варваре на престоле вовсе не такое бесспорное, как вам всем кажется! В свое время легендарный Кулл совершил такое же восхождение, и Добро столкнулось со Злом, и Доблесть победила Силу — змеелюди были сметены с лица земли!

— Если пророчество уже сбылось, зачем ты его нам читал? — удивился Конан.

— Ты забыл о первой строке: «Когда замкнется круг времен!» Понимаешь?! История всегда повторяется! Вновь, как и тогда, мир стоит перед выбором: или — или! Или змеи, или люди! Люди победили, и мир скатился в пучину варварства! Такова была расплата за изменения. И теперь мы вновь перед выбором: магия или наука? Сет решил исправить положение в пользу магии, чтобы избежать недовольства Высших Богов.

— Так, значит, если мы победим, нас ждет кара?

— Не нас, нет,— убежденно ответил маг,— но все человечество! И об этом ясно говорится в последней строке: «Хотя, быть может, благо скверно это»!

— Но если, победив,— прошептала Зенобия,— мы причиним зло, то

стоит ли за это браться?

— Конечно, стоит!— кивнул Пелиас.— Жизнь это борьба! Победить должен сильнейший, иначе развитие пойдет по неверному пути и нас ждут еще горшие беды! Впрочем, опять-таки не нас,— поправил он себя,— но наших потомков.

— Значит, так,— веско произнес Конан,— из нашего разговора я понял, что все должно идти как идет, а потому можно плюнуть на всю эту заумь и не брать ее в расчет. Ты мне вот что скажи,— взгляд Конана буквально вцепился в мага,— в том, что ты тут рассказал, есть хоть что-то на самом деле полезное?

— Рука Сета!— воскликнул колдун.— Сет запустил в мир свою Карающую Длань! Она убирает слуг Митры, а теперь взялась и за тебя! Правда, я не знаю что это — воля Повелителя Ночи или желание Рози,— добавил маг, подумав.— Хотя, судя по записке, скорее последнее.

— И что же это за рука?— спросил Конан, и лицо Пелиаса сразу же стало серьезным.

— Черная Роза Сета…— задумчиво произнес он.— Тебе не кажется, что это и есть таинственная Рози, пославшая тебе привет? Но, независимо от твоего мнения, я нисколько не сомневаюсь, что она могущественная колдунья и проводник воли Темного Бога. Она указующий перст на Руке. Большой палец — самый сильный из пальцев, но и самый грубый из них. Это гигант-молотобоец. Средний палец, самый длинный из всех, несомненно, горбун-лучник. Своими стрелами он способен дотянуться до того, что недоступно остальным. Изящный мизинец — конечно же, красавица-амазонка с хлыстом. И, наконец, безымянный…

— Его зовут Чей Чен,— подсказал Мэгил.

— Не-ет!— помотал головой Пелиас.— Именно Безымянный, ведь, предав пославшего его, он отрекся от имени, данного ему при рождении.

— Ты мне скажи, как до них добраться!— проворчал Конан.

— Как добраться?..— Пелиас пригладил седую бороду.— Хм… Это вопрос сложный… А вот показать могу хоть сейчас!

Седой как лунь, высокий и худой, он поднялся со своего места, бережно поднял со стола зеркало Лазбекри и повесил его на стену. Затем принес нашедшийся здесь же, в комнате, маленький столик, настолько изящный, что, казалось, поставь на него кубок доброго вина — и его причудливо изогнутые ножки тут же подломятся, не выдержав непомерной тяжести. Маг поставил его точно под зеркалом и, порывшись в своей суме, небольшой с виду, но казавшейся бездонной, достал из нее чашу, изготовленную из металла, похожего на серебро. По краю чаши тянулась

затейливая вязь из слов на незнакомом Конану языке. Глаза Конна загорелись в предвкушении ожидающего их чуда: в отличие от отца, ненавидевшего колдовство в любом его проявлении, принцу предстоящее волшебство казалось ярким праздником, в котором ему посчастливилось быть если уж и не участником, то, по крайней мере, зрителем в первом ряду.

Чаша заняла свое место под зеркалом, а Пелиас из той же бездонной сумки выудил небольшой кувшин и, отсыпав из него в чашу красного порошка, аккуратно убрал кувшин обратно. К этому времени все присутствовавшие в комнате уже собрались вокруг зеркала. Пелиас засучил черные шелковые рукава, и его изящные ладони быстро выписали в воздухе замысловатый, таинственный вензель, мгновенно вспыхнувший мягким розовым светом. В тот же миг быстрый, рассыпающий желтые искры огонек побежал по переплетениям сложной вязи, окрашивая пройденную часть в насыщенный цвет рубина и распространяя аромат свежести, каким наполняется воздух после грозы.

Синий дым заструился из чаши и начал стелиться по полу, пока не покрыл его целиком, и тогда таинственный туман устремился вверх, заполняя свободное пространство.

— Ты уверен, что в этот раз ничего не случится?— спросил Конан, напоминая о прошлой их совместной попытке использовать зеркало, едва не закончившейся трагически.

— Я же сказал, что зеркало восстановлено лишь частично,— так же вполголоса ответил маг.— Теперь оно не может служить проводником Силы.

Зеркало покрылось туманной мутью, как будто запотело. Золотой огонек добежал до второго конца вензеля и погас. В тот же миг колдовской знак распался на мириады рубиновых звездочек, которые быстро рассеялись в нежно-голубом тумане. Серебристая дымка, укутывавшая поверхность зеркала, начала стремительно истончаться, словно кто-то прогревал его поверхность с обратной стороны, и, как только она пропала окончательно, они увидели…

… Странно тонкие, часто расставленные по периметру зала колонны подпирали низкий каменный потолок, казавшийся невероятно тяжелым, над головами пятерых людей и странного существа, больше всего походившего на огромную бесхвостую рыбу с огромной пастью, усеянной бесчисленным количеством зубов, а также с непомерно длинными руками и тонкими кривым и ногами.

— Вглядись, повелитель,— внезапно заговорил Пелиас,— быть может,

ты узнаешь эту женщину? Черная Роза Сета — на троне!

— Она действительно прекрасна,— прошептал Троцеро.

— Она отвратительна,— с ненавистью возразил ему Мэгил.

— Ваш спор не имеет смысла,— вмешался Пелиас,— ибо говорите вы о разном. Лучше смотрите. Вот она, Рука Сета!

Оба тотчас перестали спорить и уставились на открывшуюся перед ними картину, стараясь рассмотреть все мелочи и получше запомнить.

В углу зала находилась странная скульптурная группа. Два огромных рогатых змея, стоя на хвостах, застыли, словно в удивлении глядя друг на друга. Их черные с синеватым и зеленоватым отливом тела оплетали десятки, если не сотни маленьких змей, направивших открытые пасти внутрь образованного телами гигантов овала.

Прекрасная женщина подошла к странной скульптуре, начала произносить какое-то заклинание и делать пассы руками. Голоса не было слышно, но явно подчиняясь приказаниям говорившей, металлические тела гигантов начали наливаться зловещим свечением, и через считанные мгновения один из них уже сиял небесной предзакатной синевой, а второй выглядел так, словно был высечен из цельного изумруда. Сияние все усиливалось, и, когда оно стало нестерпимым, разверстые пасти змеенышей выдохнули из себя потоки ослепительно-золотого, всесжигающего пламени, которое собралось в середине овала в пылающий огненный шар.

Тотчас тела гигантов потемнели, став почти черными, но все еще отливая густой синевой и зеленью. На женщину все это, казалось, не производило никакого впечатления. Она спешила достичь конечного результата, а потому продолжала читать заклинания.

Молнии вырвались из огненного шара одновременно во все стороны и вонзились в породившие их змеиные пасти. Колдунья торжествующе расхохоталась и выкрикнула последние слова заклятия. Огненный шар начал стремительно расползаться, заполняя собой все внутреннее пространство. Одновременно он терял яркость и объем, на глазах превращаясь из крохотного солнца в полупрозрачную светящуюся пленку, и, как только края ее коснулись сотен маленьких угрожающе разинутых пастей, в середине образовалась белая звезда, которая, в свою очередь, начала расти, пока от солнечной пленки не остался пылающий золотом обод. Внутри него открылась картина холмистой местности на берегу волнующегося моря.

Невысокие волны с пенными бурунами накатывались на песчаный пляж. Иногда ветер подхватывал белоснежные невесомые хлопья и уносил

их прочь. Мужчина в синих шелковых шальварах, заправленных в короткие сапоги с загнутыми кверху носками, и белом тюрбане стоял на самом берегу и смотрел в синюю даль.

— Убейте его!

Конан почему-то подумал, что именно это сказала женщина, указав на незнакомца. Тот, казалось, услышал ее голос, потому что обернулся, и на его открытом обветренном благородном лице появилась брезгливая усмешка. Он вытянул из ножен саблю, и в следующий миг клинок его скрестился с клинком Безымянного. Шагр поспешил к ним и, обойдя сражающихся, остановился позади туранца. Следом появилась амазонка, и в тот же миг ее хлыст просвистел погребальную песнь, предательским змеиным жалом обвившись вокруг руки, державшей саблю. Чей Чен недовольно поморщился, но возразить не успел: не утруждая себя переходом через открывшиеся врата, Родгаг послал стрелу из своего огромного лука, и черное древко с несущим смерть кованым наконечником пробило сердце незнакомца, отбросив его на шаг назад и заставив глухо вскрикнуть. В тот же миг Шагр опустил свой молот на белый тюрбан, едва ли не вбив голову человека в грудную клетку, и все кончилось.

Тяжело вздохнув, Пелиас расслабился, и картина тотчас померкла.

— Какой ужас…— прошептала Зенобия.

— Они бьют нас поодиночке,— сказал Мэгил,— а силы слишком неравны. Рано или поздно они расправятся со всеми — это лишь вопрос времени.— Лицо его исказилось страданием.— Если бы я смог быть там! — простонал он.

— Это был юг Вилайета.— Конан попытался направить разговор в иное русло, увести его от горьких и бесплодных сожалений.— Я хорошо знаю те места.

— Но как они уходят обратно?— задумчиво спросил Пелиас.

— При помощи вот этого.— Конан бросил на стол лист пергамента с начертанным на нем изображением колдовской подковы.

— Ага!— возбужденно воскликнул маг.— Копыто Нергала! Так я и думал! Проход, созданный Вратами Сета, остается открытым, но чтобы войти в него с другой стороны, они используют магию Владыки Царства Мертвых.

— Хватит!— Конан решительно встал.— Мне надоела эта говорильня! Врата Сета, Копыто Нергала! Быть может, об этом и интересно порассуждать на досуге, но меня сейчас интересует одно: как добраться до тех, кто рисует на земле эти копыта!

— Именно поэтому я здесь,— спокойно ответил Пелиас,— и незачем

так кричать!

Конан, только что энергично мерявший комнату шагами, замер и изумленно уставился на мага,

— Ну, извини…

Сказав это, он бухнулся в кресло, жалобно заскрипевшее под ним, налил себе бокал вина и уставился на колдуна, явно ожидая продолжения.

— Так вот,— начал Пелиас,— есть, по крайней мере, еще один магический атрибут, позволяющий перенестись в то место, которое ты видишь с его помощью. Это Шар Всевидения.

— Где его можно найти?

Конан вновь вскочил, и по всему было видно, что он готов немедленно отправиться в путь.

— Остынь, повелитель!— жестом остановил Конана маг.— Я не знаю, где его искать, но знаю человека, который занят его поисками всю жизнь и сейчас близок к цели.

— Что за человек?

— Это купец,— ответил Пелиас.— Имя его — Велорий. У него два дома. Один в Шандаре, маленьком городке, расположенном на тракте, почти на границе с Кофом. Большую часть времени он проводит там, но есть еще домишко в небольшой деревне, неподалеку от Хоршемиша.

— Ты не понял меня,— Конан недовольно поморщился,— я ведь спросил, что он за человек?

— Не знаю, что тебе и сказать…— Пелиас сокрушенно вздохнул.— Он приветлив, щедр, отзывчив. Сам Шар ему вряд ли нужен, но он одержим идеей вернуть сокровища предков, а ты знаешь, что такое одержимость… — Маг посмотрел на короля, и тот кивнул.— У него много друзей среди жрецов Митры, Эрлика, Иштар, Адониса в Аквилонии, Немедии, Заморе, Туране и прочих странах. Все они ищут сильных воинов и направляют к нему. Раз в пять-семь лет набирается серьезная команда, которую он отправляет на поиски. Ни один человек пока не вернулся. Велорий занят этим всю свою жизнь, и если посчитать, сколько ни в чем не повинных людей загубил за это время… Вряд ли тогда можно сказать о нем хоть что-то хорошее.

— То есть дело почти безнадежное…— задумчиво произнес Конан.

— Брось, милый!— Зенобия подбежала к нему и обняла за шею.— Одна смерть ничем не лучше другой! Не лучше ли подождать их здесь? Ты наверняка сумеешь отбиться от этих уродов.

— Не-ет…— Конан покачал головой.— Жить в постоянном страхе, каждое мгновение оглядываться и ждать, что кто-то появится у тебя за

спиной… Это не по мне! — Он мягко отстранился от жены и посмотрел в темные глаза Пелиаса.— Послушай-ка, колдун… Ты хоть представляешь, где находится это место с Вратами Сета?

— Это Лур-Дун,— просто ответил тот, словно речь шла об одном из городов Аквилонии,— одно из тайных хранилищ знаний поверженного Ахерона. Я нашел древние, чудом уцелевшие гравюры, на которых изображены некоторые из его помещений, и в частности зал с вратами. Скорее всего, сохранились лишь подвалы, но где они находятся,— он покачал головой,— я и понятия не имею.

— Значит, обычным путем туда не добраться…

— Я бы не слишком рассчитывал на это,— согласился Пелиас.

— Значит, остается безнадежный вариант,— пробормотал киммериец, который, впрочем, не выглядел слишком обескураженным: не впервой ему было браться за безнадежные дела.— А ты уверен,— вновь обратился он к магу,— что этот Велорий согласится уступить Шар?

— Думаю, да,— кивнул Пелиас после некоторого раздумья.— Он ведь не колдун — к чему ему Шар Всевидения? Ему нужны сокровища.— Пелиас помолчал.— Во всяком случае, ты можешь заранее потребовать его как плату за свое участие в поисках.

Часть вторая
ШАР ВСЕВИДЕНИЯ

Глава первая
НОВЬЯ ДРУЗЬЯ

Ранним утром по тракту, протянувшемуся в юго-восточном направлении, неспешной, размеренной походкой шел немолодой уже человек. Хотя правильно оценить его возраст было достаточно трудно.

С одной стороны, на волевом скуластом лице путника при всем желании невозможно было отыскать и следа юношеской романтичности и молодого задора. Цепкий, оценивающий взгляд внимательных глаз, впитавших в себя пронзительную голубизну южного неба и пронизывающий холод северных льдов, говорил о привычной для него спокойной уверенности, которая обычно приходит лишь с годами.

Многочисленные шрамы красноречиво говорили о том, в скольких стычках побывал этот человек, а раз до сих пор оставался жив и здоров, значит, умел и нападать, и защищаться, а потому из всех драк выходил победителем, и если уж не обходился без потерь, то никогда не терял слишком много. И он был невероятно, просто чудовищно могуч, чего не скрывал даже просторный серый плащ, застегнутый на левом плече стальной кованой фибулой, украшенной незамысловатым узором.

В то же время ни лицо, ни грация хищника, с которой он двигался, не говорили о тяжелом грузе прожитых лет. Скорее уж наоборот.

Ко всему прочему незнакомец имел вид человека, твердо знающего срок и цель и не привыкшего попусту тратить ни время, ни силы. Насколько хватал глаз, он был один, но, несмотря на это, в его грациозной походке замечалась настороженность — чувствовалась выработанная годами привычка не позволять застигнуть себя врасплох.

Был он, как уже говорилось, в плаще, но когда несильный порыв ветра распахивал его полы, становились видны мягкие, тонкой кожи штаны, заправленные в невысокие, до колен, легкие сапоги, порядком уже запыленные. Могучий торс облегала просторная замшевая рубаха с распахнутым воротом. За спиной висел длинный тяжелый меч в потертых кожаных ножнах.

Но главным все-таки в его облике была сила. Впечатление огромной, неестественной для человека физической мощи сразу бросалось в глаза любому: и опытному воину, и далекому от ратных дел крестьянину, не говоря уж о наметанных взглядах многочисленных кабатчиков, в чьих

заведениях путник поневоле останавливался на ночлег.

Звали человека Конан, и был он королем Аквилонии — самого могущественного государства цивилизованного мира. Он шел на восток уже не первый день, но путь его лежал вовсе не в Шадизар, где он когда-то постигал ремесло вора. Целью его путешествия был Шандар — неприметный городишко на западе Заморы, о котором и не знал бы никто, если бы он не лежал на тракте.

Киммериец же стремился туда так, как раньше, наверное, не рвался ни в одно из мест, которые посетил за свою долгую жизнь, потому что от успеха предстоящего предприятия зависела если и не жизнь его, то, быть может, даже нечто большее, чем жизнь.

В маленькой деревушке, повстречавшейся на пути, Конан, немного поторговавшись, на удивление недорого приобрел хорошего жеребца взамен прежнего, украденного позапрошлой ночью из конюшни постоялого двора. Конек, правда, оказался с норовом и на первом же привале попытался вырваться и убежать. Причем движения его были настолько отработаны, что Конану тут же припомнилась подленькая, вороватая улыбка кабатчика, подозрительно дешево уступившего ему такого прекрасного коня. Не иначе как шельма натренировал животное покидать каждого нового хозяина и возвращаться домой! Киммериец усмехнулся — ну уж нет! С ним эти шутки не пройдут! Конан оседлал коня, и, то ли почувствовав тяжелую руку и крутой нрав седока, то ли решив, что с воровским прошлым покончено, и в судьбе его наступил долгожданный перелом, жеребец успокоился.

Неожиданно подкрались сумерки. Последний переход вышел короче предыдущих, и Конан решил посвятить вечер отдыху, а поиски Велория начать с утра, на ночь завалившись в какой-нибудь кабак, где можно вдоволь попить вина, потому что за день, проведенный на жаре в седле, в глотке у него пересохло, как в старом колодце.

Путь к кабаку ему указал нищий, многозначительно добавивший при этом:

— Специально для воинов.

Ловко поймав на лету соблазнительно блестевший серебряный кругляш, нищий торопливо заковылял прочь, похоже всерьез опасаясь, как бы странный всадник не передумал и не решил заменить свой щедрый дар медяком.

Оборванец не обманул, и кабак Конан отыскал достаточно быстро. Зайдя внутрь, киммериец обнаружил, что здесь действительно полно людей с оружием, среди которых он без труда различил заморийцев,

гирканцев, немедийцев, даже кхитайцев, не говоря уже о туранцах и представителях более близких государств. Странно было смотреть на это разношерстное сборище, больше всего походившее на рынок наемников, где каждый, пусть и, не вступая в драку, стремился показать себя во всей красе и во всеоружии. Впрочем, Конана это мало трогало: все, что было ему нужно, так это ужин, постель да хороший глоток вина на сон грядущий.

Впрочем, он сразу почувствовал себя в привычной обстановке. Старый камин с забитым сажей дымоходом нещадно дымил, так что хозяину пришлось распахнуть настежь все окна, сквозь которые сизые клубы дыма валили наружу, зато на смену им в помещение струилась вечерняя прохлада. Конан невольно усмехнулся: что за странный способ обогрева! Впрочем, безнадежно запущенным был не только камин. Пол оказался заплеванным и залитым вином настолько, что на нем невозможно было отыскать и клочка чистого пространства. Стоявший за стойкой жирный хозяин в грязном фартуке тотчас заметил нового посетителя и послал к нему мальчонку, который, получив указания насчет предстоящего ужина, с уважением посмотрел на Конана и мгновенно скрылся, чтобы тут же появиться снова, на этот раз, с кувшином пуантенского розового и вместительным бурдюком белого немедийского — жуткой кислятиной, у которой, тем не менее, было одно неоспоримое достоинство: оно прекрасно утоляло жажду.

Усевшись на свободное место в углу — так, чтобы не терять входную дверь из виду, Конан принялся попивать винцо, в ожидании обеда приглядываясь к посетителям и по привычке прикидывая, кто чего стоит. По большей части посетители были безнадежно пьяны и, похоже, умом не отличались, и киммериец невольно подумал, что среди этого человеческого мусора выбрать себе приличную охрану было бы весьма непросто. Больше всего ему не понравилось соседство слева, где за длинным, залитым вином столом сидели семеро воинов с угрюмыми рожами, на которые время от времени наползали перекашивавшие их идиотские ухмылки. Судя по всему, они сидели здесь уже давно, явно перебрали хмельного и орали громче всех. Причем львиная доля ругательств доставалась почему-то мирно сидевшей в противоположном от северянина углу парочке. Похоже, еще до прихода киммерийца между ними произошло нечто, чего из памяти этих семерых не могли вымыть даже обильные потоки дешевого пойла, которое они старательно вливали в пропитые глотки.

Парочка же, вызывавшая их безудержную ярость, явно отличалась от

всех посетителей кабака. За чисто убранным столом, на котором стоял кувшин вина с двумя простыми глиняными кружками, блюдо с аппетитно зажаренным на вертеле, наполовину уже съеденным каплуном и ваза с виноградом, сидели двое: молодая женщина и странно, а скорее, непривычно хорошо одетый для этой местности мужчина средних лет. На нем был черный строгий бархатный камзол с белым кружевным воротником и манжетами, которые он добросовестно старался не испачкать.

Женщина была совсем молода и необыкновенно хороша собой, но, несмотря на это, имела воинственный вид. Дело было вовсе не в том, что на поясе у нее висел длинный, не слишком тяжелый, правда, прямой меч. Просто с первого взгляда, брошенного на красотку, было видно, что она привыкла управляться с оружием ничуть не хуже, чем белошвейка со своей иглой.

Некоторое время за длинным столом молчали, и Конан с интересом наблюдал, как семеро пьяных кретинов сообща стараются породить мысль. Мысль, способную оскорбить мужчину в камзоле и послужить причиной желанной ссоры. Но даже из семи тупых голов нельзя создать одну умную, и хотя пьяная компания не понимала этого, тщетность усилий будила в них все большую и большую ярость.

— Эй! Петух! — закричал один из них осипшим голосом, в то время как прочие одобрительно загоготали, старательно показывая, как высоко они оценили шутку своего товарища.

Шутник довольно ухмыльнулся и, подмигнув своим друзьям — то ли еще будет! — продолжил:

— Где ты откопал такую кх-у…— тут говоривший громко и не к месту икнул,— курочку?!— закончил он, тем не менее, вполне успешно.— Может, обменяешь ее на кружку пива?!

Вторая шутка показалась его собутыльникам еще более удачной, и все семеро загоготали с новой силой. Парочка же по-прежнему не обращала на них никакого внимания, продолжая мирную беседу. Шутники почувствовали себя незаслуженно оскорбленными: все-таки они так старались, а их просто не заметили! Простая справедливость требовала немедленного отмщения.

— Ну, ты!— рыкнул приятель острослова.— Свинья! Мы ведь к тебе обращаемся!

Тут говорившему пришла в голову великолепная мысль, и в подкрепление сказанного он запустил в гордеца куриной костью, которая, правда, полетела далеко в сторону, однако маневр этот уже не мог остаться

незамеченным. Мужчина в бархатном камзоле повернулся к семерым приятелям.

— Свинья, прошу заметить, друг мой, вполне безобидное домашнее животное, коренным образом отличающееся от грязного борова, зверя действительно премерзкого! — ответил он, презрительным взглядом, окинув говорившего, явно давая понять этим, кого он имеет в виду под боровом, и, повернувшись к спутнице, спокойно продолжил прерванную беседу.

Конан усмехнулся: в заплеванном зале явно запахло дракой, и, хотя дело это его никак не касалось, у киммерийца по старой привычке зачесались руки. Он понял, что не прочь поучаствовать. Жаль только, вина толком попить не успел. Впрочем, время стычки еще не настало. Он сделал хороший глоток и принялся наблюдать за развитием событий.

Вояк, похоже, не на шутку разозлил ответ франта, быть может, и не слишком остроумный, но обидно подчеркнувший разницу между ними. По их обозленным лицам можно было ясно понять: они никак не ожидали, что этот расфуфыренный индюк начнет огрызаться! Что ж, сам напросился!

— Ах ты, козий помет!— зло прорычал бритый наголо туранец.— Молчал бы, если не хочешь потом зубы верблюжьим дерьмом на место вклеивать!

Похоже, ничего более умного он сказать не мог. Взгляд Конана встретился с взглядом незнакомца, и они одновременно улыбнулись друг другу.

— Думаю, я, вряд ли, стерпел бы,— миролюбиво произнес Конан, ясно давая понять, на чьей он будет стороне, если начнется потасовка.

Причем сказал он это достаточно громко для того, чтобы его слышали все, в том числе и семеро сидевших рядом. Однако человеку в черном, похоже, было ровным счетом наплевать на оскорбления, равно как и на то, что, судя по всему, через мгновение начнется драка. Он усмехнулся и спокойно заметил:

— Обычно я стараюсь не обращать внимания на дерзости людей, которых Светозарный Митра явно обделил умом. Ты ведь и сам не обращаешь внимания на лай собак!

— Пока они не кусаются,— усмехнулся Конан.

— Тут ты прав,— не скрывая иронии, ответил его собеседник и слегка поклонился.

После такого оскорбительного диалога между гордецом и новичком, забияки усидеть уже не смогли.

Наперебой поминая Сета, Нергала и прочих темных божеств, а также их внутренности и испражнения, вояки шумно повскакивали с мест и начали хвататься за оружие. При этом они ревели, брызгали слюной и отбрасывали мешавшую мебель. Ярость их была великолепна и неподражаема. Непосвященному новичку могло показаться, что эти семеро готовятся не просто перебить всех находившихся рядом, но и перерезать прохожих, а также население соседних улиц, заодно ломая и хибары, в которых те обитают.

Все это время парочка спокойно сидела, с интересом наблюдая за приготовлениями семерки, и когда они, наконец, закончились, женщина мгновенно вскочила и отработанным движением выхватила из-за пояса меч.

— Только без крови! Только без крови!— истошно завизжал, прикрывая голову руками, хозяин, немало удивив этим Конана, который был уверен, что в заведении толстяка такие сцены должны происходить ежедневно.

Женщина замерла в боевой стойке и, обведя изготовившихся к драке бандитов задиристым, насмешливым взглядом, крикнула:

— А ну, шакалы, нападайте!— Она расхохоталась.— Кто из вас желает быстрой смерти?

Мужчина тоже приготовился к обороне, но в отличие от своей спутницы не проронил ни звука. На какое-то время, когда стало ясно, что противников запугать не удалось, вояки опешили.

— Вы! Трусы!— выкрикнула женщина.— Что стоите?!

Меч ее со свистом рассек воздух, лихо, крутнувшись в неподвижной руке, словно приглашая к началу веселья. В левой руке появился кинжал. Насмешка ее достигла цели.

Первый из семерки воинов, крепко сбитый шемит небольшого роста со смуглым лицом и длинными волосатыми руками, пьяно и неловко атаковал. Ударив наотмашь кривой туранской саблей и вложив в удар больше силы, чем умения, он, видимо, решил долго не возиться и разом снести дерзкой женщине голову.

Она же, уходя от удара, сделала то, что и должна была сделать,— присела и с разворота пнула противника по ноге, а когда он мешком рухнул на пол, ее кинжал словно ненароком чиркнул по шейной вене, и кровь брызнула на заплеванный пол, смешиваясь с лужами вина. Шемит пытался еще встать, но руки уже не слушались его. Он упал лицом в кровавую лужу и затих.

— Ну, кто следующий?— весело крикнула женщина.

— Эта сучка прирезала Фандона…— ошарашено прошептал кто-то.

Оставшиеся шестеро, мгновенно протрезвев, поняли, что легкого дебоша не предвидится. Они приготовились нападать организованно, и лица их не предвещали ничего хорошего.

— Не сбивайтесь в кучу!— крикнул им Конан, решив, что пора вмешаться, если он не намеревается ограничиться ролью зрителя.— Я тут!

Он мгновенно выхватил меч, всерьез опасаясь, что после такого бурного начала, промедли он еще немного, на его долю ничего не останется.

Впрочем, он зря беспокоился. Подонки быстро пришли в себя и мгновенно разделились на три пары. Те, что выбрали себе в противники киммерийца, видно, считали себя самыми хитрыми. Они сразу попытались обойти его с двух сторон, однако Конан не стал дожидаться окончания их маневра и первым напал на коренастого пузатого ванахеймца. Его удар сверху оказался настолько силен, что невысокий противник хоть и задержал его, выставив меч над головой, но колени у него подогнулись, и, недолго думая, Конан двинул правой ногой в толстое брюхо рыжего, едва успев отскочить от винного фонтана, брызнувшего из его открывшейся пасти.

Конан тут же развернулся и нанес удар, но, как и в первый раз, меч его наткнулся на блок. Боковым зрением киммериец заметил, что и девушка, ловко орудуя мечом и уходя от ударов, уже успела расправиться с одним из своих противников.

Киммериец пошел вперед, яростно нанося удары, но против него стоял настоящий великан — бритоголовый туранец, на полголовы возвышавшийся даже над ним. Верзила умело отбивал все его удары, и Конан понял, что если он хочет победить быстро, то должен, либо перехитрить, либо пересилить великана — его помощь в любое мгновение могла понадобиться новым друзьям.

Показывать свою ловкость на заблеванном ванахеймцем полу Конану совершенно не хотелось, и он, стиснув зубы, пошел вперед. На пятом или шестом ударе он увидел испуг в глазах великана. Тот отступил на шаг, еще на один, споткнулся о своего же валявшегося на полу приятеля, рыжего толстяка, и, отчаянно размахивая руками, опрокинулся навзничь. Падая, он ударился головой о край стола, да так и остался лежать без движения. Конан замер, ожидая, когда противник его поднимется, но тот, похоже, вставать не собирался.

Киммериец осмотрелся, выбирая, кому из двоих прийти на помощь. Один из напавших на девушку корчился на полу, с отсеченной по колено

ногой, и тихо подвывал, второй был ранен уже дважды, в руку и живот, и, истекая кровью, отступал под натиском соперницы.

У спутника ее дела обстояли похуже: на него наседали сразу с двух сторон, но щеголь ловко уворачивался от мечей противников. В левой руке он держал длинный кинжал, в правой — узкий зингарский меч. Бандиты уже получили от него несколько ударов, к сожалению не слишком опасных, но продолжали наседать. Оба увидели, что Конан расправился с их друзьями и готов помочь противнику, и, естественно, забеспокоились. Киммериец же понял, что незнакомец в черном больше привык к дуэлям, нежели к дракам, и, хотя ввязался именно в драку, действовать продолжал по дуэльным правилам. Поэтому Конан раздумывал не слишком долго, а схватил с пола лавку, запустил одному из нападавших в голову, и тот рухнул как подкошенный.

Конан быстро перевел взгляд на своих незнакомцев-союзников. Девушка к этому времени успела уже расправиться со вторым бандитом и кинулась на помощь другу. В тот же миг ее спутник, словно почувствовав неловкость от того, что отстает от приятелей, парировал очередной удар противника и, сделав шаг вперед, оказался вплотную к нему, но не остановился. Отработанным движением, перехватив руку, в которой тот держал меч, он сделал еще шаг, вывернул руку за спину и резко дернул вверх. Вояка красиво кувырнулся в воздухе, упал на замусоренный пол и больше не подавал признаков жизни.

По-видимому, человек в черном, как и его подруга, посчитал работу сделанной, потому что вслед за этим взгляды обоих спутников обратились на Конана.

— Кто ты? И почему помог нам?— спросила девушка на немедийском.

— Зовут меня Конан,— просто ответил киммериец, не считая нужным вдаваться в подробности,— а встал я на вашу сторону просто потому, что не люблю задир.

— Конан-кор!..— успела выкрикнуть девушка, когда король мягко, но быстро взял ее за руку.

— Тихо,— прервал ее киммериец полушепотом,— не говори об этом здесь. У меня и так полно врагов! Не хватало еще, чтобы кто-то из этих подонков присмотрелся повнимательнее и по городу поползли слухи!

— Извини.— Девушка смутилась и поспешила объяснить:— Не сдержалась. Меня зовут Олвина,— представилась она,— а его,— она кивнула на своего молчаливого спутника,— Калим. Мы направлялись сюда, но нужного нам человека не нашли, и теперь путь наш лежит в Коф.

— Значит, нам по пути,— удовлетворенно кивнул Конан, почему-то

сразу подумав, что прибыли они по тому же делу, что и он, и тут же добавил:— А сейчас давайте уйдем отсюда, пока не появилась стража.

Не спрашивая их согласия, Конан прихватил со стола бурдюк с вином — не пропадать же добру! — и направился к выходу. Олвина задержалась на мгновение, чтобы перекинуться взглядом со своим спутником. Тот кивнул без колебаний, и оба направились за киммерийцем Дверь с треском захлопнулась за ними, и ударивший в лицо прохладный вечерний воздух, хоть и отдававший слегка помойкой, после спертого смрада таверны показался им едва ли не морским бризом.

— Вы пешком? — спросил Конан, обернувшись.

— Конечно,— бодро ответила Олвина,— к чему лишние хлопоты?— И, немного помявшись, добавила:— К тому же, так уж получилось, у нас просто нет денег на лошадей.

— У меня есть, но, к сожалению, только на одну,— задумчиво сказал Конан,— однако не беда. Выберу дом побогаче и наведаюсь туда нынче же ночью.

— Ты думаешь, как только хозяин узнает, что ты король, то тут же выделит тебе немного золота из своих сбережений?— спросил с усмешкой Калим, впервые заговорив.

— Нет,— рассмеявшись, ответил Конан,— у меня свои способы получения денег.— Киммериец не стал распространяться о том, что в молодости считался неплохим вором и до сих пор кое-где по-прежнему остается в силе немалое вознаграждение за его голову. Знали они о том или нет, только просвещать их на сей счет северянин не собирался.— А сейчас найдем какой-нибудь постоялый двор. Вы там сможете переночевать, а я буду знать, где искать вас, когда вернусь.

Сказав это, Конан собрался было уходить, но вдруг обернулся.

— Кстати,— одобрительно заметил он,— вы оба хорошо деретесь и могли бы неплохо зарабатывать на этом.— Он окинул парочку веселым взглядом.— Зачем вы направляетесь в Коф?

Теперь уже Калим вопросительно посмотрел на свою спутницу, спрашивая ее согласия.

— Нас направил сюда один жрец в Туране. Он сказал, что некий купец, проживающий либо в Шандаре, либо под Хоршемишем, предлагает очень хорошую награду за опасную работу. В этом предложении не было ничего особенного, и я совсем не уверен, что согласился бы на него, учитывая, как далеко нам пришлось добираться. Однако было во взгляде этого человека, в том, как он говорил, а главное, в словах, им сказанных, нечто особенное… Он сказал, что такую работу предлагает далеко не

каждому, а только тому, в ком распознает особого человека.— При этих словах Калима Конан невольно усмехнулся: типичная уловка хитреца, не слишком изощренная, но неизменно срабатывающая, рассчитанная на простака, сидящего на мели! Сколько раз сам он на нее попадался!— Правда, в последнее время я все чаще задумываюсь,— продолжил Калим после паузы,— а не сыграл ли он с нами глупую шутку?

— Что ж, всякое бывает,— ответил Конан уклончиво и вдруг спросил: — А он не сказал, как зовут этого купца? Часом, не Велорий ли?

— Велорий,— ответил Калим и обменялся с Олвиной растерянным взглядом.

— Ну, так могу тебя порадовать,— убежденно сказал киммериец,— это не глупый розыгрыш. Я и сам направляюсь к нему. Не знаю уж, как там насчет денег, не поинтересовался — у меня свои заботы, но что касается опасностей, могу тебя утешить: их будет в избытке.

— Значит, ты тоже особый?— восхищенно спросила Олвина.

— Это вы особые!— расхохотался Конан.— А я король Аквилонии!

При этих словах киммерийца Олвина возмущенно фыркнула, досадуя то ли на его насмешку, то ли на себя за то, что ляпнула глупость. Калим же лишь сдержанно улыбнулся уголками губ.

Пока они так разговаривали, удаляясь от злосчастной таверны, начало темнеть. Закат окрасил пол-неба, обещая морозное, но ясное утро. Впрочем, об этом говорил и холодный ветерок. Девушка зябко поежилась, запахивая полы кожаной безрукавки. Некоторое время шли молча. Спутники киммерийца, как и сам он, ступали беззвучно, и слышно было лишь цоканье копыт коня Конана, которого он вел под уздцы.

— Вот вам и постоялый двор.— Едва они свернули за угол, Конан кивнул в сторону обшарпанного, но еще крепкого и большого дома.— Ждите меня к утру,— сказал он, передавая Калиму поводья, и направился прочь.

— Ты уверен, что тебе не понадобится наша помощь? — с надеждой спросила Олвина.

Конан, однако, ничего не ответил, и через некоторое время его могучая фигура скрылась за поворотом. Олвина до последнего мгновения ждала, что он все-таки обернется, но этого так и не произошло. Тогда она разочарованно вздохнула и направилась к Калиму, который уже успел позаботиться о коне киммерийца и теперь с улыбкой поджидал ее у дверей таверны, в то время как она шла и думала о том, что даже не пожелала своему новому товарищу удачи.

* * *

Вечер неохотно отступал под натиском приближающейся ночи. Густая тьма медленно поглощала алый закат, полыхавший над вершинами гор. Зенобии, с тоской глядевшей в окно, почему-то привиделось, что скалы истекают кровью. Странная уверенность в том, что именно в их каменных недрах таится грозившее им зло, не покидала молодую королеву, хотя она и понимала, что это лишь игра не в меру разыгравшегося воображения.

Который уж день прошел с тех пор, как уехал Конан, и нет от него никаких вестей. Впрочем, здесь сетовать не на что, ведь с самого начала она знала, что ей до конца придется пребывать в неведении. Все это страх… Страх, тоска и одиночество, хотя Троцеро, в чей родовой замок они переехали в первый же день, из кожи вон лез, стараясь развеселить ее и сына, и если Конн был маленьким, но мужчиной, к тому же сыном самого Конана, то она, будучи королевой, оставалась всего лишь слабой женщиной, чье любящее сердце не находило покоя.

Она бы и рада была забыться, да не могла, и тут не помогали ни ежедневные балы, ни празднества и гуляния. Все эти развлечения, на которые таким мастером оказался граф, никак не спасали, да и разве могла она забыть о происходящем, когда на каждом углу стояла стража, и были это не скучающие дворцовые увальни, а, как правило, группы из двух-трех человек — гвардеец и пара лучников, а нередко и арбалетчик в придачу.

Теперь любой из постов сможет если уж и не дать достойный отпор внезапно появившейся четверке, то уж, по крайней мере, поднять тревогу, и тогда налетчикам не сдобровать, несмотря на всю их силу и слаженность: отныне люди графа знают, как им действовать. Однако даже сознание собственной безопасности не помогало ей забыться.

Из памяти никак не шла сцена у моря, показанная Пелиасом. Со сводящим с ума постоянством она проявлялась в памяти. Вот незнакомец стоит у кромки воды. Солнечный день, чистый пляж, белоснежные шапки пены на гребнях невысоких волн. Ласковый ветер треплет мягкий шелк одежд. Ничто не предвещает беды… И вдруг!..

«Убейте его!»

Зенобия непроизвольно вздрогнула, словно и в самом деле услышала этот приказ из уст прекрасной даже в своей немыслимой злобе колдуньи. Королева зябко поежилась и оглянулась. Это воспоминание стало для нее злым наваждением, превратившимся в пытку, и если бы не Кони… При

мысли о сыне взгляд королевы потеплел. Она отвернулась от окна и вдруг вспомнила, что еще не попрощалась с ним перед сном.

Глава вторая
В ДОМЕ ЧЕРНОГО КОЛДУНА

Некоторое время Конан бесцельно слонялся по улицам городка, пока, наконец, запахи и внешний вид строений не подсказали ему, что он очутился там, куда и шел,— в чистом, богатом квартале. Здесь жизнь уже почти замерла: почтенные горожане в темное время суток предпочитали не покидать домов, за стенами которых чувствовали себя спокойно и уверенно.

Ветер разогнал тучи, на небе показалась луна, и по улицам разлились потоки мягкого серебристого света. Конан вполголоса выругался. Прежде, идя на дело, он не любил такие ночи, когда каждый камушек виден как днем, тела отбрасывают густые тени, а любое движение можно заметить издалека. Впрочем, выбирать не приходилось. Он пошел дальше, стараясь держаться в тени домов, в окнах которых почему-то не было видно света, словно обитатели их, едва затворив за собой двери, тут же ложились спать. Когда впереди показался небольшой отряд вооруженных всадников, Конан замер, но вскоре понял, что опасаться нечего: все они были какие-то сонные и заметно уставшие. Едва всадники скрылись в узком переулке, киммериец двинулся дальше и вскоре увидел дом, который чем-то — он сам бы не смог сказать, чем именно,— приглянулся ему.

Это было небольшое, но уютное каменное двухэтажное строение, окруженное невысокой ажурной кованой оградой. Конан осторожно обошел вокруг дома, оглядев его снаружи. Все окна оказались закрыты крепкими ставнями: похоже, обитатели его сильно боялись воров, но, скорее, просто были в отъезде. Лишь один ставень был попорчен. Впечатление было такое, будто плотник выпилил подгнившие доски и, не закончив своего дела, ушел за материалом, да так и не вернулся, оставив ремонт на утро. Киммериец незаметно пересек улицу и взглянул на крышу дома. Она была вся утыкана трубами, словно обитатели дома постоянно мерзли и в каждой комнате соорудили по печи или камину. Однако всего две трубы подходили для того, чтобы спуститься по дымоходам внутрь. По крайней мере, для такого крупного человека, как Конан.

Еще раз оглядевшись, киммериец беззвучно перемахнул через изгородь и мгновенно растворился в тени деревьев. Через некоторое время совершенно непонятным образом он оказался уже у стены дома,

выходившей во внутренний двор. Конан внимательно осмотрелся — вокруг ни души. Несмотря на свое острое зрение, только здесь он обнаружил веревку, свисавшую из отверстия, выпиленного в ставне окна на втором этаже. Она практически сливалась со стеной, так что, даже если бы кому-то вздумалось зайти во двор, он вряд ли заметил бы веревку. Во всяком случае, ночью. Сделав это открытие, Конан иронично усмехнулся: хорошо, что он не слишком припозднился. Похоже, еще немного, и ему пришлось бы пристраиваться к очереди желающих порыться в сундуках хозяина, а это значит, что там совсем не пусто!

Конан тихонько подергал веревку, затем повис на ней, проверяя, выдержит ли, и удовлетворенно кивнул. Это был нетолстый, но прочный канат, часто перевязанный узлами, и, убедившись в том, что опасности нет, киммериец быстро забрался на второй этаж. Здесь он ухватился рукой за подоконник и, готовый ко всему, осторожно заглянул внутрь. Он увидел слабо освещенный коридор (значит, хозяева все-таки дома, а не в отлучке), в конце которого виднелась запертая дверь. С другой стороны коридор сворачивал за угол.

Киммериец осторожно пролез внутрь и, дойдя до того места, где коридор делал поворот, выглянул из-за угла. Эта часть дома почти не отличалась от той, откуда он пришел только что, но зато здесь было две двери. Одна располагалась прямо перед ним, в конце коридора, зато другая находилась у самого угла, и при желании он мог бы дотронуться до нее рукой. Это и решило выбор, с которой из них начать. Конан сделал всего шаг и остановился, настороженно прислушиваясь,— с той стороны не донеслось ни звука. Тогда он аккуратно надавил на створки, и дверь легко отворилась.

Коридор был освещен гораздо лучше, и киммериец остановился на пороге, напряженно всматриваясь в темноту. Понемногу глаза его привыкли и начали различать детали обстановки, хоть и было ее совсем немного. Уж, по крайней мере, ничего похожего на дом богатого купца или знатного дворянина. Комнатка оказалась небольшой, с невысоким потолком, но главное — киммериец не увидел больше ни одной двери. На всякий случай он пошарил взглядом по голым стенам и с разочарованием убедился, что комната почти пуста. Правда, выглядела она как-то странно, быть может, из-за того, что была полукруглой формы, но ему-то до этого какое дело?! Впрочем, здесь висело несколько штор, за которыми могло скрываться все, что угодно. Конан поочередно откинул их, но увидел лишь несколько статуй уродливых богов, с первого взгляда не понравившихся ему.

Тут киммериец насторожился. Его чуткий слух уловил донесшиеся снаружи осторожные шаги, которые неспешно приближались, пока не остановились у самой двери. Похоже, Конан тоже не слишком понравился богам, и они решили поразвлечься, глядя, как он станет выпутываться из неприятного положения.

Северянин нырнул в одну из ниш, несколько потеснив ее уродливого обитателя, и в оставленную между портьерами щелку стал следить за происходящим. Долго ждать не пришлось: едва он скрылся, как дверь бесшумно отворилась, и в комнату быстро заскочил человек. Конан тут же сделал нехитрый вывод о том, что это не хозяин — слишком уж суетливы были его движения, слишком осторожно он ступал, поминутно озираясь и не выпуская из рук короткого прямого меча. Человек оказался невысок ростом, темноволос, и Конан без труда распознал в нем чистокровного заморийца.

Незнакомец быстро осмотрел комнату, помянул Бела, и, подойдя к шторам, стал заглядывать поочередно в каждую из ниш, тоже, видимо, надеясь отыскать секретный ход или тайник. Поминая попеременно Сета и Нергала, он постепенно приближался к тому месту, где затаился киммериец, и Конан ухмыльнулся про себя, подумав о том, что настал удобный момент поблагодарить незнакомца за оставленный в окне канат. Впрочем, почти сразу на смену этим мыслям пришли более практические соображения. Северянин прикинул, как быть дальше. С одной стороны, вдвоем можно сделать дело быстрее и надежнее. С другой же стороны, кто мог поручиться, что, если они найдут что-то мало-мальски ценное, заморiец не попытается воткнуть ему в спину свой короткий меч? Однако Конану не суждено было ответить себе на этот маленький вопрос. Едва дойдя до портьеры, за которой притаился киммериец, незнакомец медленно попятился, держа в вытянутой перед собой руке меч. Конан так и не понял, каким образом незнакомец учуял его, однако это было так. Чужак замер в пяти шагах, не зная, на что решиться, и тогда Конан, недолго думая, вышел из своего убежища. При виде огромной фигуры, появившейся из ниши, человек начал пятиться, пока не ткнулся спиной в стену. Конан видел, что, если бы парень не опасался получить удар мечом, давно уже пустился бы наутек.

— Кто ты?— спросил он, нервно облизнув губы.

— Такой же вор, как и ты,— пожав плечами, ответил Конан.

— Что-то не верю я тебе,— покачал головой незнакомец, отступая на шаг в сторону,— не похож ты на вора.

— Что ж,— холодно улыбнулся Конан,— твое право, но если мы не

договоримся, мне придется убить тебя.

Некоторое время оба стояли, замерев, и не отводя друг от друга глаз.

— Твоя веревка висит в окне? — спросил, наконец, киммериец.

— Моя,— кивнул тот и через мгновение сдался:— Ну, хорошо. Хоть ты и не похож на вора, но еще меньше на охранника и уж никак не на слугу!

Сказав это, он опустил меч, и Конан вздохнул с облегчением: парень начал ему нравиться. По крайней мере, в штаны не наложил.

— А как ты обнаружил меня?— спросил он и увидел, как незнакомец расплылся в довольной улыбке.

— Это у меня с детства — способность чувствовать опасность в самый последний момент. Не раз уже она выручала меня. Кстати, зовут меня Бергон, а тебя?

— Конан.

— Конан… Конан…— задумавшись, бубнил парень, что-то напряженно пытаясь припомнить.— Где-то я уже слышал это имя, но никак не могу припомнить, в связи с чем…— Киммериец вздохнул. О нем начали забывать, и это было грустно. С другой стороны, даже этот мальчик что-то слышал о нем, а значит, все не так плохо!— Ну да ладно! — Парень решил сменить тему разговора.— Ты знаешь, что хозяин этого дома — колдун? В городе его боятся, и о доме этом идет дурная слава. Говорят, на ночь он выпускает побродить по дому огненного пса. Говорят, что у него всего один слуга, хотя колдун очень богат. Говорят, что никто в городе его ни разу не видел, несмотря на то, что живет он здесь уже несколько лет. Он торговец, но все дела ведет за него слуга. Торгует же он какими-то порошками и снадобьями, и купить их совсем непросто. Нужно назвать слуге тайное слово, а узнать его можно лишь у того, кто бывал здесь прежде, причем направивший новичка в дом несет за него ответственность. Так что круг покупателей весьма ограничен. Однако колдун богат, — повторил Бергон. — Говорят, порошки его стоят бешеных денег!

— Ты прямо, как бабка старая!— Конан пренебрежительно усмехнулся.— Наслушался сплетен и другим передаешь! Сам-то веришь в эти бредни? А если веришь, чего приперся?

Бергон смутился. Он явно рассчитывал, что незнакомец иначе воспримет его рассказ.

— Зря ты так,— обиделся он.— Мне рассказал об этом один жрец. Не стану называть его имени. Он сказал, что если я сумею украсть в этом доме что-нибудь ценное и останусь в живых, то, пожалуй, сгожусь для одного неплохо оплачиваемого дельца.

Конан едва сдержался, чтобы не расхохотаться: что-то много в последнее время на его пути попадается желающих хорошо подзаработать! Сезон, что ли, начался?

В тот же миг за дверью вновь послышались шаги, и Конан метнулся к спасительной портьере. Парень последовал его примеру, и через мгновение в комнате вновь царили тьма, тишина и пустота. Ниши, в которых затаились ночные гости, располагались по бокам от двери, и вскоре Конан ясно различил, что по коридору идут двое. Постепенно из-под двери начал пробиваться яркий свет факела.

Дверь с треском распахнулась, и один из двоих ворвался внутрь, в то время как второй остался стоять на пороге, лишь подняв факел повыше, чтобы было лучше видно. Ворвавшийся осмотрелся.

— Я же говорил, господин, что здесь никого нет,— произнес он приятным мягким голосом. Пока он говорил, Конан успел рассмотреть обоих. Тот, что вошел в комнату, оказался молод, светловолос и был облачен в легкие доспехи.— Они могли залезть к нам накануне, а то и раньше — мы уже два дня как не проверяли окна.

Стоявший в дверях, похоже, был не согласен с молодым слугой. Он молчал, и в молчании его чувствовалось странное напряжение, которое усиливал его мрачный облик. Человек был черен, как ночь, и одет в полностью скрывавший его черный халат.

Черный человек не разговаривал со своим слугой, и, казалось, даже не слышал его. Он неподвижно стоял, подобный изваянию, и взгляд его, такой же неподвижный, как он сам, устремлен был в какую-то точку, расположенную явно вне дома. Больше всего он походил на человека, который прислушивается к кому-то, но находился этот невидимый собеседник не рядом и не где-то в невообразимой дали, а внутри его самого. Наконец он шевельнулся, словно услышал нечто важное. То, чего и ждал.

— Пойдем,— коротко бросил он слуге глухим бесцветным голосом.

Вслед за этим колдун развернулся, но как-то странно. Конан не заметил, чтобы черная фигура сдвинулась с места, но в следующий миг она уже стояла к ним спиной. Колдун шагнул наружу и пошел по коридору. Слуга выскочил следом, притворил за собой дверь и направился за хозяином. Почти сразу шаги стихли, и Конан покинул свое убежище. Бергон показался из-за шторы напротив, и вид у него был какой-то задумчивый.

— Этот выродок Нергалий заметил нас,— зло бросил Конан, убежденно тряхнув копной смоляных волос.

— Кто?— спросил Бергон, словно очнувшись от глубокого сна.

— Твой колдун!— раздраженно бросил Конан.

— Да.— Парень наконец-то пришел в себя и стал разговаривать нормально.— Я хотел выскочить и убить обоих, но глупая надежда на то, что все еще закончится хорошо, удержала меня.— Словно в подтверждение своих слов он взялся за рукоять меча, но не выхватил его, а лишь вздохнул с горечью.— Но теперь-уже поздно: он пошлет за нами своего пса, а это конец.

— Ты действительно веришь в него?

Парень ничего не ответил, однако по его очумелому взгляду, да и по всему виду, Конан понял, что так оно и есть. Он пожал могучими плечами: Нергал его знает, может, действительно что-то такое существует.

— В конце коридора есть дверь, но там, как и здесь, ничего интересного. На полках одни бутыли, но есть еще камин и кресло рядом. В углу еще одна дверь, обитая железом, но открыть ее я не смог,— скороговоркой зашептал Бергон.

— Ты не о том говоришь,— разозлился Конан.— Ночь только началась, и мы еще успеем наведаться в другой дом.

— А…— начал, было, парень, но закончить так и не успел.

— А хорошо оплачиваемую работу я тебе и так найду!— рявкнул киммериец.— А сейчас сматываться пора!

Парень, наконец, смекнул, что ему говорят дело, и больше уже не спорил. Они покинули комнату и быстро, хотя и бесшумно, пошли к пролому в ставне.

Однако едва они свернули за угол, как Конан остановился.

— Кром!— невольно вырвалось у него.

— Это он…— прошептал Бергон, затравленно озираясь.

В конце коридора у двери стояло нечто совершенно невообразимое. В первое мгновение киммериец даже не понял, что это такое,— уж слишком ярко оно светилось. Однако глаза варвара с годами не утратили зоркости и через мгновение приспособились к новому освещению. Существо действительно чем-то напоминало огромного, примерно по пояс киммерийцу, пса. Шерсть его ярко светилась и имела цвет раскаленной добела стали, больше походя на переплетение языков пламени. Глаза огненного пса сияли зловещим малиновым светом. Белые искры с треском пробегали по шкуре существа, от которой исходил странный запах. Сразу за зверюгой все так же неподвижно высилась зловещая фигура черного колдуна.

— Говорят, что его ничто не берет,— испуганно шептал парень,— и

спастись от него невозможно.

Конан зло стиснул зубы. Сколько раз жизнь сталкивала его с самыми невероятными тварями, и ничего — до сих пор жив!

— Эй, колдун!— крикнул Конан.— Признаюсь, мы были не правы! Убери свою дрессированную головешку, и мы мирно уйдем!

Черный человек молча кивнул, словно бы соглашаясь с разумностью предложения, но вместо того, чтобы освободить им дорогу, медленно двинулся вперед.

— Он что, глухой?— тоскливо простонал парень, который уже понадеялся, было, что все для них кончится хорошо, а теперь увидел, что жестоко ошибся.

— Нет,— спокойно ответил киммериец, поправляя бурдюк с вином, болтавшийся у пояса,— он просто перекрывает нам выход через окно.

Конан вытащил из ножен длинный двуручный меч и медленно двинулся вперед, держа его в вытянутой руке, направляя острием в морду зверя. Похоже, псу такое обращение не слишком понравилось, потому что он остановился, начал скалиться и глухо рычать. Чем ближе подходил к нему киммериец, тем злобней рычал пес, но бросаться на незваного гостя пока почему-то не спешил. Это было как-то неестественно, и северянин подумал, что сила пса, похоже, не слишком велика, раз он не хочет ее тратить понапрасну, кидаясь на клинок. Колдун же застыл, холодный и равнодушный, словно происходящее его не касалось.

Теперь их разделяло всего шагов семь, и Конан всем телом чувствовал жар, исходивший от зверя. Видимо, ближе подходить было нельзя. Терпение пса иссякло, он раскрыл пасть и, глухо рыча, бросился вперед. Едва это произошло, киммериец, следуя мгновенному порыву, сорвал с пояса бурдюк с кисленьким немедийским винцом и швырнул его в разинутую пасть зверя.

Челюсти звонко лязгнули, словно состояли не из бестелесного пламени, а из самой что ни на есть настоящей кости, способной нанести нешуточную рану. Северянин развернулся и опрометью бросился назад. За спиной раздался визг боли, смешавшийся с шипением, словно кто-то спешно заливал водой костер. Добежав: до угла, за которым стоял Бергон, Конан обернулся. Пес катался по полу, зажимая огненными лапами потускневшую морду, вмиг потемневшую до цвета его зловещих глаз.

— Здорово ты сообразил насчет вина,— уважительно прошептал Бергон, но Конан только отмахнулся.

— Хватит болтать!— гаркнул он. — Пора сматываться! Он скоро очухается, и тогда нам придется несладко!

Бергон согласно кивнул. Теперь он был готов согласиться со всем, что скажет его новый товарищ.

— Только не через окно,— все-таки предостерег он, — насчет него у меня дурное предчувствие.

Они развернулись и быстро побежали в конец коридора. Визг за их спинами стих. Бергон рывком распахнул дверь и, впустив Конана, быстро захлопнул ее за собой. Внутри оказалось полно разбитой мебели, но толку от нее не было никакого — все это была ломаная рухлядь, годная лишь на растопку. Конан быстро осмотрелся, понимая, что дверь в коридор для зверя не преграда — он прожжет ее, как гнилую парусину.

Однако киммериец завалил ее обломками, соорудив некое подобие баррикады, подумав, что так все-таки понадежнее, а если уж случится пожар, так пусть весь этот хлам горит в одном углу. Однако это было лишь частью дела. Теперь предстояло подумать, куда деваться отсюда, а единственным выходом по-прежнему оставалась железная дверь. Вначале Конан даже не обратил на нее внимания: у него просто не было на это времени. Теперь дошла очередь и до нее. Он подошел вплотную к двери и старательно осмотрел всю ее поверхность, но не нашел ни одного отверстия, кроме небольшой щели чуть ниже середины.

Киммериец достал стальной крючочек с кольцом на одном конце и начал ковыряться им в щели, припав ухом к железу и внимательно прислушиваясь, не щелкнет ли замок.

— У тебя есть нож?— внезапно спросил он Бергона, и тот немедленно достал из-за голенища сапога длинный и узкий стилет.

Конан вставил клинок в щель и уперся им в край двери, одновременно налегая на крюк. Послышался скрежет, и дверь поддалась. В комнате к этому времени стояла почти невыносимая жара, а от дыма дышать становилось все труднее.

— Конан! Он прорывается!— подсказал зачем-то Бергон, хотя не заметить этого было просто невозможно.

Конан все-таки оглянулся, чтобы посмотреть на то, что и так не вызывало сомнений — дверь почти прогорела. Неуклюжая баррикада начала обугливаться и исходила сизым ядовитым дымом, уже заполнившим комнату. Дым разъедал глаза и вызывал у Бергона мучительные спазмы в груди. Он заходился выворачивающим наизнанку кашлем и, глядя на киммерийца, изумлялся, почему на того ничего не действует. Или его новый друг обладает способностью не дышать?

Дверь оказалась неимоверно тяжелой. Конан с усилием отворил ее. Они быстро заскочили внутрь и налегли на массивную плиту — медленно,

как бы неохотно, дверь затворилась. С внутренней стороны на ней обнаружился засов, и беглецы тотчас задвинули его. Непосредственная опасность миновала, но что делать дальше?

Конан осмотрелся, Если первые две комнаты не блистали изысканностью убранства, то здесь не было даже этого. Мрачные каменные стены, от одной до другой не больше двух шагов киммерийца. По ним обильно стекала вода, которая тут же с веселым журчанием уходила сквозь решетку в полу. Создавалось впечатление, что они находятся не на втором этаже двухэтажного особняка, а в сыром подвале. Конан задрал голову. Словно дразня, далеко наверху просматривалось небольшое отверстие, сквозь которое виднелось звездное ночное небо. Это было смешно, но больше всего комната напоминала колодец, зачем-то устроенный в середине дома.

Бергон тоскливо осматривался, но взгляд остановить было решительно не на чем.

— А ну, снимай сапоги! — скомандовал вдруг киммериец.

Заморiец начал лихорадочно разуваться, даже не задавшись вопросом, зачем это нужно, и когда, хоть и запоздало, выразил удивление, Конан лишь раздраженно проворчал:

— Надоело! Сейчас наберем воды и зальем эту тварь!

— Во что наберем-то? — удивленно промямлил Бергон, но тут же заторопился.

Когда он, наконец, освободился от обуви, разутый Конан уже стоял у стены, старательно прилепляя голенища к сочащейся влагой стене. Бергон тут же последовал его примеру.

— Не пойму,— проворчал киммериец,— откуда здесь столько воды?

— За стеной бассейн,— торопливо объяснил Бергон,— он там каких-то тварей выращивает. Им нужна проточная вода. Мне об этом жрец сказал.

Вода была очень холодной и текла, не останавливаясь, но все же в комнате становилось все жарче. Не обращая ни на что внимания, воры старательно наполняли сапоги. Конан, наконец, выпрямился и с ухмылкой посмотрел на не самые удобные емкости с водой, которые держал в руках.

— Слушай меня внимательно,— сказал он заморийцу,— у нас четыре выстрела.— Он ухмыльнулся, глядя на вытянувшуюся физиономию своего товарища.— По два на каждого. Это немного. Постарайся, чтобы ни капли не пропало даром. Если все пройдет как надо, и мы разделаемся с тварью, я убью хозяина этого Нергалова царства. А теперь открывай!

Бергон бережно поставил наполненную водой обувь на пол, откинул засов и медленно отворил дверь. Конан стоял наготове, ожидая, что пес

сразу ворвется к ним, но ничего подобного не случилось. В крохотную комнатенку ворвались клубы дыма, однако огня видно не было. Замориец решительно взял в руки два сапога, но было заметно, что он изрядно трусит, хотя и старается не показывать вида.

— Что-то его нигде не видно,— недовольно пробубнил Конан, выглядывая наружу.

Дым начал быстро улетучиваться, уходя в отверстие у них над головой, и. теперь вторая комната стала видна гораздо лучше. Однако твари нигде не было. Конан осторожно вышел из колодца и, очутившись посреди пустого помещения, принялся недоуменно осматриваться. Нелепая баррикада успела уже обратиться в кучку пепла, дверь оказалась почти полностью сожженной. По-прежнему держа в руках оба сапога, Конан выглянул в коридор, но тут услышал крик Бергона и резко обернулся.

Позади него стояла тварь, в которую его молодой товарищ неловко целился наполненным водой сапогом, но в момент броска пес прыгнул на киммерийца, и лишь часть воды попала собаке на спину. Конан отскочил в сторону, расплескивая драгоценную влагу. Огненный пес опустился на пол как раз в том месте, где только что стоял киммериец. Еще пара таких пируэтов, и он останется безоружным! Северянин не стал медлить, и две порции воды выплеснулись на спину огненного пса, который тут же заверещал, широко разевая пасть. Пар окутал его густыми клубами, а когда рассеялся, то Конан увидел, что задняя часть тела пса исчезла.

И тут, наконец, внес свою лепту в общее дело и Бергон. Он подбежал и с проклятиями вылил воду, остававшуюся в последнем сапоге, прямо в разверстую пасть. Из нее повалили клубы густого белого пара, и визг тотчас смолк. Теперь и головы у твари не было, остались только непрерывно дергавшиеся передние лапы.

— Пойду, наберу еще воды,— недовольно проворчал киммериец, правда, уже не таким мрачным тоном,— пора кончать с этим безобразием. — Конан направился к каменному колодцу, но в дверях обернулся:— Приглядывай за дверью, да за останками.

Он поставил сапоги поближе к стене, под набегавшие струи, а когда вернулся, то увидел, что Бергон сидит на полу и старательно плюет на огненные лапы.

— Если уж тебе так неймется, помочись на него,— посоветовал киммериец, усмехаясь,— смотри, только не ошпарься.

Замориец хмыкнул, однако следовать совету не стал, а уступил место Конану, который быстро залил шевелившиеся лапы.

— Нергал бы побрал этого пса и его хозяина,— ворчал Конан,

натягивая на ноги мокрые сапоги.— Теперь мозоли натру.— Покончив с этим делом, он поднялся.— Пойдем-ка поищем собачника. Я считаю, что теперь уже он нам кое-что должен.

— А если он…— начал, было, Бергон, тоже обуваясь.

— Если он не согласится раскошелиться,— угрожающе прогудел Конан,— я сковырну ему голову с плеч!

— Не забывай, что он колдун,— предостерег заморiец, следуя за своим товарищем.

— Тем более!— яростно огрызнулся киммериец.— Терпеть колдунов не могу! Но скажи-ка лучше, нет ли у него еще парочки таких же уродцев?

— Не думаю,— помотал головой парень.— Жрец, что направил меня сюда, упоминал только об одном звере.

— Тем лучше,— кивнул Конан.

Они пошли по коридору, миновали дверь, ведущую в комнату со шторами, и свернули за угол. Веревка все так же болталась в окне, приглашая воспользоваться ею, но Конан лишь пренебрежительно хмыкнул и отправился дальше. Подойдя к очередной двери, он замедлил шаги и прислушался. Изнутри доносилось глухое невнятное бормотание, которое очень уж походило на отвратительные заклинания, и киммериец понял, что время работает уже не на них. Он двинул по двери ногой так, что она с треском распахнулась, едва не сорвавшись с петель, и увидел черного колдуна и его слугу.

Судя по всему, они опоздали. Колдун поднял руку, показывая на Конана, и глухо произнес:

— Убей его.

Успел он свершить свое колдовство или нет, времени рассуждать уже не оставалось. Коротко рыкнув, Конан выхватил меч и пошел вперед — много вас было таких, падких на поспешные решения! Он шагнул в комнату, а следом за ним Бергон, когда колдун повернулся к ним спиной и направился к другой двери, словно исход боя был ему ясен еще до начала и происходящее не интересовало его более. Слуга колдуна тоже достал меч и замер в ожидании. Конан, не оборачиваясь, произнес:

— Я разделаюсь с ним, а ты попытайся задержать колдуна…

Договорить, однако, он не успел, потому что в это время облаченный в легкие доспехи воин атаковал мощно и стремительно. Он яростно кинулся на врага и сделал выпад, парировав который Конан и ушел вправо, давая Бергону возможность проскочить следом за колдуном. Однако тот рванулся слишком поздно. Колдун уже стоял в проеме двери, и заморийцу ничего не оставалось, как метнуть ему вдогонку свой стилет. Бергон сделал это

совершенно не думая и сам ужаснулся содеянному. Ему показалось, что должно произойти нечто ужасное. Либо клинок сейчас вспыхнет и испарится без следа, либо отскочит от спины мага и поразит его самого насмерть. Но ничего подобного не случилось.

Как и следовало ожидать, клинок вонзился в укрытую плащом спину. Колдун медленно и беззвучно повалился вперед, упал в темноту дверного проема, и дверь сама собой закрылась за ним. Бергон бросился, было, следом, но боевой пыл его уже иссяк, побежденный вернувшимся страхом, и он не рискнул разлучиться с киммерийцем, рядом с которым чувствовал себя не в пример увереннее. Он решил подождать, пока спутник его разделается со слугой, и тогда вместе они смогут посмотреть, каких бед натворил его стилет.

Бергон обернулся и замер, пораженный. Такой схватки ему видеть еще не приходилось. Киммериец сражался как лев. Его защита была безупречна, а атаки продуманны, быстры и точны. Однако он не мог добиться преимущества. Его противник сражался с таким неистовством, словно в него вселился сам Мардук! Он успевал отражать выпады киммерийца, наносить жалящие и рубящие удары, которые тот каким-то чудом умудрялся парировать, без конца менял позицию, словом, действовал так, будто сил у него достанет на сутки подобного боя. Бергон не знал, на что способен его новый друг, а потому решил, что с этим пора кончать. Он сам не мог бы объяснить, почему не воспользовался оружием (проще простого было срубить парню голову, подкравшись сзади), а сдернул со стены полотнище гобелена и набросил его на противника Конана. Киммериец, который до того времени внимания не обращал на своего нового друга, словно ждал именно этого. Он врезал слуге колдуна кулаком в висок, и тот рухнул на пол как подкошенный.

— Ты всегда так долго раздумываешь, прежде чем прийти на помощь другу?— с иронией спросил Конан. Замориец не знал, что и ответить. Он готов был сквозь землю провалиться от стыда.— Этот парень скакал, точно взбесившийся верблюд!— продолжал тем временем киммериец.— В жизни такого не видел!— Понемногу он приходил в себя.— Кстати, что с нашим другом? Надеюсь, ты не упустил его?

— Я метнул в него стилет,— оправдываясь, выдавил из себя Бергон,— но не убил его. Колдун скрылся за дверью, и я не знаю, что с ним!

— Вот!— Конан назидательно поднял вверх указательный палец.— Учись, парень! Вот настоящий вор! Даже умирая, он унес кинжал и не упустил своей выгоды! — Конан сделал паузу, чтобы замориец по достоинству оценил его мрачную шутку.— Но все-таки пойдем посмотрим,

куда он девался.

Вместе они подошли к двери, Бергон легко отворил ее и попытался просунуть голову в образовавшийся проем, но не успел — Конан распахнул дверь настежь.

— Никогда не суй голову в щель, если не хочешь, чтобы тебе ее отрезали,— назидательно изрек киммериец.

Как и следовало ожидать, колдун не валялся под дверью, пронзенный стилетом. Он стоял на коленяхперед камином и что-то быстро бормотал. В комнате было полно стульев, и Конан успел заметить две двери, прежде чем вокруг зловещей фигуры в черном плаще стало появляться странное свечение. Все помещение казалось наполненным недобрым дыханием смерти, а фигура колдуна излучала чистое Зло. И все-таки Конан сделал было движение, намереваясь направиться вперед, но Бергон остановил его, схватив за руку:

— Стой, нельзя.

— Опять предчувствие?— недовольно проворчал киммериец, но все-таки остановился: он и сам чувствовал, что лучше не трогать колдуна.

— Да,— коротко ответил замориец, довольный тем, что и он может сделать что-то полезное.

Они остановились на пороге и, словно зачарованные, смотрели на происходящее, хотя самым разумным сейчас было бы сматываться, и как можно быстрее. Огонь в камине все разгорался, и жар постепенно стал невыносимым. Заклинания зазвучали громче; но слов по-прежнему было не разобрать. Теперь колдун распевал их в странном ритме, сопровождая мелодию неестественным для человека подвыванием. Голубое свечение вокруг черной фигуры насыщалось, делалось интенсивнее и вдруг поменяло цвет на индиго.

Конан глухо рыкнул, и Бергон отпрянул, с удивлением посмотрев на него. Киммериец весь ощетинился, шаг за шагом отступая от двери.

— Ты чего?— в ужасе прошептал замориец, на которого ужасный вид напарника подействовал, пожалуй, больше неопределенной угрозы, исходившей от колдуна.

— Он пытается оживить своего огненного приятеля,— прохрипел огромный варвар,— нельзя позволить ему сделать это.

Не раздумывая, он перехватил меч за середину клинка и метнул его в колдуна. Словно чудовищный арбалетный болт, остро отточенный клинок рассек разделявшее их пространство и коснулся сияния, окружавшего зловещую черную фигуру. На лету раскалившись докрасна, сталь прорвалась сквозь колдовскую завесу и коснулась спины колдуна.

Чудовищной силы удар швырнул его в разверстую пасть камина. Оболочка цвета индиго лопнула и расползлась по телу, собираясь рваными клочьями на голове и груди, бурля и закипая. Колдун дико заорал.

— Мы не должны оставаться здесь!— крикнул Бергон и потянул Конана за руку.

Они бросились вон, на ходу захлопывая за собой двери, выбежали в коридор, стремительно пронеслись из одного его конца в другой и свернули за угол. В тот же миг их настиг грохот. Пол под ногами заходил ходуном. Бергон не удержался и упал, а Конан остановился и тяжело привалился к стене. Бежать в таких условиях было трудно и небезопасно, да и непонятно, имело ли смысл. Грохот был столь сильным, что заморнец зажал уши ладонями и зажмурился. Ему казалось, что стены пошли трещинами, из которых начали вываливаться камни кладки, и он не хотел видеть этого кошмара. Вот вроде отчаянно и страшно закричал киммериец, провалившись в открывшийся в полу разлом, но почти тотчас умолк, погребенный под грудой обломков. Самого Бергона бросило на стену. Он больно ударился затылком и отключился.

Очнулся он, когда почувствовал, что кто-то настойчиво треплет его за плечо.

— Эй, парень, очнись,— недовольно ворчал Конан,— нашел время дрыхнуть.

Бергон открыл глаза и недоверчиво уставился на склонившегося над ним гиганта.

— Так ты жив!— восторженно прошептал он, радуясь тому, что весь этот кошмар ему лишь привиделся.

— А чего мне сделается-то?— фыркнул киммериец и пошел по коридору, бросив на ходу:— Не отставай!

Бергон даже не подумал о том, что, возможно, следует обидеться. Он жив, а это главное! Конан с ним, а значит, и в будущем им ничто не грозит! Он вскочил и побежал следом за удаляющимся киммерийцем. В комнате колдуна царил полнейший кавардак. Стулья были разбросаны. Камин почти полностью развалился. Дрова валялись на полу, и от них понемногу начинали загораться вещи, которые оказались поблизости.

— А колдун-то где?— спросил Бергон, настороженно озираясь. — Трупа нигде не видно.

— Лопнул, похоже, поганец,— ухмыльнулся Конан,— и камин разворотил. Доколдовался.

— Что будем делать?— спросил Бергон, тревожно косясь на занимавшийся пожар.

— Ну, не тушить же! Пусть выгорает этот гадюшник!— Тут Конан нахмурился.— Когда я залезал, стража крутилась где-то неподалеку и наверняка слышала грохот. Однако, где это случилось, они, думаю, разберутся не раньше, чем пламя охватит весь дом. Так что у нас есть еще немного времени, чтобы потрясти мошну погорельца.

Известив напарника о своем намерении, Конан направился к одной из дверей. Пожалуй, это была даже не дверь, а маленькая дверца. Распахнув ее, киммериец увидел множество полок, на которых были расставлены сосуды всевозможных форм и размеров. Бергон вошел следом, и глаза его при виде этого разнообразия восторженно заблестели.

— Ничего не трогай,— бросил на ходу Конан, но Бергон словно и не слышал его.

Он сразу вцепился в небольшую банку из густо-синего стекла и первым делом попытался рассмотреть, что находится внутри. Внутри виднелся темный сгусток, но что он собой представлял, было не понять. Широкое горлышко банки закрывала плотно подогнанная крышка, тщательно запечатанная красным воском, а снаружи сосуд покрывали пыль и паутина.

Наконец заморiец потерял всякое терпение и с досады швырнул банку в комнату с камином, но промазал и угодил в дверной косяк. Конан резко обернулся. От удара банка разбилась, и на пол вывалился черный жук величиной с кулак заморийца. У насекомого было гладкое, отливающее перламутром тело и маленькая головка с грозными челюстями, которыми он тут же попытался впиться в сапог своего освободителя. Бергон с криком отскочил и кончиком меча отбросил тварь в комнату. Жук ударился о стену, и его челюсти мгновенно вонзились в каменную кладку. Отвратительный скрежет возвестил о том, что гранит оказался ему не по вкусу. Однако жука эта неудача ничуть не огорчила. Он просто отполз, развернулся, наткнулся на кресло и с хрустом принялся жрать его деревянную ножку. Бергон же застыл, с восхищением глядя на бывшего узника.

— Сделай одолжение, сунь руки в карманы.— Конан смерил заморийца ироничным взглядом.— А вот обжору этого нужно было придавить,— добавил он, подумав.

Конан вышел в комнату. Пожар понемногу набирал силу, но медленно, словно неохотно. Значит, время у них в запасе еще было. Киммериец направился ко второй двери, за которой увидел длинный темный коридор, и, взяв со стола зажженную лампу, с опаской оглядываясь, пошел дальше. Отворив дверь, он изумленно присвистнул. В одном углу валялась огромная гора одежды всевозможных фасонов и размеров, на противоположной

стене была развешана коллекция оружия.

Это было как раз то, что нужно. Здесь он увидел секиры, мечи, кинжалы, луки, щиты, копья, дротики и пращи, не говоря уже о множестве предметов, о назначении которых Конан, несмотря на весь свой немалый воинский опыт, мог только догадываться. Первым делом он выбрал себе хороший меч взамен утерянного, отыскал прекрасную пару клинку Чей Чена, и, наконец, взгляд его остановился на кинжале, ножны которого были усыпаны прекрасными камнями. Конан бережно взял клинок и вынул из драгоценных ножен. Сталь оказалась не слишком хорошей. Тем лучше — не жаль будет расстаться. В бою такое оружие ничего не стоило, но зато на него можно купить целый табун лошадей.

Конан заткнул кинжал за пояс и совсем уже, было, собрался уходить, когда на глаза ему попалась странная трехконечная звезда, назначения которой он не знал, и киммериец не удержался от искушения прихватить и ее тоже. Она чем-то напоминала метательные звездочки кхитайцев, но была значительно больше и странно закручена в спираль.

Наконец Конан обернулся и, увидев Бергона, едва удержался, чтобы не расхохотаться. Тот, похоже, попытался надеть на себя все, что приглянулось ему в огромной куче одежды, валявшейся на полу. В результате заморiец стал раза в два толще себя прежнего и совершенно потерял способность двигаться. Он стоял и восторженно взирал на надетый поверх всего роскошный бархатный зингарский камзол с серебряными пуговицами.

— Очнись, пижон, нам еще искать выход из этой дыры!

Тот озирался, ворча:

— Золота не нашел, так хоть одежды наберу.

Впрочем, Конан тут же забыл о нем. В конце концов, как парень будет давать деру, если придется, — это его дело. Он осмотрелся. В комнате была еще одна дверь, пара окон да тяжелая штора в углу, на которую он сначала не обратил внимания.

— Если что, полезем через окна,— сказал Конан заморийцу, который с готовностью закивал (это было единственное движение, на которое он остался способен), и направился к шторе.

Отдернув ее, киммериец обнаружил настенную лестницу, ведущую наверх, а подняв голову и посветив фонарем, увидел стропила и балки над головой.

— Еще не все потеряно!

Он подмигнул Бергону и полез по скобам. Оказавшись на чердаке, северянин посветил себе лампой и почти сразу увидел пару сундуков. Вскрыв один из них, Конан обнаружил, что тот заполнен золотом только

наполовину, открыв же второй, увидел, что золота в нем — под крышку. Киммериец удивленно присвистнул, но мешкать не стал, а достал небольшой, но прочный кожаный мешок и быстро наполнил его, после чего набил до отказа и кошель.

Разобравшись с деньгами, он подошел к краю люка и заглянул вниз. Бергон все еще не оставлял попыток взобраться наверх, не снимая парадного облачения. К этому времени ему даже удалось преодолеть пару ступеней, правда, потеряв, при этом роскошные пуговицы с камзола.

— У тебя мешок есть?— спросил киммериец.— Или кошель?

Ерзанье внизу мгновенно прекратилось, и Бергон поднял голову.

— Конечно,— с готовностью кивнул он,— а что там?

— Золота невпроворот,— усмехнулся киммериец, наблюдая, как на глазах меняется лицо его молодого друга.— Раздеваться будешь?

Конана поразило до глубины души (а сделать это было совсем непросто) то, что едва он произнес слово «золото», как тут же к его ногам упал объемистый кожаный мешок. «Кром!»— выругался киммериец про себя, поднимая с пола внушительных размеров кошель, не уступавший по вместимости его собственному, уже наполненному. Если бы они с Бергоном вовремя вспомнили об этих емкостях, не пришлось бы теперь шляться по дому в чавкающих при каждом шаге сапогах. Он поднял кошель и направился к сундукам. Внизу за спиной что-то грузно упало на пол. Великолепный набор цветистых ругательств возвестил о том, что это был его молодой друг. Набивая золотом мешок заморийца, Конан не переставал сльппать странное пыхтение, сопровождаемое проклятьями. Наконец он затянул тесьму и, подняв сильно отяжелевший кошель, спустился вниз.

На полу валялась куча изодранного тряпья, поверх которого лежали куски некогда роскошного, а ныне растерзанного в клочья зингарского камзола. Замориец стоял в своем родном, насквозь промокшем от пота одеянии, и грудь его бурно вздымалась, словно он только что сдержал нападение не меньше десятка городских стражников. Мокрые волосы его были всклокочены, зато лицо сияло от счастья. Конан протянул Бергону его долю. Тот распустил тесьму, заглянул внутрь и восхищенно присвистнул.

— Ради этого стоило попотеть!— захлебываясь от восторга, возбужденно воскликнул он.— Как думаешь, Конан?!

Глаза его восторженно сверкнули в свете лампы. Киммериец не выдержал и расхохотался: парень действительно нравился ему, быть может, тем, что, будучи уже почти взрослым мужчиной, в душе продолжал оставаться ребенком.

— Я рад, что тебе надоело наряжаться,— сказал он, отсмеявшись,—

тем более, что сейчас настало время незаметно смываться.

— Надоело,— с готовностью кивнул Бергон,— а из этого барахла,— он с отвращением пнул ногой кучу тряпья, — я связал отличный канат, по которому мы спустимся.

— Какой ты у меня умный! — ухмыльнулся Конан.

Он осторожно открыл окно и, тихонько раздвинув ставни, выглянул наружу. Было темно, но он ясно слышал голоса, доносившиеся с другой стороны дома. Никого не увидев, киммериец столкнул вниз конец пестрого каната.

— Что-то у тебя длинновато получилось, — проворчал он, бросая второй конец заморийцу.— Привяжи-ка к лестнице.

Когда Бергон затянул прочный двойной узел и обернулся, Конана в комнате уже не было. Его бросили! Сердце парня бешено заколотилось. Он подбежал к окну и выглянул наружу. Киммериец стоял внизу, держа наготове меч и напряженно оглядываясь. Теперь заморiец и сам услышал, что со всех сторон доносятся голоса, хотя людей по-прежнему видно не было, и ему стало стыдно за свои позорные мысли о том, что киммериец бросил его и скрылся. Он быстро перегнулся через подоконник и через мгновение уже стоял рядом с гигантом-северянином.

Не замеченные никем, они бесшумно пересекли двор и быстро перелезли через забор, чтобы спустя пару мгновений затеряться в темноте узких улочек. Постепенно голоса стихли, оставшись далеко позади, и Конан остановился.

— Что теперь намереваешься делать?

Киммериец с интересом посмотрел на своего молодого приятеля. Все-таки деньги тот получил немалые. Появляется реальная возможность спокойно осесть где-нибудь, не ведая тревог и волнений. Не всякий способен отказаться от такого соблазна. Да и ради чего?

— Пойду к жрецу.— Парень пожал плечами, словно для него подобного вопроса не существовало.— А ты надолго задержишься в городе? — в свою очередь спросил он.

— Вряд ли,— не задумываясь, ответил киммериец.— Завтра куплю пару коней — и в путь.

— Жаль…— Лицо Бергона выражало искреннее огорчение.— Хотелось бы еще повидаться.

— А ты приходи с утра на рыночную площадь,— посоветовал Конан, — может, и свидимся.

Он увидел, как мгновенно просияло лицо парня.

Они улыбнулись друг другу и направились в разные стороны.

Когда Конан вернулся на постоялый двор, то обнаружил, что его новые знакомые не спят, а, поджидая его, коротают время за мирно текущей беседой. При виде вошедшего киммерийца прекрасное лицо Олвины расцвело улыбкой, и Конану показалось, что она едва удержалась от того, чтобы не броситься ему навстречу. Ее спутник вел себя сдержанней, но и в его черных глазах киммериец прочел явное облегчение. Конан подсел к ним и с удивлением обнаружил, что на столе помимо початой бутыли вина стоят три стакана.

— Мы поджидали тебя, повелитель,— полунасмешливо-полувосторженно объяснила Олвина, а Калим лишь улыбнулся уголками губ, невольно гадая о том, какой же оборот примут дальнейшие события.

— Не так громко, милая,— мимоходом заметил Конан, устало опустился в кресло и, плеснув в кружку вина, с наслаждением отхлебнул ароматной терпкой жидкости, чувствуя, как почти мгновенно блаженное тепло распространяется по телу.

— Слушаю и повинуюсь, мой король,— ответила она и, прежде чем Конан успел досадливо крякнуть, склонила голову в знак повиновения, а ее длинные золотые кудри закрыли лицо.

— Как твоя затея? — предпочел перевести разговор в иное русло Калим.

Не говоря ни слова, Конан достал из-за пояса драгоценный кинжал и положил его на стол. Глаза девушки округлились от изумления, а Калим лишь поднял брови. Олвина потянулась было к оружию, но Калим, опередив ее, тихонько коснулся кинжала кончиками пальцев.

— Можно?— Он вопросительно посмотрел на Конана, который в ответ недоуменно пожал плечами.

— Конечно.— Калим осторожно взял кинжал в руки, вынул клинок из ножен, повертел его, попробовал острие.— В деле он подведет,— с видом знатока заявил он,— сталь плохая.

— Зато камни хороши,— невозмутимо заметил киммериец.

— О, да,— согласился Калим и подвел итог:— Дорогая игрушка. Годится лишь на стену.

— Это ты верно заметил,— не стал спорить киммериец,— игрушка и, в самом деле, дорогая, потому и взял.

— И напрасно,— отхлебнув из кружки, сказал Калим,— городишко-то захолустный. Здесь твой ножик купить просто некому.

— Да, городок невелик, — опять не стал спорить Конан, упорно не замечая устремленных на него восхищенно-призывных взглядов Олвины,— но стоит он на тракте. Завтра же на базаре я сменяю его на пару лошадей.

— Он стоит гораздо дороже,— счел нужным напомнить Калим.

— Нам разве нужны деньги?— удивился Конан.— Нам ведь нужны лошади.

— И то верно.

Глава третья
КЛИНОК ТЬМЫ

Утро выдалось чудесное, хотя и прохладное, как и предвещала вечерняя заря. Конан со своими спутниками в прекрасном настроении направились на базар. Им нужно было продать кинжал и купить коней. Про деньги Конан пока умолчал. Золото, оно и есть золото, его всегда легко потратить, а вот таскать с собой дорогую безделицу, к тому же совершенно никчемную, он считал занятием бессмысленным. Калим был, как обычно, молчалив и сосредоточен, Олвина не сводила с киммерийца восхищенного взгляда.

Вокруг все только и говорили про ночной грохот и землетрясение, едва не разрушившее город, да про то, как стражники, перерыв все окрестные кварталы, так ничего подозрительного и не обнаружили. Вот разве что в дом проклятого чернокнижника они наведаться не осмелились, хотя все сходились во мнении, что это именно его рук дело и рано или поздно Митра непременно покарает колдуна. Самым странным среди всех этих разговоров было то, что Конан так ни слова и не услышал о пожаре. Видно, слуга вовремя очнулся и сумел потушить огонь.

Совершенно неожиданно какой-то нищий, довольно свирепого вида калека, принялся приставать к Конану и его спутникам, умоляя посмотреть, как много необычного он умеет делать. Конану вскоре надоело слушать его нытье, и он остановился: не портить же, в самом деле, такое прекрасное утро идиотской ссорой с убогим!

— Ну? Показывай свои таланты!

Тот не заставил просить себя дважды и тут же скроил такую гримасу, что даже привычный ко всему киммериец в первое мгновение опешил.

— Эй! Мужик!— изумленно воскликнул он.— Ты что это? Никак помирать собрался?

— Нет,— вдруг приняв прежний облик, ответил доходяга,— это меня Митра наградил таким даром!

— Что? Такой харей?— Конан был так удивлен, что даже не засмеялся.— Ничего не скажешь — хорош подарочек! Вот, небось, мамочка-то обрадовалась, когда обнаружился твой талант!— Киммериец покачал головой.— Ты бы спрятал ее, морду-то свою, подальше и никому не показывал!

— Я еще и не так могу!— обрадовался нищий, чувствуя, что если не напугать, то уж удивить ему своего зрителя удалось.

Воодушевленный успехом, он тут же сотворил со своим лицом нечто и вовсе невообразимое, а потом отвратительные личины начали сменять друг друга с бешеной скоростью. Иногда он даже умудрялся помогать себе руками, когда черты лица не желали принимать совсем уж неестественную форму. Прохожие с интересом заглядывались на него, но тут же испуганно шарахались в сторону. Под шумок и Олвина с Калимом покинули киммерийца, решив, что лучше потратить время на выбор коней, чем на созерцание гнусных рож. Нищий, наконец, закончил гримасничать. Похоже, галерея имевшихся у него в запасе образов, которая казалась неисчерпаемой, все же подошла к концу.

— Ну?!— гордо воскликнул он.— Разве мой талант не заслуживает серебряной монеты?

Киммериец выудил из кошеля увесистый кругляш.

— Пожалуй, твоей рожей можно напугать и Нергала.

Он бросил нищему монету и оглянулся, ища взглядом своих спутников, но тех давно и след простыл. Конан пожал плечами, поправил меч за спиной и пошел в сторону рынка, справедливо рассудив, что если где их и найдет, так только там.

— Стой, благодетель!— закричал нищий и, отчаянно хромая на обе ноги, поскакал следом за киммерийцем.— Я еще и не то умею!

— Отстань!— огрызнулся северянин.— Насмотрелся я уже на твою харю! Теперь целый день тошнить будет!

— Постой!— не унимался калека.— Ты еще не все видел!

Он остановился и, страшно оскалившись, выставил напоказ огромные желтые клыки. Конану, однако, это было уже неинтересно, и, пока бродяга скалился, он успел затеряться в толпе. Наконец, поскуливание затихло вдали, киммериец вздохнул с облегчением и пошел медленнее, надеясь повстречать в толпе Бергона.

— Глупо бежать от своего счастья,— услышал вдруг Конан возле самого уха скрипучий голос безумно надоевшего ему кривляки,— второго такого, как я, ты нигде не сыщешь!

Это был предел. Конан резко развернулся.

— Слушай, ты, человек с лицом запоносившего осла. Ты смертельно надоел мне за утро! Вот тебе вторая монета,— киммериец бросил серебряный кругляш, который попрошайка тут же поймал с ловкостью умелого фокусника,— но если ты еще хоть раз попадешься мне на глаза,— тут рука его опустилась на рукоять кинжала,— твой талант тебе больше не

понадобится. Ты меня понял?!

Перепуганный не на шутку бродяга лихорадочно закивал, давая понять, что согласен с каждым словом огромного северянина.

— А раз так, то почему я все еще вижу тебя?!— гаркнул киммериец.

— Ты чего это нищих пугаешь?— услышал Конан за спиной знакомый голос и, обернувшись, увидел Бергона, что его немало порадовало.

— Ну?— поинтересовался Конан, даже не здороваясь.— Что тебе сказал твой жрец?

— Все нормально.— Заморнец удовлетворенно улыбнулся.— Я подхожу для его дела, и мне разрешено взять с собой спутника. Любого, на мое усмотрение.— Он с надеждой посмотрел на киммерийца.— Я подумал, что, быть может, ты не откажешься от опасного, но прибыльного дельца?

— Ты сначала расскажи мне о нем,— усмехнулся северянин, уже чувствуя, чем ему предложат заняться.

— Ну,— помялся парень,— я и сам-то толком ничего не знаю. Знаю лишь, что дело опасное, но платят хорошо, а вот в чем оно заключается…— Он пожал плечами и одновременно развел руками.— Чтобы узнать это, я должен добраться до Кофа и разыскать там купца…

— …Велория,— закончил за него Конан.

— Ве-ерно,— удивленно протянул Бергон.— Так, значит, и ты направляешься туда же?— внезапно дошло до него.

— Да,— кивнул Конан,— но не один. Со мной еще двое.

— Ну и отлично,— обрадовался заморнец,— веселей в пути, надежней в деле! Кстати, я уже купил себе скакуна, причем великолепного! — с гордостью воскликнул он.

— А вот мне нужно купить еще двух,— сказал Конан, — так, что не будем терять времени.

Провинциальный базар оказался ярким, как наряд цыганки, и шумным, как джунгли в устье Зархебы. Был он на первый взгляд невелик, но Конан сразу понял: если здесь и нельзя купить все, что заблагорассудится, то уж продать-то можно что угодно.

Лениво оглядываясь, вновь прибывшие миновали ряды торговцев невольниками, где Конану настойчиво предлагали купить хотя бы одного, а лучше пару телохранителей-кушитов, славившихся свирепостью и неподкупностью, и уж, в крайнем случае, невольницу, которых здесь тоже было предостаточно, причем на любой вкус, начиная с белокожих, златокудрых уроженок севера и заканчивая зембабвийками, походившими на прекрасные статуи, выточенные из черного эбенового дерева, что

продавались неподалеку.

Однако Конан отмахнулся, и от него сразу отстали, поняв, что северянин явился сюда не за этим. Несостоявшиеся покупатели рабов равнодушно проследовали мимо лавок золотых дел мастеров, где можно было купить все, начиная от ажурной вендийской чеканки и заканчивая искусной зингарской резьбой по серебру. Здесь же чернокожие косторезы на глазах у изумленных покупателей изготавливали из слоновой кости статуи своих уродливых, как Дамбаллах, и прекрасных, как Небетет, богов.

Наконец добрались они и до торговцев оружием, где можно было приобрести решительно все, что могло понадобиться воину, начиная от боевого коня самых чистых кровей и заканчивая любым видом оружия любого качества, изготовленного в любой стране.

Тут-то киммериец и увидел своих пропавших товарищей. Калим стоял рядом с торговцем лошадьми и неторопливо рассуждал с ним о сравнительных достоинствах скакунов различных пород. Всем видом своим он показывал, что забрел сюда просто так, в надежде убить время, которого у него было предостаточно, и лишь случайно наткнулся на достойного собеседника, с которым может поговорить на равных. Однако Конан видел, как искоса он поглядывает на зингарского серого в яблоках скакуна.

Олвина стояла рядом с туранским вороным, и одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять: если кому-то взбредет в голову попытаться перекупить выбранную ею кобылу, то носить свою неразумную голову этому бедолаге придется недолго. Торговец стоял невдалеке и довольно потирал руки в предвкушении грядущего барыша. Он ведь прекрасно понимал, что выбравшая лошадь красотка дожидается способного оплатить покупку дружка, который вот-вот должен подойти. Чем дольше тянулось ожидание, тем сильнее становилось нетерпение красавицы и тем, значит, выше можно будет взвинтить цену на прекрасную лошадь.

Наконец в поле зрения Олвины появился Конан. Девушка вздохнула с облегчением и тут же растерялась, когда Бергон остановился, как вкопанный и, уставившись на нее, в восторге всплеснул руками.

— Пресветлый Митра,— восхищенно прошептал он,— какая красавица!

Олвина смущенно зарделась. Конечно, она знала, что красива, но не придавала этому слишком большого значения. До сих пор мужчины как-то не очень интересовали ее. Она даже успела привыкнуть к своей красоте, так что теперь почти не замечала ее, и только восторженные взгляды представителей сильного пола постоянно напоминали ей, как она хороша.

Однако никогда еще и никто не выказывал ей своего восхищения открыто, при всех. Конечно, она предпочла бы услышать эти слова от Конана, а не от этого незнакомого юноши, но, быть может, и хорошо, что все произошло на глазах киммерийца? Пусть видит, как другие оценивают ее красоту!

— Конан, посмотри, она само совершенство!

Глаза юноши выражали неподдельный восторг.

Олвина скромно потупилась, со стыдом чувствуя, как пылают ее щеки.

— Бабки слабоваты,— с видом знатока ответил киммериец.

Бабки? Какие еще бабки?! Девушка опешила и, не думая о том, что делает, погладила себя по округлым ягодицам.

— Зато какая грудь! — не унимался заморiец.

Грудь? Рука Олвины переместилась на действительно прекрасную грудь. И тут только до нее дошло: эти мерзавцы говорят вовсе не о ней, а о кобыле, которую она выбрала! Она исподтишка осмотрелась: не видел ли кто ее позора? Но остальные были заняты своими делами. Лишь Калим, который не упускал ничего из происходящего вокруг, позволил себе улыбнуться уголками губ, но согнал улыбку, прежде чем девушка взглянула на него. Она облегченно вздохнула и прыснула в кулак.

— Прошу прощения, почтенные!— посчитал необходимым вмешаться торговец.— Не о моем ли коне зашла у вас речь?

— О ком же еще?— удивился киммериец.— Не об этой же девушке, у которой, Митра свидетель, вообще нет недостатков?!

При этих словах Конана Олвина с новой силой залилась румянцем, и крылья мечты мгновенно перенесли ее в объятия короля, заставив позабыть о вороной лошадке с легковатыми бабками, которую она держала под уздцы, равно как и обо всем прочем.

— Твоя правда, господин.— Наметанным глазом торговец мгновенно определил, кому из двоих суждено стать его покупателем.— Но та особенность, которую ты совершенно справедливо изволил заметить, вовсе не недостаток животного, а всего лишь признак породы. Очень редкой, осмелюсь заметить, потому что выведена она специально для всадника-женщины, которая просто не может обладать лишним весом. Тебя ведь не смущает тонкая, изогнутая змеей шея, равно как и небольшая, но необыкновенно изящная голова?— Он всплеснул пухлыми ручками и выразительно поцокал языком.— Посмотри, как резко она отличается от, скажем, немедийского большеголова или гандерландского тяжеловоза. Да и представь, как выглядела бы эта красавица, будь у нее толстый, тяжелый зад!

В этом месте пламенной речи торговца Конан понял, что если

толстяка не остановить, то он способен говорить, хоть до вечера, приводя все новые достоинства вороной и без устали сравнивая свой товар в неизменно выигрышном свете с другими породами, явно уступающими обсуждаемой кобылке по всем статьям.

— Хорошо,— непререкаемым тоном остановил он поток красноречия торговца,— я уже понял, что ты прекрасно знаешь свое дело, а потому спрошу тебя сразу: сколько ты за нее хочешь?

Купец напустил на себя глубокую задумчивость, закатил глаза, словно ответ на этот нехитрый вопрос был начертан у него на затылке и он хотел заглянуть туда, и, с глубокомысленным видом шевеля толстыми губами, начал что-то усиленно вычислять.

— Ну-ну!— усмехнулся Конан и снисходительно похлопал торговца по плечу.— Не хочешь же ты, в самом деле, убедить меня, что не знаешь, сколько стоит твоя кобыла?

— В том-то и дело,— попытался сохранить достойный вид торговец, — что досталась она мне путем многоступенчатого обмена и обошлась, в конечном счете, недешево.

— Ну,— Конан равнодушно пожал плечами, не обращая ни малейшего внимания на вытянувшееся и мгновенно побледневшее лицо своей прекрасной спутницы,— если она дорога тебе как память о сложном торге, и ты намерен оставить ее при себе…

Киммериец развернулся, и, казалось, потеряв всякий интерес к разговору, пошел прочь.

— Постой, почтеннейший!— Смешно семеня, торговец заторопился ему вслед. Он был совсем не новичок в своем деле и прекрасно понимал, что происходит. Он ничуть не усомнился в намерении Конана приобрести его лошадку, но сейчас все-таки струхнул — не переиграл ли? Слишком уж надменно держался этот гигант, по лицу которого невозможно было что-либо прочитать. Кто их вообще поймет, этих северян? — «О, всемогущий Эрлик! Надоумь меня, как поступить!— мысленно взмолился толстяк.— Ты не так понял меня! — запричитал он, хватая киммерийца за рукав.

Конан нехотя остановился. Вокруг них уже начала собираться небольшая толпа, которая всегда образуется в том месте, где идет торг. Особенно если продается вещь дорогая.

— Конечно же, я знаю цену,— смущенно выпалил торговец.— Просто я думал о том, как бы сказать тебе о ней помягче, чтобы не оскорбить.

В толпе кто-то присвистнул, поняв, что торгаш явно намеревается раздеть своего покупателя.

— Оскорбить?— удивленно повторил Конан, который все прекрасно

понял, но предпочел прикинуться простаком.— А-а! Я, кажется, понял тебя! — Он изобразил восторг.— Ты хочешь, чтобы я принял лошадь от тебя в подарок, но, поскольку предназначается он моей женщине, ты опасаешься, что я восприму его как оскорбление!— Публика захохотала, видя, как мгновенно, переменившись в лице и потеряв дар речи, побледнел торговец, а Конан как ни в чем не бывало продолжил:— Право, ты напрасно опасался. Если подарок от чистого сердца, он никого не может унизить!— Киммериец усмехнулся.— Даже короля!

— Ты не совсем правильно понял меня, почтеннейший!— Торговец покраснел со стыда, чувствуя, в какое нелепое положение сам себя загнал. — К сожалению, я не слишком богат,— он помялся,— по крайней мере, не настолько, чтобы делать такие подарки.

— Что ж,— Конан хмыкнул, удовлетворенный тем, что удалось немного сбить спесь с нахального не в меру торгаша,— честность — лучшая политика, и если на этот раз я понял тебя правильно, то ты человек небогатый и удача не слишком часто улыбалась тебе в жизни.

— Увы, это так,— состроив скорбную физиономию, кивнул торговец.

— И теперь, когда судьба, наконец, обратила на тебя внимание, послав выгодный товар в виде этой прелестной кобылки…

— Да, да,— горестно закивал торговец,— впервые в жизни…

— …Ты опасаешься продешевить и оттого боишься назвать цену. Что ж,— Конан пожал плечами,— надеюсь, как человек умный, ты понимаешь, что во сколько бы тебе ни обошлась вороная, ее невозможно продать дороже, чем она стоит, даже если ты сам умудрился переплатить за нее вдвое. А цена ее,— Конан прищурился, мгновенно прикинув в уме реальную сумму,— примерно пятьдесят…

— Пятьдесят!— воскликнул торговец голосом, в котором смешались безмерная радость осознания необыкновенно выгодной сделки и смертельная тоска стоящего на грани разорения честного торговца, которого пытается ограбить наглый покупатель.

— Да,— кивнул Конан, после недолгого раздумья подтверждая сказанное,— я думаю, что полсотни туранских империалов — хорошая для нее цена, но…

— Да?— тут же навострил уши торговец.

— Ты можешь получить за нее значительно больше.

— Да, да,— с готовностью закивал торговец, — сотня империалов… Она…— Глаза его алчно сверкнули.

— Ты верно заметил, мой друг,— согласился Конан,— она ровно вдвое больше пятидесяти.

Под насмешливыми взглядами торгаш нервно облизнул толстые губы, но это не принесло желаемого облегчения: от волнения во рту у него пересохло.

— Так что нужно сделать, чтобы была сотня?

— Нужно согласиться не на продажу, а на обмен,— объяснил Конан, доставая из-за пояса усыпанный самоцветами кинжал, при виде которого глаза торговца, как ни старался он держать себя в руках, полезли на лоб от изумления.— Либо рукоять, либо ножны твои.

— Но почему же не весь?!— в отчаянии простонал торгаш.

— Потому что мне нужны два коня,— ответил Конан, и лицо торговца просияло от восторга.

— Бери любого!— воскликнул он.

— Вон того, серого в яблоках,— объявил Конан, обменявшись быстрыми взглядами в Калимом.

— Но он же не мой!

Сердце торговца, только что воспарившее от радости до небесных высот, бухнулось в грязь Серых Равнин.

— Тебе, кажется, приглянулся мой жеребец, господин? — протиснувшись сквозь толпу зевак, спросил высокий, худой зингарец, казавшийся прямой противоположностью маленького, толстого туранца.

— Если ты говоришь о сером в яблоках, то да,— согласился Конан.— Мне нужна эта пара — вороная и серый.

— У тебя хороший вкус, господин,— улыбнулся зингарец.— Эти двое стоят друг друга.

— Да,— кивнул киммериец,— а каждый из них в отдельности — полсотни. Но я предложил в уплату этот кинжал, и если вы оба согласны на такой обмен, то ваш барыш может оказаться значительно выше.

Оба торговца обменялись мгновенными взглядами, не ускользнувшими от Конана, которому показалось, что они не просто посмотрели друг на друга, но умудрились каким-то способом обсудить это дело и прийти к единой точке зрения.

Тощий зингарец вынул оружие из пухлых ладоней туранца и с видом знатока вытянул клинок их ножен.

— Сталь-то никудышняя,— мгновенно определил он, — только в зубах ковырять.

— Верно,— спокойно согласился киммериец,— на медведя с ним не пойдешь, но зато об него и не поранишься.

При этих словах толпа вокруг одобрительно загудела, по достоинству оценив ответ северянина. Тощий поспешил согласиться:

— Все верно, но, к сожалению, здесь эту вещь не купят, а наши пути с Зургабом расходятся. Если же разделить ножны с клинком, то цена каждой части резко упадет.

Это было уже грубо. Конан понял, что его пытаются попросту ограбить, ведь он прекрасно знал: одни только камни в любой из половинок стоят значительно дороже, чем оба коня. Ответить нужно было достойно и немедленно, но сделать этого киммериец не успел, потому что вперед вышел Калим.

— Как я понял, эта вещь продается?— лениво спросил он, и Конан утвердительно кивнул.— Я готов немедля отсыпать за нее три сотни.

Это был хороший ход, а главное — своевременный. Зингарец начал лихорадочно искать взглядом низкорослого туранца, но того как на грех оттеснили, и тут за спиной киммерийца послышался шум.

— Я беру эту вещь!

Толстенная, похожая на свиной окорок, лапища просунулась вперед, и унизанные перстнями пальцы выхватили из рук зингарца кинжал.

— Кто продавец?— прогудел низкий голос.

Конан обернулся. Перед ним стоял необъятных размеров шемит. За талию его не смог бы обхватить даже киммериец. Одет он был в синие шелковые шаровары, заправленные в невысокие коричневые сапоги, и белую кружевную рубаху. Из-за широкого матерчатого пояса он вытянул объемистый кожаный кошель.

— Пятьсот золотых! Идет?— Он вопросительно уставился на Конана и тут же перевел взгляд на Калима.

Тот с сожалением развел руками, показывая, что не в силах заплатить такую цену.

— Он твой,— кивнул киммериец, и мешок упал в его ладонь.

Человек-гора развернулся и двинулся прочь, но на полпути обернулся.

— Ты дурак, Зургаб! — спокойно сказал он, но этого ему, как видно, показалось мало.— Вы оба кретины,— добавил он, подумав.— Так и будете до смерти убирать дерьмо на конюшне, а за эту зубочистку я возьму в Зингаре вдвое!— Он окинул презрительным взглядом низкорослого туранца, который чувствовал себя весьма неуютно под насмешливыми взглядами разросшейся толпы.— Если все-таки надумаешь выбиваться в люди, запомни: можно быть жадным. Я сам жаден,— заметил он самодовольно,— но нельзя быть дураком!

* * *

— Ты сделал то, что я тебе велела?

Голос Черной Розы Сета звучал требовательно и высокомерно. С брезгливой усмешкой смотрела она на раболепно склонившегося перед ней мужчину, необъяснимо походившего на кучу засохшей грязи, которая приняла форму скорчившегося человека.

— Да, да, моя госпожа! Сделал, конечно, сделал! Разве мог бы я ослушаться тебя, прекрасная Рози?!

— Что? Рози?!— На мгновение в глазах ее мелькнул гнев, который тут же отразился испугом в мутных зрачках мужчины, ибо он знал, что повелительница его скора на расправу, но в следующий миг она рассмеялась, и скорчившееся у ее ног существо хрипло закашлялось, вторя ей.— Да ты, похоже, и впрямь считаешь себя человеком, грязь? — отсмеявшись, спросила красавица, и урод, наделенный талантом корчить рожи, с готовностью закивал.

— А как же иначе?— самодовольно ответил он.— Скажу тебе больше: покрутившись среди состоящих из мяса, я понял, что лучше многих из них!

— Даже так?— против воли заинтересовалась Рози.

— Конечно!— обрадовался он.— Моя радость непосредственней!..

Он расхохотался. Глаза его при этом от восторга вылезли из орбит, а рот раскрылся неестественно широко, обнажив щербатые зубы и заняв едва ли не половину лица. Губы стали похожи на два исполинских лепестка, а подобный пестику язык восторженно затрепетал в необъятной глотке. Рози, как назвал ее мастер гримас, не выдержав, рассмеялась.

— Мое горе правдоподобней…— продолжал кривляка.

Он хлопнул себя по лицу похожей на лопату ладонью, расплющив улыбку и радостный взгляд, и тут же захныкал, как обиженный ребенок. Рот его скривился в обиженной гримасе, одновременно верхняя часть головы словно усохла, зато нижняя половина лица неимоверно увеличилась в объеме. Губы поползли вниз, свесившись едва ли не ниже подбородка.

Он стал уморительно похож на воображаемую помесь обезьяны и смертельно обиженного осла. Глаза урода заморгали, умоляюще глядя на повелительницу, словно не понимая, что ее так развеселило.

Наконец Рози отсмеялась.

— Признаюсь,— молвила она,— ты повеселил меня, Харлем.— Она

впервые назвала существо по имени.— Но не надейся, что это спасет тебя, если ты не исполнил моего приказа. Из грязи я тебя создала и в грязь верну!

При этих словах скорбная физиономия урода вновь стала забавной, и он обиженно захлопал глазами, снова заставив колдунью рассмеяться.

— Что ж,— улыбнулась она,— возможно, позже я и приближу тебя. Если, конечно, останешься жив,— подумав, добавила Черная Роза.— Признаюсь, ты умеешь рассеивать тоску, но теперь приступай к делу. Ты виделся с Харубом?

— Нет, госпожа,— быстро ответил кривляка, мгновенно напустив на себя серьезный вид.— Он умер. Зато я виделся с Конаном.

— Ты посмел попасться ему на глаза?!— вскричала она.

— А что мне оставалось делать?

Он смешно развел руками, которые стали вдруг невообразимо корявыми, похожими на древесные сучья.

— Прекрати!— крикнула она, и руки тотчас вернулись в нормальное состояние.— Зачем ты полез к киммерийцу?

— Я увидел у него одну вещицу, и мне нужно было поближе рассмотреть ее, чтобы убедиться, что ошибки нет.

— Ну, хорошо,— смягчилась повелительница,— он хоть не понял, кто ты?

— Конечно, нет!— обрадовался Харлем.— Я развлекал его, строя невинные рожи, пока ему не надоело, но он ни о чем не догадался, клянусь Сетом!— вскричал он, видя, что Роза начинает гневаться.— Он даже дал мне две монеты! Одну в награду за мой талант!

— Талант!— ухмыльнулась она.

— Да, да!— воодушевленно вскричал грязевой голем.— Я сказал ему, что это Митра столь щедро одарил меня при рождении! Вторую же монетку он мне дал, чтобы я скрылся с глаз его. Похоже, все-таки я ему не слишком понравился,— обиженно закончил Харлем.

— Хорошо!— жестом остановила его излияния Роза, которая уже начала терять терпение.— Что это была за вещь?

— Клинок Тьмы,— промямлил кривляка,— за которым ты послала меня к Харубу.

— Так Клинок Тьмы у варвара!— вскричала пораженная этим известием колдунья.— Но как он попал к нему?

— Я ведь сказал тебе, что Харуб мертв. Думаю, киммериец убил колдуна, к которому ты меня послала,— все так же спокойно ответил Харлем.

— Убил…— недоверчиво повторила она.— Но это невозможно!

— Когда я был всего лишь кучей жирной грязи и меня месили сапожищами те, кто сделан из мяса, разве мог я предположить, что со временем стану совершенней, чем они?

— Философ!— фыркнула Роза и тут же вновь повторила:— Так, значит, Клинок Тьмы теперь у варвара…

— Вовсе нет,— пожал плечами Харлем.— Конан сменял его на базаре на пару коней.

— Великий Сет!— простонала женщина в платье из змеиной кожи.— Что творится в мире?! Но ведь это еще хуже! Теперь кинжал не найти!

— Вовсе нет,— вновь хмыкнуло существо из грязи, и лицо его расплылось в умышленно преувеличенной счастливой улыбке,— вот он!

Рука Харлема погрузилась в тело, выудила тряпичный сверток, и через несколько мгновений усыпанные камнями ножны уже лежали на его ладони.

— Как… Как ты его достал?— Еще не веря своим глазам, Роза Сета схватила ритуальный клинок.— Да, несомненно, это он — воскликнула колдунья, вынимая клинок из ножен.— Так как ты его достал?— повторила она свой вопрос.

— Ну…— Харлем придал лицу выражение невинного младенца, только что отнятого от материнской груди.— Пришлось проявить смекалку и пожертвовать собственным телом!

— То есть?

— Слишком много грязи ушло на то, чтобы забить жирную глотку его нового владельца,— сокрушенно вздохнул «младенец».

— Так ты сумел убить человека?— изумленно спросила Роза.

— А!— скромно отмахнулся Харлем.— Их там еще много осталось!

* * *

В таверне постоялого двора было тепло и тихо. Конан и его спутники расположились поближе к камину, от которого веяло теплом и уютом, и заказали хороший ужин на четверых, благо в деньгах недостатка не было, остаток дня, решив посвятить отдыху. Все-таки путь от Шандара до Хоршемиша предстоял неблизкий. Конан познакомил своих спутников друг с другом: как-никак теперь им предстояло делить и радости, и

неприятности, и никто из четверых понятия не имел, сколько это продлится.

Каждый понемногу рассказал о себе, и Конан узнал, что Бергон — сирота из маленькой деревушки, которая затерялась на самом севере Заморы, в глухой долине, образованной отрогами Кезанкийских и Карпашских гор. Родителей он не помнил и всю свою полуголодную жизнь батрачил за жидкую похлебку, пока не подрос и не решил, что с него довольно.

Киммерийцу стало известно, что Олвина попала в рабство, когда ей не было еще и пяти, и жизнь ее поначалу мало чем отличалась от жизни заморийца. Шли годы, девочка подрастала. Наконец ей минуло пятнадцать. Едва из симпатичной девчушки она превратилась в красивую девушку, ее хозяин решил, что она вполне подходит для сераля и где-нибудь в Туране за нее вполне можно выручить хорошие деньги. Олвина не стала дожидаться этого радостного события и бежала. Конечно же, была погоня, но поймать беглянку не смогли. Так она стала свободной, правда, радость ее длилась недолго. Когда первое опьянение волей прошло, она поняла, что рассчитывать отныне может лишь на себя. По счастью, при ней оказался прихваченный у хозяина меч, который сильно помог ей на первых порах, пока она не научилась обходиться и без него. Со временем ей открылась и другая печальная истина: она так и осталась в неволе. Просто клетка ее стала больше…

Калим оказался вендийцем, но, как и ожидал Конан, с сильной примесью зингарской крови. Из-за этого его не признали своим в Вендии, где он лишился состояния, как только отошел на Серые Равнины его отец. Тогда вдвоем с матерью они перебрались в Зингару, и путешествие это больше походило на бегство, которое окончательно подточило здоровье уже немолодой женщины. На второй родине хоть и обошлись с ними несколько мягче (небольшой родовой замок у отрогов Рабирийских гор никого не прельстил), но после смерти герцогини ее осиротевшему отпрыску ясно дали понять, что, появляясь при дворе, новоявленный герцог будет лишь зря терять время.

Вообще-то это были нормальные истории не избалованных жизнью людей, которые сами вершили свои судьбы. Собственно, таким же был и сам Конан. Одним словом, вечер не пропал даром. Благодаря проведенному вместе времени они почувствовали себя одной командой, пусть и временной, но семьей.

Когда подошло время ложиться спать, и Конан отправился наверх, остальные еще задержались ненадолго: слишком уж не хотелось им

расходиться после столь хорошо проведенного вместе вечера. На втором этаже им отвели две двухместные комнаты, и Конан ушел в свою. Сон, однако, не шел, что случалось с киммерийцем совсем нечасто. Пытаясь понять причину, он прислушался к ощущениям, но не обнаружил и тени тревоги. Скорее уж бессонницу породило навеянное воспоминаниями странное состояние души, которое приходит нечасто, да и длится недолго.

Он понял, что услышанное вызвало непривычные мысли о странных превратностях судьбы, которая, следуя какой-то необъяснимой логике, делает родных людей чужими, кровными врагами всего-то из-за лишнего куска при дележе наследства… Куска, который на поверку зачастую яйца выеденного не стоит, а руку помощи порой протягивает какой-нибудь незнакомец, которому, казалось бы, и дела-то до тебя нет! Вот и сейчас четыре совершенно чужих человека вдруг почувствовали себя родными друг другу, едва ли не самыми близкими на свете людьми…

Ощущение это было необычным и вместе с тем необыкновенно приятным, ласкающим душу. Убаюканый им, Конан незаметно начал засыпать и уже сквозь дремоту услышал, как открылась дверь в комнату. «Наконец-то гуляки угомонились»,— подумал он.

— Это я, мой король!— услышал киммериец возбужденный шепот Олвины. — Пришла поблагодарить тебя за подарок!

Киммериец с трудом разлепил слипающиеся глаза.

— Да за что же, детка?

Он никак не мог сообразить, что за спешка не позволяет ей потерпеть до утра.

— За коня, мой король! За коня!— возбужденно шептала она, странно возясь посреди комнаты и смешно размахивая руками.— Я всегда мечтала о таком!— зачем-то сообщила она.

Конан уже почти уснул и теперь спросонья удивленно наблюдал, как в ночной полутьме к нему приближается девичья фигурка, постоянно меняющая очертания. Каким образом она собирается благодарить его, он понял, лишь, когда обнаженная женщина скользнула к нему под одеяло.

— Да ты что, милая? — только и смог сказать он.— Сейчас Бергон заявится.

— Не заявится,— ответила она, закрывая его рот поцелуем.

* * *

Конан парил в облаках, но сразу узнал Священную Рощу, что сокровенным заповедником чистоты и силы раскинулась там, внизу, посреди бесплодной пустыни, и насторожился, сам не зная почему. Впрочем… Он почувствовал исходившую оттуда неизъяснимую тревогу, так непохожую на привычное состояние умиротворенности, которая царила в обители Учителя, когда он сам бывал там. Внезапно крылья, что несли его сквозь облака, словно надломились, и киммериец камнем рухнул вниз, но не разбился, а как-то сразу увидел мир другими глазами, словно давно уже наблюдал за происходящим из этого места.

Прямо перед собой он увидел двоих…

Чей Чен испытывал истинное наслаждение от боя. Никогда еще ему не попадался столь искушенный во всех тонкостях владения мечом противник. Поначалу он работал лишь одним клинком, но древний полубог, которого Могильщики Митры звали Учителем, оправдывал свое высокое звание, ни в чем, не уступая ему, победителю Игрищ Сета среди мужчин. По крайней мере, так думал Чей Чен в начале схватки, прежде чем ему впервые пришла в голову мысль, что на самом деле старик, пусть даже и ненамного, превосходит его в мастерстве.

Учитель действительно был стар, как окружавшие их скалы, как исполинские деревья, взметнувшие свои кроны на немыслимую высоту, жадно протянув пальцы-листья к воздушным потокам, несущим драгоценную влагу, но, несмотря на прожитые годы, движения его были отточены и выверены с невероятной точностью. Старый мастер предугадывал каждый удар Чей Чена еще до того, как тот его наносил, и Безымянный понял, что это будет нелегкий поединок. Он выхватил второй меч: в таком бою не следует пренебрегать ничем, если, конечно, сам не желаешь расстаться с жизнью.

Непонятно откуда у старика в руках также оказался второй клинок, и оба бойца начали замысловатый танец, целью которого было выяснить стиль и любимые приемы каждого из них, выявить сильные и слабые стороны обоих, и это священнодействие грозило затянуться надолго.

Конан услышал смех и невольно посмотрел вправо.

Прекрасная амазонка развлекалась с совсем молоденьким мальчишкой. Своим хлыстом она владела не менее виртуозно, чем Безымянный мечами, и всякий раз, когда парень пытался поднять валявшееся в паре шагов от него оружие, гибкий хлыст змеиным жалом бросался вперед, на доли мгновения опережая его рывок. Раздавался щелчок, и меч оказывался в другом месте. После этого следовало

наказание за неповоротливость, и кровавый рубец появлялся на нежной юношеской коже. Тело парня уже несло на себе отпечатки пары десятков «укусов», глаза его горели ненавистью, унизительные слезы бессильной ярости текли по щекам — он ничего не мог сделать.

Амазонка смеялась, от души потешаясь над неумелым мальчишкой. Как ему хотелось убить ее, чтобы прийти на помощь своим друзьям, и какую муку причиняло сознание, что он не может сделать это! Она вспомнила, как долго их четверка готовилась к визиту в Священную Рощу, к встрече с Учителем и его учениками, настраивая себя на серьезную битву, показалось, что все так просто, так весело! И она смеялась. Она тоже получала удовольствие, ведь вовсе не так приятна смерть врага, гораздо сладостнее предвкушение ее!

Слева от киммерийца что-то захрустело, как снег под ногами ясным морозным утром, но Конан сразу понял, что это натягивается тетива, изгибая дугу исполинского лука. Конан хотел повернуть голову, но не смог этого сделать, лишь боковым зрением увидел, как…

Горбун натянул свой лук и тщательно прицелился. Он стоял в стороне и не спешил, потому что не привык понапрасну расходовать стрелы. Конан не знал, в кого тот целится, но сердце его болезненно сжалось. Стиснув зубы, он бросился вперед, но его обдало жаром, словно пламя кузнечного горна вырвалось наружу, намереваясь спалить дотла, а с места он не сдвинулся ни на ноготь. Это было ужасно, но в то мгновение Конан даже не задумался, почему так произошло: смертельно ли он ранен или просто связан по рукам и ногам и дожидается своего часа.

Родгаг — откуда-то он знал имя лучника — отпустил тетиву, и черное древко с красным оперением со скоростью молнии унеслось вперед, неся страдания и смерть. Мгновение спустя киммериец услышал девичий крик, показавшийся ему мучительно знакомым, и чужая боль горячей волной прокатилась по его телу.

Конан невольно прикрыл веки, стараясь побороть в себе бессильную ярость, а когда открыл глаза, то увидел, что амазонка оставила мальчишку в покое и направилась к Чей Чену, явно намереваясь помочь ему, но Безымянный лишь покачал головой, давая понять, что справится и сам. Белокурая красавица пожала плечами и вернулась к своей жертве. Ее рука взметнулась в ударе, но кого ужалил хлыст, Конан так и не увидел.

Отвратительный хруст раздался совсем рядом, но где Конан не разглядел. Родгаг второй раз спустил тетиву, и стрела понеслась к Учителю. Лучник довольно ухмыльнулся, но в следующее мгновение его словно вырубленное топором из дерева лицо вытянулось от удивления:

стрела пронзила пустое пространство, кованый наконечник выбил сноп искр из стоявшего позади валуна, и черное древко, переломившись пополам, упало на землю.

«Учитель!»— закричал киммериец, но с губ его не сорвалось ни звука…

— …Нет!— вскрикнул Конан и сел на постели.

Могучая грудь его тяжело вздымалась, тело блестело от пота, взгляд лихорадочно метался по комнате. Олвина сидела рядом на постели и тревожно всматривалась в его лицо — в глазах девушки светились испуг и растерянность. Лишь когда она поняла, что Конан видит ее и понимает, кто перед ним, она решилась взять его за руку.

— Что с тобой, милый?

Она по-прежнему с тревогой следила за лицом Конана, пытаясь понять, что происходит.

— Сон!— выпалил северянин.— Мне снилось…— Взгляд его понемногу прояснился, а дыхание успокоилось.— Но почему ты не спишь?

— Я уже давно проснулась,— ответила она.— Ты так беспокоился, метался во сне, все время порывался что-то сказать, но никак не мог.

— Так это был сон…— выдохнул киммериец, окончательно успокаиваясь.

— Сон?!— встревожилась она.— Разве бывают такие сны?! Ты готов был убить сам или умереть!

— Бывают, милая, бывают.— Конан погладил золотые волосы девушки.

— Но что же это было, Конан?— спросила она, всматриваясь в его лицо.

— Кто-то,— нахмурился он,— любезно показал мне, как умирали мои друзья.

* * *

В путь отправились ранним утром. Торговый тракт, по которому мягкой рысью несли их кони, пролегал вдоль склонов скалистых гор, обветренных и мрачных, но не лишенных своей особой суровой прелести. Правда, не каждый был способен оценить ее. Человеку, привыкшему к равнинным лесам с их мягкой прохладой и тихими, поросшими

кувшинками озерами, эта мертвая красота камня неизбежно должна была показаться чужой. Он чувствовал бы себя здесь неуютно: скудная степь да низкорослые кривые деревца, цепкими корнями впившиеся в несокрушимую плоть горы и медленно, но верно крошившие ее, доказывая, что жизнь, какой бы хрупкой она ни казалась, все-таки сильнее мертвого камня.

Жилые дома попадались нечасто. Иногда, правда, виднелись вдалеке пасущиеся табуны, а значит, можно было предположить, что где-то рядом расположились и те, кому они принадлежат, но когда наставало время обеда или пора было задуматься о ночлеге, словно ниоткуда, иногда выплывая из-за поворота, а иногда выныривая из-за некрутого перевала, неизменно появлялась деревенька. Часто в ней было всего два-три дома, но таверна сыскивалась обязательно, а на ее верхнем этаже всегда находилось несколько свободных комнат. Это было как раз то, что нужно: Олвина оказалась на редкость неутомимой девушкой, и выражать благодарность за свою вороную кобылку она, похоже, могла сутками напролет.

На каждой остановке Конан подробно расспрашивал хозяина, выясняя, не проживает ли рядом одинокий купец, но поиски пока не приносили успеха. Впрочем, учитывая размеры деревушек, это было и неудивительно. Одним словом, день шел за днем, путники ехали вперед, а не то что Велория, но и вообще ни одного купца им навстречу так и не попалось. Все ближе подбирались они к Хоршемишу и, наконец, в полудне пути от города остановились на последний ночлег.

До столицы было рукой подать, и потому, видимо, постоялый двор оказался значительно больше и богаче предыдущих. Хозяином его был одноногий толстяк с деревяшкой вместо второй ноги, привязанной к бедру хитро переплетенной системой ремней. По его вечно улыбающейся роже Конан безошибочно определил, что прошлое его было бурным и полным опасностей и, если бы не потеря ноги (Митра свидетель, просто удивительно, что обошелся он столь малыми потерями!), вряд ли он вел бы сейчас такую спокойную и размеренную жизнь. Однако что-то подсказывало Конану, что и теперь одноногий не так прост и наверняка знает многое из того, что не следовало знать окружающим, и уж точно занимается делами, прознай о которых, путники останавливались бы в его заведении, лишь чтобы выпить стакан вина, да и то предварительно проверив его на самом хозяине!

Одним словом, рожа у владельца таверны была бандитская, и если сам он давно уже никого не резал, то лишь потому, что теперь это делали за него другие. Такой человек просто не мог не знать обо всем, что

происходило вокруг. Опыт подсказывал Конану, что в каждом бойком месте непременно находится человек, к которому стекаются все новости и сплетни, и он бережно хранит их, получая за это деньги или имея иную выгоду, а то и пользуясь ими лично.

Именно таким человеком был хозяин, и именно к нему направился Конан со своим вопросом сразу же, как только увидел плутовскую рожу в углу зала. Тот ничего не ответил, а лишь хитро прищурился, и Конан положил на засаленную столешницу серебряную монету.

— Ни за что не поверю, что заодно с ногой ты лишился и языка, так что давай говори.

— Отчего же не поговорить, коли спрашивает человек хороший, а главное, не жадный! — Хозяин таверны поставил кружку на стол и в упор посмотрел на киммерийца, но тот спокойно выдержал его холодный, оценивающий взгляд.— Купцов здесь довольно много, но не думаю, что кто-то из них может заинтересовать тебя,— голь перекатная, только что кличут себя купцами.

— Того, кто мне нужен, зовут Велорий,— попытался помочь ему киммериец.

— Что ж, есть здесь и такой,— сразу откликнулся почтенный хозяин. — Как раз этот далеко не беден, правда, не думаю я, чтобы он был купцом.

Решив, что на полученную монету он уже наговорил достаточно, одноногий плут красноречиво посмотрел на серебряный кругляш, сделал паузу, отхлебнул вина, и Конан молча положил вторую монету рядом с первой.

— Впрочем, может, я и ошибаюсь,— благодушно согласился одноногий.— Живет он здесь уже довольно давно, и поначалу люди ломали головы, отчего он не переберется в Хоршемиш. Но, видно, у него есть какая-то своя цель.

— Что за цель?— спросил Конан, кладя следующую монету на стол.

— Да кто ж его знает?— Пробуя монету на зуб, хозяин пожал плечами, а затем удовлетворенно кивнул: монета была настоящая.— Вот лет эдак шесть назад, если память мне не изменяет, увел он с собой человек десять, и ни один из них так и не вернулся…

— Н-ну…— протянул киммериец,— может, просто разошлись!

— Уж это точно!— ухмыльнулся тавернщик и вопросительно посмотрел на огромного киммерийца: продолжать или как?

— И с тех пор ты его не видел?

Еще один кругляш лег на столешницу, и его одноногий решил уже не проверять — сколько можно ломать себе зубы?

— Отчего же не видел? Он-то как раз жив остался,— пожал плечами одноногий.— Даже сюда заходит, нечасто, правда. Придет, посмотрит на пьяную драку, выпьет стаканчик винца, что получше, да и отправляется восвояси. Прибыли мне от этого чуть, правда, и вреда никакого,— резонно заключил он.

— Так где, говоришь, он живет?— спросил Конан, давая понять: все, что ему было нужно, кроме одного, он уже выяснил.

— Если начну объяснять,— ухмыльнулся одноногий пройдоха,— наверняка не найдешь, но я мог бы послать с тобой мальчишку, если, конечно, отыщу сопляка.

— Я думаю, мальчик найдется.

На кучку серебра лег золотой кругляш.

— Точно.— Толстяк с готовностью кивнул, соглашаясь.— Теперь припоминаю, что он совсем недавно крутился под ногами. Пойду поищу.

Тавернщик тяжело поднялся со своего места и с неожиданной ловкостью скрылся за неприметной дверью в углу. Конан вернулся к своим спутникам, но не успел как следует промочить горло, как появился одноногий хозяин, но не один, а с шустрым пацаненком, глаза которого так и бегали по сторонам,

Вскоре четверо всадников, сопровождаемых босоногим мальчишкой, уже ехали по заброшенной дороге. Становилось все темнее, и Конану прогулка начала казаться подозрительной, но именно в этот миг впереди замаячили неясные очертания какого-то строения, стоявшего особняком. Светилось всего одно окошко, но разглядеть что-либо внутри оказалось совершенно невозможным.

— Этот?— Конан кивнул на дом.

— Он самый,— быстро закивал мальчуган,— а что тебе в нем?

— Дальше можешь не провожать.

Конан вложил в детскую ладошку два серебряных кругляша, от души надеясь, что хотя бы один тот сумеет сохранить для себя.

— Ух, ты-ы!— восхищенно протянул мальчишка.— Если тебе еще чего понадобится, к хромому не ходи! Спроси Зарху!— Он гордо стукнул себя в грудь маленьким кулачком.

— Договорились,— улыбнулся киммериец и направился к дому.

Конан остановился у двери и прислушался. В совершенной тишине был слышен тихий говор, доносившийся изнутри, хотя слов киммериец и не разбирал. Из-под двери пробивалась тонкая полоска света, подтверждая, что, несмотря на столь поздний час, не все спят в этом доме. Киммериец тихонько постучал. Разговор тотчас оборвался, из-за двери послышались

шаркающие старческие шаги, дверь распахнулась, и яркий поток света, вырвавшийся наружу, на время ослепил четверых пришельцев. На фоне светового прямоугольника появилась согбенная фигура старика.

Черт его лица видно не было, но чутье подсказало Конану, что старик улыбается поздним гостям. В следующее мгновение хозяин сделал приглашающий жест, и неразлучная четверка вошла внутрь. Теперь гости смогли как следует рассмотреть старика. У него оказалось умное и доброе лицо, совершенно седые волосы, а одет он был в простой пестрый халат светлых тонов. Старик вновь улыбнулся.

— Воистину пресветлый Митра не поскупился сегодня на гостей!

— Так мы не первые?— проворчал Конан, недовольный тем, что, как мальчишка, позволил ослепить себя.

В другое время такая ошибка могла стоить жизни!

— Скорее уж после вас вряд ли кто явится,— снова приветливо улыбнувшись, заметил хозяин.

— И то верно,— с усмешкой ответил Конан, чувствуя, как против воли уходит раздражение.

В комнату вошел еще один старец, почти точная копия первого, разве что спина его не так сгибалась под тяжестью лет.

— Рассаживайтесь, друзья.— Радушным жестом он пригласил всех к столу.— Меня зовут Велорий, а его,— хозяин уважительно указал на своего более раннего гостя,— Вербар.

Конан назвал себя и представил по очереди своих спутников. Пока он говорил, в комнату один за другим начали входить темнокожие невольники, неся подносы со снедью и вином, хотя киммериец готов был поклясться, что никто их не звал.

— Прошу отведать, друзья, моего угощения.— Велорий снова приветливо улыбнулся.— Все вы наверняка устали с дороги.

Гости не заставили себя долго упрашивать, отдав должное и вину, и мясу, и только когда закончили есть, хозяин дома позволил себе обратиться к ним с вопросом.

— Ну что ж, теперь вы сыты и хотя бы немного отдохнули,— начал он.— Не расскажете ли старику, каким ветром занесло вас ко мне посреди ночи?

— Как?— удивленно хмыкнул Конан.— Я-то думал, все будет наоборот, и ты объяснишь, зачем мы понадобились тебе!

— Так, значит, вас всех послали ко мне жрецы!

Не переставая жевать, спутники Конана дружно закивали. Старик явно обрадовался и обменялся довольными взглядами с Вербаром.

— Надеюсь, жрецы честно рассказали вам при встрече, что затея эта не просто опасна, но опасна смертельно.— При словах этих улыбка покинула его лицо, уступив место печали.— Всю жизнь собираю я умелых воинов, и немало их уже отправилось на поиски, но никто из них так и не вернулся.

Старик обвел внимательным взглядом сидящую за столом четверку, но ни один мускул не дрогнул даже на прекрасном лице молодой девушки, которой здесь явно было не место. Сколько таких молодых и полных сил отправил он за свою долгую жизнь на верную смерть? Не этот ли груз давил на его плечи, беспощадно пригибая к земле? Велорий тяжело вздохнул, отгоняя невеселые воспоминания.

— Итак, никто из вас по-прежнему не передумал?— спросил он, и ни один из четверых не проронил ни слова.— Хорошо,— с удовлетворением кивнул старик.— Тогда я перехожу к сути дела. Времена, когда началась вся эта история, отделены от дней наших неисчислимой бездной лет.— Он наморщил лоб, словно сам был свидетелем тех далеких событий и теперь лишь припоминает их.— Могущественный Ахерон пришел в упадок, и, как это всегда бывает, ослабевшего льва начали драть шакалы, хотя в данном случае жалеть, в общем-то, не о чем. Беда заключалась в другом: лев был еще далеко не при смерти. И все-таки атланты брали верх. Их было много, сильная кровь бурлила в жилах и гнала на поиски новых земель и завоеваний! Неудержимая армия могучих воинов преследовала потрепанные в боях войска ахеронцев, и только здесь, на границе Кофа, где Карпашские горы естественными бастионами встали на их пути, варваров удалось остановить.

Для нашей семьи не могло случиться беды худшей, чем эта. Мы всегда находились в опале и жили в провинции, которая в то время из-за превратностей войны оказалась бурлящим водоворотом! Дело усугублялось тем, что предки мои были очень богаты, а денег для ведения войны всегда не хватает! Одним словом, почуяв, чем обернется дело, они не стали дожидаться, пока состояние отнимут у них вместе с жизнями. Кстати, вам наверняка известно, что Ахерон был империей колдунов. Их было не один и не два и в нашей семье, и за бесчисленные века немало накопилось магических предметов, которыми не прочь были завладеть те, кто к тому времени не бросил, как члены моей семьи, занятий магией. Одним словом, моим предкам пришлось покинуть Коф, причем весьма поспешно.

Потом была долгая и изнурительная погоня. Иногда удавалось оторваться на время, иногда преследователи почти настигали беглецов, которых сковывали сундуки с добром. И тогда они решили спрятать

богатства, чтобы налегке уйти от погони. Место нашли очень укромное, составили карту на куске нефрита, который затем разрезали на полтора десятка частей, так что никто при всем желании не смог бы по одному куску даже догадаться, что перед ним часть чего-то большего. Просто пятнадцать нефритовых амулетов причудливой формы. Погоня к этому времени почти настигла их, и тогда они разделили между собой амулеты и ушли каждый своим путем, договорившись позднее встретиться в условленном месте.

— До которого добрались далеко не все,— заметил Конан.

— Верно,— согласился Велорий.— На одних напали бандиты, которых в годы войны всегда становится больше. Других все-таки настигли преследователи, кто-то сгинул в горах… Не стану перечислять все, что мне удалось узнать,— это длинная и печальная повесть, но у вещей магических есть одна замечательная особенность — никогда не пропадать окончательно. Даже если кажется, что вещь утеряна безвозвратно, она непременно всплывет рано или поздно в самом неожиданном месте, но появление ее наверняка окажется необычайно своевременным.

Конан кивнул, соглашаясь, но почему-то на лице его не было радости, хотя он и подумал, что старик прав и вещь, за которой пришел он, ждет в тайнике бессчетную бездну веков, быть может, именно его прихода.

— Как бы там ни было,— продолжал тем временем Велорий,— но время шло, и амулеты приходили нам в руки один за другим, пока у моего прадеда их не оказалось четырнадцать.

— Четырнадцать!— воскликнул, не сдержавшись, Бергон.

— Да,— кивнул старец,— не хватает лишь одного. Казалось бы, мелочь, но этот последний — самый главный.

С этими словами старик встал, покрехтывая, и вышел, но через мгновение вернулся. Теперь в руках он держал небольшой кожаный мешочек.

— Смотрите,— сказал он и высыпал на стол несколько кусков нефрита.

Все они оказались разной формы, тщательно отполированы, и на каждом имелся незамысловатый рисунок, догадаться о назначении которого было и впрямь трудно. Руки старца быстро заходили, передвигая пластины, безошибочно находя для каждой свое место. Постепенно на ковре образовалась фигура, похожая на обрывок карты, из самой середины которой была выдрана часть. Велорий разогнулся.

— Не хватает главного куска, на котором указано местоположение клада,— сказал он.— Возможно, там же отыщется и название местности,

где он сокрыт. Пока же я думаю, что, скорее всего, это в горах. По-видимому, где-то в Бритунии.

Конан взглянул на карту. На ней и в самом деле были изображены горы и степи. Возможно, место это действительно находилось в Бритунии, но совсем необязательно. С равным успехом можно было говорить о Немедии, Коринфии, Заморе, северном Туране… Впрочем, не имело смысла спорить об этом сейчас.

— Насколько я понимаю, ты хочешь, чтобы мы занялись поисками последнего амулета?— спросил Конан и посмотрел на старика, который утвердительно кивнул.— По-моему, настало самое подходящее время для того, чтобы рассказать нам все, что известно, и об обещанных тобой опасностях.

— Дело в том,— начал Велорий,— что я знаю, где находится это место, а в случае удачи хочу просить вас, чтобы вы помогли отыскать мне и сам клад. Не стану обещать каких-то конкретных сумм, но, поверьте на слово, никто не останется в обиде!

— Так тебе даже не известно, насколько велико твое наследство?! — изумленно воскликнул Бергон.— Может, они все растеряли в пути и там лежит какая-то мелочь? А может, твой клад вообще уже давно кто-то нашел?!

— Все может быть!— развел руками Велорий.— Ты видишь, я ничего не скрываю. Еще есть время передумать, и я возмещу расходы на твою поездку. Однако что гадать. Я никого не принуждаю, но, если вы согласитесь, скажу вам, где искать талисман… Правда, сам отправиться с вами не смогу — годы не те. Но помните, если вы отыщете амулет, мы вместе отправимся на поиски золота, и коли оно на месте, никому не придется сожалеть о потерянном времени!

— Хорошо.— Конан решительно поставил кубок на стол, как бы ставя точку в этом разговоре.— Я согласен. Кто со мной? — Он обвел своих попутчиков взглядом, и никто не отвел глаз.— Отлично, значит, не соскучимся. А теперь, старик, хватит темнить. Выкладывай, где амулет, да поподробнее!

— Итак,— начал Велорий,— я закончил на том, что прадед мой под конец жизни разузнал, где находится последний амулет. Оказалось, что место это в Кофе. Казалось бы, все просто, даже ехать никуда не надо, потому, что предки мои к этому времени давно вернулись на родину! Какой-то купец неведомыми путями завладел нужной вещью и без колебаний согласился продать ее, хотя и заломил немыслимую цену, почувствовав нешуточный интерес к невзрачной безделице. Мой предок

мгновенно согласился, потому что знал: стоимость клада тысячекратно покроет все издержки! Он уже праздновал победу, но оказалось, что рано радовался.

— Что?— поинтересовался Конан.— Купец заподозрил неладное и передумал?

— Вовсе нет,— простодушно ответил Велорий.— Просто ему нужно было отправиться за амулетом самому, а не доверять такое важное дело слуге! Не застав купца дома, зная, какую цену запросил он с хозяина, и, желая выслужиться, этот безмозглый поклонник Бела решил выкрасть нужную вещь. Он забрался в дом, без труда разыскал амулет, надел его на шею, но был схвачен стражниками гостившего у купца колдуна Тзота-Ланти! Да, да,— подтвердил Велорий, видя удивление, явно отразившееся на лице Конана.— Они оказались приятелями, проклятый колдун и скряга-купец! Проклятие на голову безмозглого ишака! Колдун ничего не сказал хозяину, посчитав пойманного обычным городским воришкой, и, закончив свои дела, забрал его в замок, где бросил в свое ужасное подземелье, из которого никто еще живым не выходил.

— Ну почему же,— спокойно возразил Конан,— я бывал там и, как видишь, до сих пор жив, хотя, правда, твоя — веселого там мало.

Конан коротко рассказал остальным о своем давнишнем приключении.

— Да, я знаю об этом,— кивнул Велорий,— ты больше других подготовлен к предстоящему. Что случилось со слугой,— продолжил он,— понятия не имею. Мне известно лишь, что, когда его бросили в подземелье, амулет был еще при нем. Один из стражников колдуна в изрядном подпитии рассказал о том моему предку.

— Боюсь я,— заметил Конан,— что если он попался на зуб одной из тварей, что там обитают, а иного выхода я просто не вижу, то вряд ли что-нибудь осталось от маленького кусочка нефрита, который болтался у него на шее. Кто там только не живет! — Конан мрачно покачал головой, ведь ему эта маленькая пластинка была нужна гораздо больше, чем всем прочим вместе взятым! — В любом случае, я знаю, чем ты заплатишь мне за эту прогулку — Шаром Всевидения.

Глава четвертая
ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Мрачная стена некогда грозной цитадели во многих местах обвалилась, и огромные гранитные блоки, вывороченные из ее тела, за пролетевшие века успели врасти в землю и покрыться густым, словно шерсть неведомого зверя, зеленым мхом. Собственно, это была не стена крепости, когда-то называвшейся Алой Цитаделью.

Это была низкая, вросшая в землю галерея, примерно в лиге от нее к западу. Для каких целей она служила? Этого Велорий не знал, и до последнего времени все, кто отправлялся на поиски амулета, спускались в подземелье по главной лестнице, которая считалась единственным входом. В уцелевшей части низкой стены виднелись арки, зарешеченные толстыми стальными прутьями, пролезть между которыми оказалось делом совершенно невозможным. Однако в одном месте камень кладки дал трещину, и совместными усилиями удалось расшатать осколок, а затем и выломать один из стержней.

Конан в последний раз окинул взглядом своих спутников: троих, с которыми пришел из Заморы в Коф, и старца Вербара, неожиданно вызвавшегося сопровождать их в этом опасном путешествии. Киммериец хотел было воспротивиться, но, посмотрев в его веселые, не по-старчески задорные глаза, передумал. Их неожиданный спутник вовсе не производил впечатления человека, нуждавшегося в опеке. Остальное же его дело — каждый волен закончить свой жизненный путь так, как ему заблагорассудится. Поэтому киммериец лишь пожал плечами, но спорить не стал.

Конан первым вошел в пролом и осмотрелся. Все здесь выглядело вполне мирно и не внушало ни малейших опасений. Шустрая ящерка в переливающейся в солнечных лучах шкурке взобралась на огромный валун, который валялся рядом с входом, и с любопытством уставилась на человека, словно не она, а он был явлением редким и экзотическим. Впрочем, быть может, именно так и было в этом месте, куда люди старались не заходить уже не одну сотню лет.

Конан посмотрел направо. Ряд зарешеченных арок уходил в темноту, которая словно приглашала в свои объятия, предлагая приятную прогулку. Правда, киммериец знал, насколько обманчиво это впечатление, потому

что видел, кто скрывается в мрачных недрах развалин, а потому не сомневался, что эта обманчивая умиротворенность — всего лишь начало пути. Дальше коридор будет изломан бесчисленными изгибами и спусками, в лабиринте которых так легко потеряться, и за каждым из поворотов, ждет смерть в непредсказуемом обличье! А это значит, что расслабляться нельзя.

— Заходите! — крикнул он и махнул рукой своим спутникам, которые только и ждали его приглашения.

Вербар, однако, с ними не пошел.

— Я не хочу подвести вас, друзья,— спокойно объяснил он свой отказ. — Все вы молоды и сильны. Мне будет трудно поспевать за вами. Кроме того, мое оружие — не сталь, и чтобы воспользоваться им в любое мгновение, нужно быть постоянно сосредоточенным, а если я пойду с вами, оставаться в этом состоянии будет непросто. 'Так что я отправлюсь чуть погодя.

Конан и теперь не стал спорить. Он достал трут и кресало, выбил искру, зажег от нее факел, и все четверо пошли вперед. Зарешеченные арки закончились гораздо быстрее, чем рассчитывала Олвина, и вскоре лишь свет, который они несли с собой, позволял им видеть мрачные замшелые стены и словно изъеденные оспинами плиты пола.

Каждый из четверых в одной руке держал меч, по настоянию Велория смазанный ядом, а в другой нес факел. К их удивлению, воздух в подземелье оказался сухим и прохладным. Ноги Конана осторожно ступали по плитам пола и выщербленным ступеням лестниц, в то время как глаза настороженно выискивали в притаившейся впереди тьме малейшие признаки опасности. Однако ничего живого на пути пока не попадалось.

Постепенно они проникали все глубже и глубже. Если вначале коридор имел вполне обжитой вид, по крайней мере, тут что-то росло — стены его были покрыты пушистым изумрудным мхом, то с каждым поворотом зелень на полу и стенах постепенно исчезала, пока остатки ее не приняли вид пожухлых истлевающих останков, с хрустом рассыпающихся под ногами. Картина становилась все безрадостнее.

С каждым спуском на более глубокий уровень странная жизнь этого мрачного мира все больше вступала в права, время от времени заявляя о своем присутствии приглушенными расстоянием вздохами и фырчанием, и Олвина старалась не думать о тех существах, что издавали их. На смену мху пришла белесая скользкая плесень, все чаще появлявшаяся на стенах и потолке. Воздух, однако, оставался сухим, но зато все чаще доносил до

путников совершенно незнакомые запахи, которые вряд ли можно было назвать приятными.

Хотя до сих пор им не встретилось не только ничего страшного, но даже просто ничего, девушка ощущала постоянно нарастающее чувство тревоги и испуганно озиралась по сторонам, пока взгляд ее не наткнулся на киммерийца, который хоть и осторожно, но спокойно шел вперед во главе их маленького отряда.

Она сразу успокоилась. Иногда он останавливался и обрызгивал стены жидкостью из флакона, который дал им Велорий. Она должна была оставлять на камнях ясно различимый в темноте след. Конан, правда, не очень-то верил, что им придется отступать по этим меткам, но все-таки ставил их, быть может, в большей степени для того, чтобы Вербар, который собирался последовать за ними, на развилках мог безошибочно определить, что они направились именно в эту, а не в какую-то иную сторону.

Наконец они достигли места, которое Конану не суждено было забыть никогда,— места, где он когда-то томился прикованным к стене.

— Я думаю, что в подземелье по-прежнему правит Сатха,— мрачно заявил он.

— Кто такая Сатха? — поинтересовался Бергон, хотя накануне Конан рассказывал им о своем давнишнем приключении в этом подземелье и имя Сатхи прозвучало в его рассказе.

— Змея, конечно, могла уже, и издохнуть,— добавил Конан, оставив вопрос заморийца без внимания,— никто ведь не знает, сколько ей лет, но тогда наверняка отыщется кто-то из ее сородичей.

— А если она жива? И именно она сожрала того вора-неудачника? — спросил Бергон.— Амулет наверняка окажется у нее в брюхе!

— Не думаю, чтобы он там надолго задержался,— усмехнулся Конан.

Олвина брезгливо сморщила хорошенький носик.

— Так, значит, нам не придется искать змею?— обрадовался Бергон.

— Да разве ж дело в этом? — Конан пожал плечами и, ничего не объясняя, начал осматриваться в небольшом зальчике, куда они только что вошли.

— Ты что, хочешь, чтобы тварь выследила нас и напала сзади? — сердито прошептала Олвина.— Знаешь, как охотятся водяные удавы на Зархебе?

Бергон отрицательно затряс головой.

— Дожидаясь удобного момента, он может весь день преследовать вереницу идущих по берегу людей. Потом хватает последнего и исчезает в

джунглях.

Девушка говорила, сопровождая слова выразительными жестами и не менее выразительной мимикой. Ее красивое лицо обрело суровые, даже трагические черты, в окружающей их полутьме, казавшиеся зловещими, и замориец почувствовал, как неприятный холодок пробежал по его коже. Он дослушал рассказ и торопливо вышел на середину зала. Конан, краем глаза следивший за ними и вполуха прислушивавшийся к их разговору, снисходительно хмыкнулкак дети! — и продолжил свое занятие.

Не слишком просторный зал имел форму вытянутого прямоугольника. В одном направлении его пронзал коридор, оказавшийся несколько уже, чем зал, зато по бокам от него образовывались удобные простенки, которые могли спасти от удара хвостом. В двух боковых стенах темнели правильной формы прорехи, когда-то бывшие дверными проемами, а теперь зиявшие пустотой, потому что дерево сгнило, одному Митре ведомо, в какие времена. Пол-зала, равно как и коридор, по которому они пришли сюда, усеивали выбеленные кости, среди которых было немало и человеческих.

Конан не поленился проверить все четыре камеры. Ему совсем не хотелось, чтобы в самый неподходящий момент на них набросилась со спины какая-нибудь тварь, притаившаяся в темноте, но опасения его оказались совершенно напрасными. Покончив с этим делом, киммериец посмотрел на друзей и удовлетворенно хмыкнул: похоже, монстры и в самом деле усиленно вымирали все последние годы.

— Здесь четыре убежища,— сказал, наконец, он,— по одному на каждого из нас, но не вздумайте там прятаться или позволить загнать себя в них, если кто-то окажется внутри одновременно с головой змеи, можно считать, что он покойник.

Наконец каждый выбрал себе место по вкусу. Конан, видя, что остальные приготовились, вошел под арку коридора и издал грозный боевой клич киммерийцев. Вызов и задор слышались в нем. Клич унесся вперед, многократно отражаясь от стен, прокатился по неведомым переходам и, чудовищно искаженным, вернулся назад. Теперь он был наполнен мрачными черными отголосками, в нем явственно проступали злость и угроза. Олвина зябко поежилась. Она вдруг ощутила затаенную злобу, исходившую от этих мрачных стен. Ей почудилось, что тварь уже здесь, рядом! Быстро оглянувшись, девушка увидела, что все остается по-прежнему спокойным. Она виновато посмотрела на Конана, словно извиняясь за невольную слабость. Тот кивнул, давая понять, что все нормально.

— Она уже рядом!— негромко воскликнул Бергон и нервно облизнул губы.— Я чувствую ее!

И опять долгое время ничего не происходило, но на этот раз тишина оказалась неверной и обманчивой. Она не успокаивала, а, наоборот, возбуждала, натягивая нить терпения до предела, и когда всем им, не исключая Конана и невозмутимого Калима, начало казаться, что долгое время подогревавшиеся чувства готовы вскипеть, выплеснуться через край, проявившись самыми непредсказуемыми поступками, где-то вдалеке послышалось едва слышное шуршание.

— Это она!— беззвучно, одними губами, прошептал Конан.

Кто-то полз, давя валявшиеся на полу кости. Звук приближался и нарастал, доносясь почему-то сразу с обеих сторон, так что невозможно было даже определить, откуда движется Сатха. Одно было ясно: она услышала зов и направляется именно сюда. Напряжение достигло предела, и Конан, посмотрев на Калима, увидел, как по виску всегда невозмутимого вендийца (или, быть может, скорее, зингарца) медленно сползает капелька пота, оставляя за собой влажную дорожку.

И все-таки Сатха застала людей врасплох. Они даже не сразу заметили, как над усыпанным белыми костями полом, почти сливаясь с ним, показалась ее огромная, способная заглотить лошадь, белая голова.

— Она уже здесь…— прошептала Олвина, ошалело глядя на гиганта, не в силах сдвинуться с места.

До сих пор она думала, что такое чудовище может существовать только в дурном сне, но оказалось, что нет. Вот оно ползет, прямо у ее ног, бесконечно длинное и огромное.

Конан услышал шепот девушки, но даже не шевельнулся, лишь взгляд его заскользил, разыскивая гостя. Впрочем, он сразу увидел змею. Ему даже показалось, что за истекшие десять с небольшим зим она еще подросла.

Растерявшимся охотникам повезло. Непривычно яркий свет на время почти ослепил Сатху. Только этим можно было объяснить то, что она, так и не заметив замерших у входа Бергона и Калима, выползла в центр зала. Вернее, голова ее очутилась в центре. Видно, человеческий запах оказался здесь настолько силен, что, даже не видя противника, Сатха поняла: она попала куда надо. Змея втянула из коридора остаток тела, и в зале сразу стало тесно.

Первым она увидела Конана, а увидев, открыла чудовищную пасть и грозно зашипела, обдав человека волной горячего зловонного воздуха. На огромных клыках повисли желтые капли яда. Олвина, стоявшая с другой

стороны прохода, словно окаменела, не в силах ни шевельнуться, ни отвести взгляда от чудовища, да и Бергон, как увидел змею, так и остался стоять с открытым от изумления ртом. Калим бросился к Конану на помощь, но киммериец не стал дожидаться, пока он пересечет зал, а швырнул факел в раскрытую пасть монстра.

Змея отпрянула и затрясла огромной головой, пытаясь избавиться от застрявшего в глотке факела, выжигающего ее нутро огнем. Она едва не раздавила Калима, который все-таки вывернулся и не растерялся, а, как заправский дуэлянт, ткнул факелом в огромный черный глаз твари, тут же нырнув в одну из боковых камер, спасаясь от ударов мощного хвоста. Сделал он это как раз вовремя, иначе змея непременно раздавила бы его о стену. Сатха страшно зашипела и, свернув гигантское тело в чудовищное кольцо, бросилась на киммерийца, словно тот был ее единственным и главным противником. Впрочем, быть может, выжженный правый глаз просто не позволил ей увидеть девушку, которая в ужасе прижалась к стене? Скорее всего, случилось именно так, и это спасло Олвину. Зато Конан едва успел увернуться и отпрыгнуть в коридор.

Змея бросилась следом. Для Конана это было худшим из возможных положений. Может быть, именно сознание нависшей над киммерийцем смертельной угрозы заставило Олвину очнуться, отчаянно завизжать (что было совершенно несвойственно для нее) и что есть силы рубануть мечом тело змеи. Конец хвоста отвалился от туловища, заставив Сатху отпрянуть, позабыв об убегающей жертве, чтобы броситься на оставшихся в зале врагов, которые словно теперь только вспомнили, что в руках у них не только факелы, но и оружие, способное поразить монстра насмерть.

Змея молниеносно развернулась и бросилась на Бергона, который каким-то чудом умудрился отпрыгнуть. Тварь воткнулась головой в стену, но тут же отпрянула, тряся огромной башкой, однако это было последним осознанным движением в ее жизни, потому что в тот же миг четыре меча, словно зубы смертельного врага, пробив жесткую шкуру, впились в ее тело.

Сатха начала бешено извиваться, круша изъеденный временем камень стен. Конан подхватил Олвину и бросился в одну из каморок, призывая милости богов на голову безымянного строителя, который решил расположить в этом зале тюремные камеры. Вся дрожа, девушка в ужасе прижалась к своему королю, не в силах отвести завороженного взгляда от издыхающего монстра.

Четыре рукояти торчали из тела Сатхи, и яд, нанесенный на их клинки, медленно, но верно делал свое дело. Змея даже не попыталась уползти. Постепенно движения ее становились все более вялыми, пока

лишь мелкая дрожь, время от времени еще пробегавшая по гигантскому туловищу, не осталась единственным напоминанием о том, что еще недавно грозная тварь была живой.

Когда последние конвульсии прекратились, люди осторожно вышли из своих укрытий, еще не веря до конца в то, что все уже кончилось. Змея лежала без движения, лишь рефлекторные судороги изредка пробегали по громадному телу, заставляя людей вздрагивать и нервно поеживаться. Вокруг валялись каменные блоки, выбитые из стен чудовищем. Конан подумал, что, не воткни они все четверо одновременно свои отравленные клинки в жесткую плоть, и эта тварь вполне могла бы погрести их под обломками заживо.

— Я почти уверен, что именно Сатха сожрала беднягу,— заметил киммериец, с усилием вытягивая свой меч из змеиного тела.— Она охраняла все центральные переходы, и в страхе перед ней остальные твари боялись даже показываться из своих темных нор и тупиков. Галерея, по которой мы прошли, и прежде казалась самым безопасным местом. Теперь же Сатха мертва, и нам придется искать ее логово.

Они разожгли новые факелы и направились в темноту подземелья. Воодушевленные своей победой, они шли, не таясь, шумно обсуждая перипетии развернувшегося сражения, которое теперь уже не казалось им столь драматичным, пока внезапно достигший ушей звук не заставил их вернуться к действительности.

— Кто это?— прошептала Олвина, к которой мгновенно вернулись все ее страхи.

— Не знаю,— Конан пожал плечами.— Прежде здесь, какой только дряни не водилось! Кстати, жило в этих подземельях нечто, умевшее подражать голосам разных животных и даже людей. Правда, не помню уже, как оно выглядело… Главное, что ничего хорошего от существа, завлекающего голосом, ожидать не приходится. К тому же мне кажется, что этот пересмешник разумен.— Ненадолго он задумался.— Будь моя воля, я бы тут все выжег,— вскоре заговорил он снова,— чтобы ни у кого уже не появилось соблазна бросать сюда пленников.

Постояв на развилке, они направились в один из боковых проходов, который сохранился лучше прочих, и долго брели, пока не добрались до овального зала в его конце. Зал оказался тупиком, но это был живой тупик.

Олвина радостно вскрикнула и, не обращая внимания на предостерегающий жест Бергона, бросилась вперед, когда увидела перед собой сочные зеленые заросли с маленькими листиками и восхитительными крошечными алыми цветками. Перед ними раскинулась

целая колония вьюнов. И растения, словно почувствовав ее порыв, потянулись навстречу. Конан едва успел подхватить девушку и швырнул в середину зарослей факел. Ледяная волна чудовищной злобы окатила четверку пришельцев, заставив их невольно попятиться. Сочная зелень, напитанная горючими маслами, вспыхнула, и в считанные мгновения заросли прогорели дотла.

— Зачем?— Словно обиженный ребенок, Олвина посмотрела на Конана.

— Потому что знаю, что это такое,— спокойно объяснил Конан.— Видел в прошлый раз. Они, как пиявки, присасываются к телу и, лишив человека воли, долгие годы питаются его силой.

— Хорошо, что мы запаслись факелами,— проворчал Бергон, зажигая следующий.

Олвина горестно покачала головой: ей все равно было жаль цветков. Из тьмы за спинами людей донеслись горестные протяжные вздохи, как будто девушка была не единственной, кто оплакивает кончину хозяев овального зала. Как по команде, все четверо обернулись, но никого не увидели. Стонавшее существо явно старалось не выходить из темноты, чтобы не попасть в световой круг. Неизвестный словно почувствовал, что на него обратили внимание: стоны сменились характерным натужным кряхтением со всеми сопутствующими звуками, заставившими Олвину покраснеть.

И вновь, будто таинственный незнакомец почувствовал ее смятение, кряхтение сменил идиотский, довольный смех.

— Я сейчас прибью эту тварь! — Сопровождаемая насмешливым взглядом Конана и сдержанной улыбкой Калима, девушка закусила губу и шагнула в темноту.— Кто там животом мается?!

Олвина медленно двигалась вперед, и ее факел выхватывал все новые участки коридора, отвоевывая его у темноты. Наконец она остановилась, растерянно озираясь.

— Конан! — позвала девушка.— Да ведь это та белесая плесень, что повсюду растет на стенах!

— Точно,— согласился остановившийся рядом киммериец,— только похожа она уже не на пленку, а на слоеный пирог.

— Хуже другое,— спокойно заметил Калим,— когда мы шли сюда, этой дряни на стене не было.

— И мне совсем не хочется идти мимо нее,— поддержал его Бергон.

Олвина подняла факел повыше и осторожно пошла вперед. Почти сразу верхний слой «пирога» сморщился, собравшись в странного вида

наросты, которые начали быстро вытягиваться, превращаясь в гибкие щупальца, а те потянулись к девушке, явно стремясь обнять ее. На плесени появились два огромных водянистых глаза, с интересом уставившихся на незнакомку.

— Похоже, ты пришлась ему по душе,— не к месту пошутил Конан.

Олвина испуганно отпрянула:

— Тьфу, дрянь!

Щупальца мгновенно втянулись обратно, «пирог» надулся, грозя в любой момент лопнуть, и издал неприличный звук.

— Ну-ка отойди,— сказал Конан, оттягивая девушку за руку.

— Ф-фу!— сморщилась Олвина.— Как от него дурно пахнет!

— Н-да, не розы,— согласился киммериец, стараясь пореже вдыхать. — Надо уходить отсюда.

— Я боюсь его!

— Ничего,— обнадежил девушку Конан,— зажжем побольше факелов. Не думаю, что он рискнет напасть.

Однако, словно, угадав их намерения, слизняк сполз на пол и перегородил собой весь проход. Бергон почесал в затылке:

— Что будем делать?

— Сперва прижмем вонючку к полу, чтоб не надувался больше,— проворчал Конан,— а потом выжжем.

Увесистый камень с чавканьем погрузился в желеобразную массу, заставив водянистые мутные глаза плотоядного слизня вылезти из орбит.

— Как тебе мой подарок?— поинтересовался Конан, выламывая из стены следующий блок, который через мгновение с таким же звуком погрузился в студенистое тело.

После второго неаппетитного куска тварь вдруг быстро надула непридавленный край. Олвина поторопилась зажать нос, но слизняк неожиданно принялся издавать похожие на рев трубные звуки.

— Не нравится мне это,— проворчал, пятясь, Бергон.

— Что? Опять предчувствие?— спросил Конан, хотя и сам почувствовал неладное.

— Ага,— подтвердил заморiец.

— Хоть бы когда-нибудь для разнообразия предсказал что-то хорошее, — укоризненно заметила Олвина.

— Когда случится, почувствую,— заверил девушку Бергон,— а сейчас мне кажется, что эта мерзость зовет кого-то.

— Не иначе как рассерженную мамочку,— проворчал Конан, отступая и увлекая за собой девушку.— Пойдем-ка назад. Там хотя бы просторнее —

есть где развернуться.

Не успел он сказать это, как из темноты коридора показалось нечто бесформенное, размером превосходящее крупного медведя.

— Быстро уходим! — взревел киммериец, и все четверо бросились назад, к овальному залу.

— Скорее разжигайте факелы! — крикнул Конан.— Похоже, выродок и, в самом деле, позвал мамашу или уж не знаю какого родственничка!

Тварь оказалась гораздо менее быстрой, чем люди, и к тому времени, когда ее туша появилась в проходе, Конан успел выломать из потрепанной временем кладки пару увесистых блоков. Едва он покончил с этим занятием, в зал вбежал запыхавшийся Бергон.

— Она наползла на своего отпрыска, постояла над ним и двинулась на меня, но на освобожденном месте уже ничего не было! Похоже, она поглотила своего сынка!

В руках друзей уже горело шесть факелов. Из коридора послышалось хлюпанье. Конан отдал свои факелы Бергону и взвалил на плечо огромный блок, который ему еле удалось поднять. Как только тварь вползла в зал, глаза ее словно затянулись туманной пеленой, защищавшей от излишнего света. Не дожидаясь, пока она приспособится к новому освещению, Конан бросил свой камень, и тот погрузился в желеобразное тело.

До сих пор безмолвствовавшее чудище дико заверещало, разинув огромную зубастую пасть, какой и в помине не было у сынка. Конан тотчас бросил второй камень, попав прямо в глотку. Челюсти твари с клацаньем сомкнулись, и послышался отвратительный звук, одновременно напоминающий и бульканье, и мычание.

Вооруженные мечами и факелами люди бросились вперед и принялись кромсать и прижигать студенистое тело, пользуясь тем, что придавленное камнями существо не могло передвигаться. Тем не менее, тварь уже выпустила щупальца и умудрилась сбить с ног Калима и Бергона, в то время как Конан вновь бросил в нее только что выдранный из кладки блок. Мечи обрубали щупальца, впивались в омерзительную плоть гигантского слизня, отхватывая от него куски.

Однако и для людей сражение проходило не без потерь. Как ни изворотливы и ловки они были, но одно из бесчисленных щупалец урода прихватило за ногу Олвину, и хотя мгновение спустя девушка отсекла его мечом, лодыжка мгновенно распухла, а в ноге запульсировала острая боль.

— Вон отсюда! — гаркнул Конан и резко оттолкнул девушку в сторону.

Студенистые отростки уже устилали весь пол вокруг придавленного камнями сухопутного спрута, но еще немало их оставалось у него в запасе.

При каждом удобном случае Конан продолжал кидать камни, когда заметил вдруг, что щупальца, извиваясь, ползут к студню, а сам он пытается обволочь сооруженную киммерийцем пирамиду и освободиться, как бы обползти, пропустив ее сквозь себя.

— Хватит!— крикнул северянин, отступая.— Похоже, здесь действуют только яд и огонь!

С помощью своих спутников он забросал придавленного монстра горящими факелами, наблюдая, как обугливается заваленный камнем студень. Тварь отчаянно пыталась издать знакомый уже трубный зов о помощи, но так и не смогла этого сделать. Как только Конан убедился, что с монстром покончено, он сразу потерял к нему интерес. Смотреть, как тварь подыхает в страшных мучениях, киммерийцу вовсе не хотелось.

Он подошел к Олвине и, не обращая внимания на протесты и заверения девушки, что с ней все в порядке, принялся внимательно осматривать ее ногу. Лодыжка распухла и покрылась волдырями. Это было очень плохо. Конан задумался. Он не знал, как долго будет действовать яд твари, но было ясно, что друзьям его, не только Олвине, хотя в особенности ей, нужен отдых. И не имело никакого значения то, что сам он привык выносить и не такое.

Конечно, овальный зал был не лучшим местом для привала: случись что, они окажутся загнанными в тупик. С другой стороны, прочие обитатели подземелий вряд ли скоро узнают, что вместо хищных лиан здесь расположились люди. Значит, какое-то время для отдыха у них есть, и этим нужно воспользоваться. Несмотря на непрекращавшиеся протесты девушки, Конан уложил ее на своем плаще. Сам он остался дежурить первым, за ним следовала очередь Калима, на которого он мог положиться. Третьим предстояло сторожить сон своих товарищей Бергону.

Позже, передав дежурство Калиму, Конан с наслаждением окунулся в нежные объятия сна…

…Туманная мгла, ласково обволакивавшая его тело, постепенно рассеивалась. Прохладный ветерок тронул разгоряченное лицо киммерийца, частично разогнав полупрозрачную муть, и он начал различать неясные тени, маячившие впереди. Что-то слева от него коротко свистнуло, издав очень знакомый звук, и где-то справа за туманной пеленой раздался исполненный боли девичий крик, заставивший сердце киммерийца забиться в бешеном ритме.

Внезапно память его словно пронзила молния, воскресив неясные образы пережитого когда-то. Он начал мучительно вспоминать, что нечто подобное видел совсем недавно, но что это было и когда — припомнить

никак не мог. Все казалось удивительно знакомым: и свист тетивы, и этот наполненный болью крик, но что они для него значили, оставалось за границами воспоминаний. И тут же, словно в насмешку над ним, неизвестно откуда пришла уверенность, что происходит нечто необыкновенно важное для него и в то же время трагическое, но что?

Ему бы одним глазом увидеть происходящее, и он непременно вспомнит!.. Но вместо людей — одни неясные тени, а из звуков — лишь свист тетивы, вытягивающий душу крик боли, полурык-полуплач, порожденный бессилием, от которого хочется локти кусать, отвратительный хруст, с которым лопается череп, разбрызгивая вокруг мозги, злой хохот, вновь свист тетивы и опять крик боли и отчаяния, а голос знаком, и не вспомнить его…

… Неясный шорох послышался за спиной, и изрядно поредевшая дымка перед глазами мгновенно сгустилась, поглотив туманные фигуры, обещавшие вот-вот превратиться в людей. Конан открыл глаза, сразу поняв, что это был сон, но тут же переключился на окружающую его явь. По давнишней привычке, не раз спасавшей ему жизнь, он даже не пошевелился, первым делом попытавшись разобраться в ощущениях. В тот же миг Калим тихонько потряс его за плечо.

— Тут кто-то бродит в темноте,— зашептал он,— и Бергона я не вижу.

Но киммериец уже открыл глаза, и его цепкий взгляд шарил по погрузившимся во тьму стенам зала. Приподнявшись на локте, Олвина тревожно озиралась. Единственный горевший факел растягивал последние мгновения жизни, нещадно чадя и плюясь красноватыми искрами, оставлявшими за собой длинные дымные следы.

— По-моему, шуршание доносилось из коридора,— прошептала девушка.

— Больше неоткуда,— согласился Конан.

Он быстро зажег новый факел и помчался в коридор. Рядом бежал Калим.

— Почему он не позвал?— на ходу спросил зингарец.

— Потому что не успел!— так же коротко ответил киммериец.

Они пробежали всего пару десятков шагов, когда впереди показалось темное пятно, и Конан перешел на быстрый шаг: ни к чему так вот безоглядно бросаться на неизвестного противника, который сумел совершенно бесшумно одолеть их товарища.

Дыхание его мгновенно успокоилось, словно и не было этого пусть и короткого, но стремительного броска. Шаг северянина остался таким же быстрым и бесшумным, каким был вначале. Тварь двигалась явно

медленнее преследователей, и очень скоро они поняли почему, правда, от зрелища этого волосы встали дыбом на голове зингарца, а киммериец невольно тряхнул головой, словно надеясь, что это всего лишь наваждение. Огромный, чуть ли не по пояс Конану, белый паук тащил за собой белоснежный кокон, с одной стороны которого торчала голова Бергона, а с другой — его ноги. Оказавшись на свету, паук мгновенно развернулся к своим новым противникам, явно не собираясь просто так расставаться с законной добычей, и уставился на них полудюжиной злобных красных глаз.

Движения его были невообразимо стремительны, но выставленный вперед меч Конана оказался для нападающего непреодолимым препятствием, один раз ткнувшись в которое, он уже не спешил повторить попытку. Пока паук соображал, как ему быть дальше, Калим осторожно обошел его, защищаясь мечом, и как только оказался сзади, паук лишился мохнатой лапы. Он в ярости заскрежетал черными жвалами, с которых капала ядовитая желтая слизь, и прыжком развернулся к обидчику, но Конан только этого и ждал. Он повторил удачный маневр зингарца, и тварь, лишившись уже двух лап и неловко закружившись на месте, вскоре оказалась обезноженной. Конан рассек ее поганое тело надвое, и они занялись Бергоном.

Распороть кокон оказалось делом нехитрым, но никакими стараниями им не удалось привести юношу в сознание. Левое бедро было прокушено клыками, впрыснутый яд лишил заморийца чувств, и сколько продлится такое состояние, можно было только гадать. Оставалось лишь надеяться, что действие яда гигантского паука не отличается от действия яда его меньших собратьев. Калим с Конаном оттащили парня в овальный зал, где их ждала встревоженная не на шутку девушка.

Было видно, что во время их отсутствия Олвина пыталась встать и пойти за ними, да не смогла. После кратковременного отдыха нога ее не только не пришла в норму, но распухла еще больше и болела теперь даже сильнее, чем прежде.

— Что с ним?— спросила она, увидев, как Конан с Калимом укладывают бесчувственное тело зингарца на его плащ, расстеленный у стены.

— То же, что и с тобой,— проворчал киммериец, усаживаясь рядом с девушкой.— Плохи наши дела,— подумав, добавил он.

Молчаливый Калим не произнес ни слова, лишь кивнул в знак согласия.

— Похоже, что здешние твари узнают обо всем случившемся гораздо быстрее, чем мы рассчитывали,— задумчиво произнес Конан, и Калим

вновь кивнул, соглашаясь.— Сатха издохла,— продолжал вслух размышлять киммериец,— все тут же узнали об этом и повылезали из нор. В результате у нас уже двое раненых, которые теперь нуждаются в защите, а ведь нас тоже осталось только двое. Хоть я и не обладаю даром Бергона, но могу предсказать, что в следующей драке мы наверняка кого-нибудь потеряем.

— Что же делать?

Олвина с надеждой посмотрела на Конана. Она прекрасно понимала, что он и не думает упрекать ее, просто трезво оценивает положение, в которое все они попали. Первая победа над самым, казалось бы, грозным противником окрылила их, но две следующие встречи с обитателями подземелий хоть и закончились смертью монстров, но и их победителям не принесли радости. Быть может, для Конана и Калима было бы лучше, если бы мы погибли!» — с тоской подумала она. Видно, мысль эта столь явственно отразилась на лице девушки, что киммериец обнял ее за плечи, прижал к себе, и юная амазонка благодарно прильнула к его груди.

— Ну, это ты брось!— Он усмехнулся.— Смерть вот, пожалуй, единственное, чего уже нельзя исправить! Все остальное проходит рано или поздно.

Как раз в этот миг Бергон очнулся и с глухим стоном, больше походившим на мычание, попытался сесть. Калим подхватил его за руку и помог опереться спиной о стену, после чего достал флягу и влил в рот заморийца порцию вина. Это подействовало, и юноша обвел присутствующих мутным взглядом.

— Ты помнишь что-нибудь? — поинтересовался Калим.

Бергон сделал второй глоток и неопределенно замотал головой.

— Помню, что почувствовал опасность и подошел к самому выходу из коридора,— заплетающимся языком принялся объяснять он,— мне послышалось там какое-то шевеление. Потом перед глазами мелькнуло что-то белое… И все.

— Ладно.— Конан поморщился. Все эти разговоры были бессмысленны: все, что заморiец мог запомнить, они знают и без него.— Сейчас-то как себя чувствуешь?

Тот вновь помотал головой.

— Как после крепкой пьянки… И нога побаливает,— пожаловался он.

— Идти сможешь?— спросил киммериец.

— Думаю, да,— ответил Бергон, но в голосе его не было привычной уверенности.

— Что ты задумал?— встревожилась Олвина.

— Что, что…— беззлобно проворчал Конан.— Уходить отсюда надо,

вот что!

— Так, значит, все пропало? — огорчился заморие́ц.

— Ну почему же пропало?— Северянин усмехнулся.— Вот отведем вас с Олвиной наверх, и можно будет вернуться обратно, чтобы довершить начатое.

— Но вас же останется только двое! — в отчаянии выкрикнула девушка.

По ее мнению, этот безумный план больше походил на самоубийство, чем на попытку отыскать талисман.

— Я вернусь сюда, даже если останусь один!— отрезал киммериец, и Олвина перестала спорить.

Обратно возвращались не торопясь, ориентируясь по расставленным северянином меткам, которые в свете факелов горели алыми огнями. Конан невесело усмехнулся: все-таки пригодились. Как они видны в темноте, он проверять не стал: было не до этого. Киммериец поддерживал девушку, которая поначалу упрямо пыталась ступать на больную ногу. Правда, она быстро поняла, что на двух у нее получается еще медленней и перестала сопротивляться. Бергон довольно сносно передвигался, опираясь о плечо Калима. Так они и шли потихоньку, и прошли уже достаточно приличное расстояние, когда из бокового прохода им навстречу выскочили три существа, на первый взгляд показавшиеся людьми.

Заблуждение это длилось всего мгновение, потому что в следующий миг путники увидели, что у пришельцев по три глаза, расположенных в одну линию на огромной башке, практически не имевшей шеи. Синюшная, бугристая, как у жабы, кожа покрывала тела, похожие на бочки. На руках и ногах красовались внушительных размеров когти, венчавшие пальцы.

Конан, не раздумывая, выхватил меч и, выставив его перед собой, замер в ожидании. Калим остановился в такой же позе шагах в десяти впереди. Поскольку Бергону идти было легче, они и двигались соответственно быстрее, так что теперь обе пары разделяло приличное расстояние.

Дальше события развивались стремительно и в то же время неправдоподобно глупо: если незнакомцы и обладали зачатками разума, то наверняка были совершенными дикарями. Видимо посчитав меч Конана простой палкой, трехглазый попытался размашистым быстрым ударом выбить его из рук киммерийца, но это привело лишь к тому, что ладонь его оказалась рассеченной надвое до самого запястья, и Конан понял, что теперь уже медлить не имеет смысла. Сделав резкий выпад, он снес трехглазую голову и, не дожидаясь, пока она упадет на землю, поддал по

ней ногой. Разбрызгивая по стенам кровь, башка, кувыркаясь, полетела вперед и со смачным шлепком ткнула в спину противника Калима, который от этого удара с размаху налетел грудью на меч зингарца. Похоже, оставшийся в живых дикарь оказался самым сообразительным из троих, потому что, видя, как оборачивается дело, развернулся и благоразумно дал деру.

— Здорово это у тебя получилось,— ухмыльнулся, обычно молчаливый Калим, вытягивая меч из груди трупа.

— Мало чести. Эти двое совсем не ценили себя,— отмахнулся киммериец.— Нам нужно двигаться быстрее. Не все здесь так охотно бросаются грудью на меч.

Он поднял Олвину на руки, и они пошли к выходу. Теперь Конан и Калим шли рядом, лишь иногда останавливаясь, чтобы осмотреться и прислушаться.

— Ты хотела хорошее предсказание? — спросил вдруг ковылявший рядом с Конаном заморiец, и Олвина с интересом посмотрела на него.— Скоро увидим солнце!

Глава пятая
В ШЕМ!

Вербар был доволен тем, что ему удалось найти достаточно благозвучный предлог и остаться в одиночестве наверху, а не идти вниз с остальными. Пожалуй, если бы потребовалось внятно объяснить истинную причину своего странного поступка на словах, он бы не смог этого сделать. Так… Что-то на уровне смутных, не передаваемых словами ощущений, которым он привык доверять, потому что никогда еще за его долгую жизнь они не подводили старого мага. Однако это были его собственные ощущения, а потому и убедительно они звучали лишь для него. Поняли бы его правильно остальные, он не знал и предпочел неправдоподобной правде вполне правдоподобно звучавшую ложь.

Размышляя о превратностях судьбы, которые заставляют порой лгать тем, к кому испытываешь искреннюю симпатию, он остановился у замшелого камня и подставил лицо свежему ветру, растрепавшему его седые волосы и бороду, напитывая свежестью тело. Он наслаждался видом бескрайнего синего неба, не в силах оторвать от него восторженного взгляда, и одновременно чувствовал, как четверка его молодые друзей идет по коридорам, камней которых никогда не касался благодатный свет Ока Митры. Он словно незримо присутствовал рядом, бестелесным призраком следовал за ушедшими вперед друзьями, искренне радуясь, что никакие опасности пока не встали у них на пути.

Больше того, Вербар ощущал настроение каждого из них, понимал, кто чего стоит.

Он с удовлетворением осознавал настороженную готовность к любой неожиданности короля Аквилонии, непонятно зачем оказавшегося в этой группе. Он открыто объявил, что пришел за Шаром Всевидения, но это ничего не объясняло, кроме одного: причина, толкнувшая его на столь опасное дело, была очень серьезной, но это ясно и так. Постоянно готовый ко всему, он, пожалуй, был самым надежным звеном короткой цепочки смельчаков, которые шли сейчас, быть может, навстречу смерти.

Старому магу нравилась и даже внушала уважение внутренняя собранность зингарца. Благородный Калим, безмолвно признававший превосходство киммерийца, отвагой вряд ли уступал своему товарищу и был, безусловно, надежным спутником, на которого всегда можно

положиться.

Мысли старца с нежностью коснулись прекрасной Олвины. Он знал, что девушка слывет умелым бойцом и ее мастерству могут позавидовать многие мужчины, но…

При всех своих неоспоримых достоинствах она оставалась женщиной, и старый маг волновался за нее. К тому же он чувствовал любовь девушки к королю, а чувство это, равно способное толкнуть и на подвиг, и на глупость,— плохой советчик в опасном деле.

С теплотой подумал старец и о Бергоне, который хоть и был уже взрослым и сильным юношей, но, в сущности, оставался просто веселым и бесшабашным мальчишкой. Правда, он обладал полезным для них даром предвидения или, скорее, предчувствия, но дар этот был в нем еще не развит, и правильно пользоваться им заморие́ц не умел.

Таким образом, мысленно оценив каждого, Вербар почувствовал в душе странное смятение, потому что пришел к неприятному для себя и, признаться, неожиданному выводу — единой команды не получилось. Не говоря уж о том, что она оказалась самой малочисленной из всех предыдущих, лишь двое из четверых действительно были сильными бойцами, способными хладнокровно идти к намеченной цели. Правда, двое эти стоили доброго десятка, но маг знал по опыту, что соотношение сил часто оказывается решающим и даже великий воин может быть бессильным перед огромной враждебно настроенной толпой.

Бергон и Олвина вызывали у старца сильную тревогу. В зависимости от ситуации эти двое могли совершить нечто из ряда вон выходящее, спасая остальных, но могли и подвести, сведя на нет старания Конана и Калима… И все-таки мага не покидала странная, противоречившая здравому смыслу уверенность в том, что эта группа — самая сильная из всех, уже пытавших счастья в заброшенном подземелье черного колдуна и встретивших ужасную смерть в его мрачных недрах.

Быть может, именно поэтому впервые в жизни он, несмотря на решительные протесты Велория, решился спуститься в подземелье сам. Зачем? Теперь он знал ответ и на этот вопрос — чтобы своей магией уравновесить возможный недостаток их силы. Увеличить… Едва эта мысль пришла ему в голову, как он почувствовал обжигающий душу стыд оттого, что стоит здесь, в то время, как они там подвергают свои жизни опасности. Он, маг, может сильно помочь им! Да что там может, он ведь и пришел сюда для этого! А сам стоит здесь и наслаждается синим небом и свежим ветром. Да что это с ним?!

«Не время!»

На этот раз предупреждение в его мозгу прозвучало совершенно четко, отдав словесный запрещающий приказ.

«Они еще не очистили путь!»

Вербар нахмурился, но тут же отбросил все сомнения. Происходило что-то непонятное, что-то пошло не так, и этот голос… Старец покачал головой. Как не походил он на неясные образы подсознания, мягко направлявшие его мысли и действия в нужное русло. Нет, так не пойдет! Он привык прислушиваться к советам, но не намерен выполнять приказы неизвестного, затеявшего с ним непонятную игру, какими бы ни были его мотивы! Тем более, когда его принуждают к действиям, идущим вразрез с совестью! А потому к Нергалу нерешительность! Не по-старчески бодро он бросился вслед за ушедшими, кляня себя за то, что ждал слишком долго.

Он шел легкой походкой и по меткам, оставленным Конаном на стенах, безошибочно определял нужное направление. Правой рукой Вербар опирался на дубовый посох, отполированный до блеска временем и руками мага. Посох несильно расширялся на верхнем конце с закрепленным на нем серебряным набалдашником, искусно отлитым в форме орлиной головы. Благодаря этому посох слегка походил на дубинку, которой можно было при случае оборониться от бродяг да деревенских собак, но которую вряд ли простой смертный мог бы назвать серьезным оружием. На самом же деле сила, заключенная в посохе, исписанном замысловатыми рунами, была велика. Для Вербара он был таким же оружием, как меч для Конана, с той лишь разницей, что киммериец свой клинок мог легко поменять, а посох мага был уникален, потому что на придание ему нужных свойств Вербар потратил едва ли не всю жизнь.

Никакого иного оружия, кроме ножа, который годился разве что для разделки мяса за обеденным столом, при нем не было. Впрочем, если бы он и взял с собой меч, то вряд ли сумел бы как следует им воспользоваться, но тут уж, как говорится, каждому свое. Оружием мага были его знания, накопленные за долгие годы, которые он потратил, овладевая искусством управления Силой,— на то, что среди людей принято называть магией или колдовством.

Итак, Вербар шел тем же путем, что и отважная четверка, все глубже проникая в недра подземелья, пока не добрался до небольшого продолговатого зала, где увидел труп Сатхи. В первое мгновение он невольно оцепенел, когда неожиданно наткнулся на огромную белую голову, в смертельном оскале обнажившую неправдоподобно огромные клыки, на концах которых застыли желтые ядовитые капли. Правда, он сразу понял, что проклятая тварь мертва, причем убили ее совсем недавно.

Значит, кровь еще не успела свернуться. Это можно было считать удачей. Он вынул кинжал и, сделав аккуратный надрез, собрал в специально прихваченную емкость немного крови.

Тут Вербар остановился, раздумывая. Теперь его планы менялись, ведь он рассчитывал на долгие блуждания по лабиринту и не ожидал, что гигантская змея погибнет первой. Как и Конан, он считал, что именно Сатха сожрала незадачливого вора, а это означало, что нужно искать ее берлогу. Теперь, когда у него есть свежая кровь мертвого гада, сделать это будет не так уж и сложно. Главное, чтобы никто не помешал!

До сих пор он шел по подземелью, ни о чем, не заботясь, рассчитывая на то, что вовремя почувствует надвигающуюся угрозу и успеет принять необходимые меры, но больше рисковать не имел права. Он знал, что о смерти Сатхи мгновенно станет известно всем обитателям подземелий и гнусные твари, до сих пор прятавшиеся по отдаленным, недоступным ей уголкам, полезут из нор. Поэтому он сотворил защитное заклинание, и серебряное навершие посоха начало излучать слабое голубоватое сияние. Теперь, по крайней мере, на время, он мог чувствовать себя в относительной безопасности: если на него не станут беспрерывно нападать или не встретится чересчур крупный противник, беспокоиться ему не о чем. Позаботившись о себе, Вербар достал флакон, смазал клюв орлиной головы кровью змеи и произнес короткую фразу на не существующем ныне языке. Голубоватое сияние стало более темным, но маг знал: это означает лишь, что теперь посох сам приведет его в нужное место.

Вербар еще раз мысленно перебрал все известные ему факты. Итак, он защищен, и цель известна. Вроде бы ничего не забыто. Он в последний раз оглянулся на огромное мертвое тело и пошел вперед. Чуткие руки мага привычно улавливали малейшие дрожания посоха, и этого было достаточно, чтобы он без колебаний сворачивал, нисколько не сомневаясь, что идет в нужном направлении.

Вскоре старец увидел впереди мерцающее странным призрачным светом зеленоватое пятно, словно кто-то вымазал потолок светящейся краской. Подойдя ближе, он обнаружил, что это вовсе не краска, как он подумал сначала, а живое существо. Он ясно чувствовал это, хотя существо и оставалось неподвижным. Вблизи пятно уже не казалось бледно-зеленым. Оно переливалось, точно гигантская жемчужина, превращенная по чьей-то неведомой воле в жидкость.

Некоторое время Вербар с интересом наблюдал за существом, пытаясь понять, что же это такое. Крыса выскочила из-за угла и, едва не

наткнувшись на его ноги, с пронзительным писком бросилась прочь. В тот же миг существо резко упало на нее, накрыв своим телом, точно куском материи. Послышался отчаянный визг. Крыса под «тканью» забилась, пытаясь выбраться, но неравная борьба длилась недолго. Через мгновение несчастная жертва затихла. Тоненький изломанный лучик, похожий на маленькую молнию, проскочил между существом и потолком, где оно только что сидело, и тварь прилепилась к прежнему своему месту. На полу остался лежать аккуратно обглоданный крысиный скелет.

Маг покачал головой и пошел дальше, но, как только приблизился к светящемуся существу, оно бросилась на него, видимо посчитав крысу лишь легкой закуской перед плотным обедом. Однако до человека она так и не добралась, а упала на магический купол, прикрывавший его сверху, и принялась ползать по его округлой невидимой поверхности, выискивая место, сквозь которое можно было бы пробраться внутрь. Туда, где пряталась еда.

Некоторое время Вербар с интересом следил за ее бесплодными попытками. Тварь медленно скользила у него над головой, щедро разбрызгивая разноцветные искры, словно всерьез рассчитывала прожечь в магической защите дыру. Наконец магу надоело это развлечение, и он слегка коснулся посохом центра радужной пленки. Тварь заверещала, чего маг совсем не ожидал, издавая звук, похожий на дребезжание стального листа. По краям ее появился дымок, тварь упала на пол и перестала шевелиться. Вербар склонился над ней. Существо уменьшилось в размерах и потеряло свой изумительный перламутровый цвет. Оно было явно мертво.

Вербар шел уже довольно долго, но серьезной опасности так и не встретил, лишь разная пакостная мелочь путалась у него под ногами, опрометчиво пытаясь нападать на мага, но всех он без труда извел прикосновениями своего посоха. Не успел старец порадоваться этому, как на него навалились трехглазые уроды, родственники тех, что напали на Конана с друзьями, с той лишь разницей, что теперь они действовали вшестером, а человек был один. Правда, Вербар ничего не знал об этом, но было ему от того ничуть не легче. Они в ярости кидались на мага, без устали атакуя его со всех сторон, пока не поняли, что преодолеть его магическую защиту им не по силам.

Когда они несколько поутихли, Вербар порадовался, считая, что все на этом и закончится. Однако вскоре он понял, что ошибался. Шестеро уродов встали в кружок и принялись перегукиваться, время от времени проверяя, не слишком ли далеко ушел старец, после чего поплелись за ним следом,

явно не собираясь оставлять мага в покое.

Они тащились в некотором отдалении, но изредка, то один, то другой из них швырял в Вербара камень, чтобы проверить, действует ли еще защита. Столь разумное поведение оказалось настолько неожиданным, что в первое мгновение маг даже опешил, пока ему не пришла в голову другая, к сожалению, более печальная мысль — драки не избежать.

Это было очень плохо, ведь защита его и, в самом деле, невечна. Скоро она спадет и тогда ему придется драться. Быть может, даже в прямом смысле этого слова, используя магический посох вместо простой дубины. Конечно, в его посохе еще достаточно силы, но врагов много, и неизвестно еще, что ждет его дальше. А главное — сколько сил потребует такая борьба! И еще одна весьма неприятная мысль пришла ему на ум: не привлечет ли борьба еще кого-нибудь, кто окажется не прочь поживиться чужой плотью? В любом случае надо что-то делать.

Недолго раздумывая, он подошел к ближайшему дикарю, с интересом наблюдавшему за его действиями, и ткнул его посохом в средний глаз. Тот упал и начал корчиться, завывая от боли. Вербару пришлось коснуться его еще дважды, чтобы он окончательно затих. Маг хотел показать свою силу, надеясь, что от него отстанут, но просчитался. Правда, врагов стало на одного меньше, зато приятели погибшего урода просто озверели. Теперь они кидались на мага со всех сторон и, хотя пробиться к нему по-прежнему не могли, но не давали двигаться вперед.

Поневоле он свернул в один из боковых проходов и понемногу принялся отступать вглубь. Дикари продолжали кидаться на него, оттесняя все дальше, пока один из них, не рассчитав, не оступился и не полетел в зиявшую в полу черным пятном каверну, из которой вскоре донеслось довольное ворчание.

Едва это случилось, как оставшиеся в живых дикари бросились бежать: видно, то, что обитало на дне ямы, было им слишком хорошо знакомо. Вербар обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как из недр провала показалось нечто неопределенное, похожее на сгусток непроницаемой тьмы, не имевшее ничего, кроме пары огромных зеленых глаз, зло уставившихся на него.

Что это было, старец не знал, но отчего-то ему казалось, что такая тварь способна заглотить его вместе с его магической защитой и посохом, и неизвестно еще, сумеет ли он выбраться из ее поганого чрева, когда убьет. Он не стал медлить и поспешил обратно, в главный тоннель.

Дикарей уже и след простыл. Вербар невольно подумал: а не пытались ли они принести его в жертву своему темному божеству, обитавшему в

колодце? Жертва не удалась, то есть на ее месте оказался свой. Не потому ли его оставили в покое? Впрочем, подобный оборот его вполне устраивал. Теперь маг шел не останавливаясь.

Он постоянно слышал какие-то звуки: то неприятное хлюпанье, то визг заживо пожираемого существа, то угрожающее шипение. Иногда из тьмы бокового коридора на него просто смотрели светившиеся злостью глаза. Что мешало чудовищам выбраться и напасть на одинокого чужака? Этого Вербар не знал, и знать не желал.

Постепенно проход обрел ясно различимый уклон, который становился все круче, пока не стал напоминать скат, по которому Вербару совсем не хотелось спускаться. К счастью, именно в это мгновение посох в его руке дернулся в сторону ближайшего бокового ответвления. Старик свернул в него и сразу понял, что останавливало обитателей боковых проходов. Он приближался к логову Сатхи, и даже смерть ее не смогла побороть вековечный страх, глубоко угнездившийся в черных душах ее поганых сородичей.

В ответвлении, куда попал маг, воняло просто невыносимо, и старик едва удержался от инстинктивного желания повернуть обратно. Превозмогая отвращение и подступившую к горлу тошноту, старец заставил себя идти вперед. Через сотню шагов он добрался до довольно обширного зала, который и, в самом деле, оказался логовом гигантской змеи. Правая половина зала пустовала: как видно, чудовище здесь спало. У противоположной же стены высилась огромная гора смердящих отбросов.

Подойдя ближе, Вербар обнаружил, что гора состоит из непереваренных остатков трапез. Впрочем, то, что Сатха счастливо переварила, тоже валялось здесь. Куча кишела крысами. Вероятно, если бы не они, эта гора переполнила бы пещеру еще десятки, если не сотни лет назад.

Тут можно было увидеть куски одежды, кости, оружие, шкуры и прочие, порой совершенно неожиданные, вещи. Зато Вербар сразу почувствовал, что амулет находится именно в этой груде невыносимо воняющего мусора. От радости он вздохнул с облегчением, но слишком глубоко, и его едва не стошнило. Глаза заслезились, маг закашлялся, понемногу приходя в себя. Восстановив через некоторое время дыхание, он опустил веки и сосредоточился, магическим зрением просматривая содержимое гниющей помойки.

Вербар изо всех сил старался не отвлекаться на царившую здесь гнусную вонь, но ничего с собой поделать не мог: куча дерьма — не букет сирени. Тут и магия бессильна. Раз за разом он отрывался от своего дела,

чтобы встряхнуться и вытолкнуть из ноздрей гнусный смрад. И все-таки прошло не слишком много времени, а амулет уже лежал у него на ладони, и у Вербара не возникло ни малейшего сомнения, что это именно то, зачем он пришел.

Он завернул амулет в чистую тряпицу, сунул за пазуху и направился к выходу. Ему не хотелось оставаться здесь ни одного лишнего мгновения, но судьба распорядилась иначе. Из хода, который вел в логово Сатхи, донеслись мокрые шлепки, словно кто-то шел, небрежно расплескивая из ведер воду. Это могло означать только одно: самое смелое чудище сумело преодолеть страх.

Маг замер, наклонив вперед посох. Из коридора появилась ушастая жаба величиной с крупного пса. Бойко подскакав к Вербару, она выкинула длиннющий язык и обхватила им ногу старца, который только теперь с ужасом вспомнил, что сам снял защитный купол, чтобы он не мешал магическим зрением искать в зловонной куче амулет. Впрочем, страх не помешал магу ударить жабу посохом по голове. Уродина завалилась на спину, даже не втянув обратно длинный, не меньше четырех локтей, язык, похожий на застиранную тряпку.

Через мгновение оглушенная тварь слабо задергалась, пытаясь встать, но пока ей это не удавалось, и Вербар не стал проверять, сколько времени продлится обморок, а бросился в спасительную темноту. Как он мог забыть, что для поисков талисмана вынужден был снять защиту? Счастье еще, что все обошлось. Он с содроганием припомнил раскрытую жабью пасть с рядом острейших треугольных зубов.

Очухалась тварь зачительно быстрее, чем того хотелось Вербару. Очень скоро он услышал за спиной знакомые уже постепенно приближавшиеся мокрые шлепки. Вербар успел выскочить в центральную галерею, когда, обернувшись, увидел, что жаба нагоняет его, передвигаясь быстрыми, хотя и низкими короткими прыжками.

Дело осложнялось тем, что старец не мог сейчас восстановить свою защиту. Должно пройти какое-то время, прежде чем он наберется сил и сможет поставить купол. Правда, с помощью определенного заклинанья он мог бы сделаться полупрозрачным и затеряться в темноте коридоров, но для твари, привыкшей находить пропитание в полной темноте, это вряд ли станет серьезной преградой. Будь он наверху, где солнечный свет дарит энергию и тепло, он запросто нашел бы выход, но здесь, где черным колдовством были пропитаны даже стены, его силы истощились слишком быстро. Вербар не учел этого и теперь растерялся, не зная, как действовать.

Неожиданно из бокового тоннеля послышался ужасающий рев, и

между жабой и успевшим уже пробежать вперед человеком выскочило страшилище, отдаленно напоминавшее человека. У него были короткие и толстые, похожие на столбы ноги, зато руки оказались длинными и мускулистыми. Высокому Вербару оно едва доставало до плеча, а голова его была словно бы приплюснута сверху. На уродливом безносом лице красовались те же три глаза в один ряд, что и у пупырчатых монстров. В огромной пасти виднелся двойной ряд острых зубов. Тело покрывала пластинчатая броня, придавая шкуре существа схожесть с чешуей рыбы.

Заорав, чудище бросилось на жабу и быстро оседлало ее. Вербар не стал дожидаться, чем кончится этот странный поединок, но, обернувшись, успел увидеть, что коротконогий урод бьет жабу чем-то тяжелым по голове, второй рукой для верности придавив ее к земле. Безносое существо не было полным идиотом, и потому, раздробив жабе череп каменным топором, который само сделало, оно кинулось вслед за Вербаром.

* * *

Конан с Калимом медленно шли по обозначенному цветными метками коридору. Отряд уменьшился вдвое, а значит, и держаться, чтобы уцелеть, им теперь придется вдвое осторожнее. Бергона с Олвиной они оставили наверху, где солнце своими лучами ласкает тело и свежий ветер уносит прочь черные мысли, а сами, не без сожаления, спустились обратно, во мрак и тьму подземелья. Они уже миновали место своей предыдущей ночевки и теперь шли дальше по главному тоннелю, так до сих пор никого и, не встретив на своем пути.

* * *

Вербар хоть и выглядел бодрым старцем, но от груза прожитых лет это не избавляло, а потому он успел уйти совсем недалеко, когда стих шум драки за спиной. Он ускорил шаг, но через некоторое время его ушей достигло донесенное эхом рычание, а вскоре стал ясно различим и звук тяжелых шагов победителя.

* * *

Покрытый чешуей трехглазый урод, неуклюжими скачками несся так быстро, как позволяли его короткие ноги, и временами глухо ревел от обиды. Все-таки он спас от верной смерти столь похожее на него самого существо, которое, даже не поблагодарив, просто повернулось и ушло! А он даже не успел похвастаться своей славной дубинкой, которую совсем недавно додумался сделать, привязав огромный камень к крепкой суковатой палке жилой прыгуна! Ну, да не беда! Существо не могло уйти далеко. Об этом говорил и запах, который становился все сильнее. Сейчас он догонит его, и справедливость восстановится. Сгорая от нетерпения, чудище побежало на трех лапах, в четвертой бережно сжимая каменный топор, который очень любило.

* * *

Вербар запыхался. Паника потихоньку овладевала его сознанием. И надо же было такому случиться!

Именно сейчас, когда амулет лежит у него в кармане, его угораздило повстречаться с этим уродом, явно стремившимся разделаться с пришельцем! Трехглазый был очень силен, а силы в посохе — Вербар чувствовал это все своим существом — осталось не так уж и много. Шаги раздавались уже совсем близко, но маг не сбавлял шагу, боясь оглядываться.

* * *

Конан с Калимом передвигались осторожно, готовые ко всему. Именно поэтому за время, в течение которого в прошлый раз они

добрались до зала с четырьмя камерами, теперь преодолели вдвое меньшее расстояние. Однако оба не забывали о том, что лучше потерять время, чем жизнь, а потому не торопились, стараясь все увидеть и все услышать. Внезапно Конан насторожился.

— Ты слышишь?

— Да,— подтвердил Калим,— кто-то бежит в нашу сторону.

— Я бы предпочел затаиться,— сказал киммериец, ныряя в боковое ответвление, в то время как Калим прошел еще пару десятков шагов, чтобы занять следующий боковой ход.

Первым делом Конан убедился, что недлинный тоннель, в который он заскочил, никуда не ведет, и вернулся к его началу. Шаги быстро приближались. Киммериец воткнул свой факел в трещину, образовавшуюся в расшатавшейся кладке стены главного тоннеля, и скрылся в темноте. Теперь доносились уже не только звуки шагов, но и чье-то учащенное дыхание. Конан вытянул из ножен меч и приготовился. Шаги раздавались уже совсем рядом. Еще немного… Сейчас… В следующее мгновение в освещенное пространство выскочил запыхавшийся старец.

— Вербар!— удивленно воскликнул Конан.— Вот уж никак не думал, что в этом Нергальем переплетении переходов два человека могут столкнуться нос к носу! Калим! Выходи! Это наш друг!

Зингарец появился из бокового прохода, но Конан тут же насторожился.

— Кто это тащится за тобой?— Он вопросительно посмотрел на мага. — Судя по шагам, кто-то очень грузный.

— Быстро приготовьтесь!— ответил тот, судорожно ловя широко раскрытым ртом воздух.— Это существо не только грузное, но и очень сильное.

Калим тут же нырнул обратно, на этот раз предварительно потушив факел. Конан втолкнул старца в проход, в котором только что прятался, а сам вышел на середину центрального тоннеля и приготовился. Шаги приблизились и остановились за границей светового круга. Из темноты доносились странные звуки, словно кто-то усиленно принюхивался. Существо явно медлило, не зная, на что решиться, и очень скоро Конану это надоело.

— Хватит там сморкаться!— крикнул он в темноту, и сопение тотчас прекратилось.— Выходи на свет, недомерок сопливый!

Как ни странно, его слова произвели нужное действие. Чудище решило выйти на свет, ковыляя по-прежнему на трех конечностях, из-за чего казалось горбатым и еще более низкорослым, чем было на самом

деле. Конан ухмыльнулся и пошел навстречу, но, как только сделал первые два шага, трехглазый вытащил из-за спины руку с зажатым в ней огромным каменным топором.

На миг Конан опешил. Чего-чего, а уж такого от этого покрытого чешуей горбатого красавца он никак не ожидал. То ли чудище рассчитывало именно на такую реакцию киммерийца, то ли отвечая на свои потаенные мысли, оно улыбнулось. Это было уже слишком!

Конан не выдержал и расхохотался, глядя на улыбающегося плоскоголового безносого дикаря, который смотрел на него и сиял от счастья, отчего его и без того приплюснутая башка стала походить на стопку дрожжевых блинов, решившую обменяться улыбками с едоком.

— Клянусь Кромом, блиноголовый, ты мне нравишься!— воскликнул киммериец, едва лишь немного успокоился.— Мне даже жаль тебя убивать! И топор твой, которым ты так гордишься, просто чудо, хотя я его и оружием-то не назову. Калим! Ты только посмотри на этого шута!— крикнул он другу, появившемуся за спиной дикаря,— У него нет носа, и он улыбается!

Нахохотавшись вдоволь, Конан увидел, что их безносый приятель и не думает ни на кого нападать, а стоит и зачарованно таращится на его меч.

— Мне он тоже нравится,— усмехнулся киммериец, потом, подумав, достал из-за пояса кинжал и бросил его под ноги уродцу.— Он твой, дарю!

Калим стоял позади трехглазого и с не меньшим, чем Конан, интересом наблюдал, как создание подняло кинжал, вынуло его из ножен, провело лезвием себе по руке. Из пореза потекла темная кровь, но трехглазый, как ни странно, улыбнулся, словно именно такого результата и желал, развернулся и, не забыв прихватить и свой обожаемый топор, ускакал прочь.

— Думаю, у подземелья появился новый хозяин,— сказал Конан.— Веселый парень. Побольше бы таких.

Калим, казалось, тоже ничего не имел против улыбчивых монстров, лишь Вербар не разделял их радости.

— Побольше бы таких,— ворчливо бубнил он, приходя в себя и не обращая ни малейшего внимания на насмешливые взгляды друзей.— Эта тварь меня чуть не сожрала!— Наконец он отдышался, успокоился и довольно посмотрел на своих молодых спутников.— Пора выбираться наверх.

— А как же амулет?— опешил Калим и непонимающе посмотрел на невозмутимо молчавшего Конана.

Вербар достал из-за пазухи сверток и аккуратно развернул его.

— Вот он.

Конан бережно принял из рук старого мага тряпицу с недостающим куском карты и внимательно рассмотрел его. Как и на всех прочих, на нем были вырезаны какие-то значки, но значение их можно будет оценить, лишь уложив его на нужное место.

— Как это удалось тебе?

— Я нашел логово Сатхи.— При воспоминании о посещении жилища змеи мага передернуло и комок подкатился к горлу. Вербар сплюнул и сделал глубокий вдох.— В общем, я нашел его,— закончил он под насмешливым взглядом киммерийца,— хотя было это и непросто. А как Бергон и Олвина? — перевел он разговор на другую тему.— Они тоже решили отделиться, или их…

Он не закончил фразу и, помрачнев, посмотрел на своих спутников. Конан рассмеялся.

— Нет, нет!— успокоил он старика.— С ними все в порядке. Они только ранены, но неопасно. Оба дожидаются нас наверху.

* * *

— Просто превосходно!— Велорий возбужденно ходил по комнате, не в силах успокоиться.— Чудесно! Сейчас я принесу остальные, и мы посмотрим, где это находится.

Купец поспешил из комнаты.

* * *

Черная Роза Сета повернулась к Гробану, стоявшему по левую от нее руку, опиравшемуся правой на длинную, выше собственного роста, корявую палку.

— Ты видел?— Она кивнула в сторону яркой картины, пылавшей в овале врат.— Талисман у них! Нельзя допустить, чтобы проклятый киммериец смог пробраться в Лур-Дун. Пойди и возьми его, но самого Конана не трогай!

— Ты затеяла опасную игру, владычица!— воскликнул Гробан тоном, по которому ясно было, что разговор этот возникает между ними не впервые.— Этот человек не так прост, как ты думаешь. Я чувствую исходящую с той стороны врат Силу! Смотри, как бы потом не пожалеть!

— Ты чувствуешь Силу колдуна!— запальчиво воскликнула она.

— Э, нет!— не согласился с ней Гробан.— Поверь мне, это совсем другое! Просто ты не хочешь слушать моих советов. Вспомни, я говорил тебе, что не нужно снимать с девушки кожу и рисовать на ней королеву! Ты не послушалась, и что из этого вышло?

Прекрасное лицо Рози налилось краской гнева, но в глазах промелькнуло сомнение. Она поморщилась, отгоняя неприятные воспоминания, и почти мгновенно взяла себя в руки и стала прежней — надменной и властной, не знающей сомнений госпожой.

— Мы же с тобой договорились не возвращаться больше к этой теме, — спокойно заметила она. Взгляд ее скользнул по уродливому телу рыбочеловека, который неотрывно смотрел на картину, открытую вратами, и Роза презрительно ухмыльнулась, видя его неподдельную тревогу.— Впрочем, если ты боишься, то так и скажи — я пошлю кого-нибудь другого!

— Хорошо. Будет так, как ты сказала,— сдержанно ответил Гробан, неуклюже поклонился негнущимся телом и шагнул в горевшие золотом Врата Сета.

* * *

В комнате царило радостное оживление, когда Конан внезапно насторожился. Не говоря ни слова, он подхватил Олвину и, отпрыгнув назад, обнажил свой верный меч. Остальные смотрели на него, ничего не понимая, но в это мгновение противоположная от двери стена комнаты подернулась рябью, будто карпашский гранит, из которого она была сложена, вдруг превратился в собственное отражение в воде, внезапно искаженное налетевшим порывом ветра.

Все невольно попятились, а Олвина отскочила в сторону, мгновенно схватила лежавший на столе лук, и стрела ушла в стену, словно та и впрямь была лишь водяной пленкой, грозившей вот-вот лопнуть под напором кого-то рвущегося с той стороны. Выстрел, однако, пропал впустую, потому что

еще через мгновение, прорвав колеблющуюся завесу, словно выйдя из стены, в комнату пробралось странное существо, больше всего походившее на бесхвостую рыбу, способную передвигаться по суше и для этого отрастившую маленькие кривые ножки и такие же кривые, но гораздо более длинные руки.

Конан насторожился. Бергон отпрянул. Олвина держала пришельца под прицелом, но спустить тетиву не решалась. Как ни странно, но самый сдержанный из всех, Калим, обнажив меч, шагнул чужаку навстречу, однако Вербар предостерегающе поднял руку:

— Остановись! Сталью его не взять!

Выпуклые рыбьи глаза уставились на старца.

— Он правильно сказал,— заговорило существо странным дрожащим голосом, словно урод и впрямь находился под водой,— но он сказал не все. — Рыбочеловек обвел присутствующих мутным презрительным взглядом. — Всего он просто не знает, а потому за него докончу я, Гробан, страж и личный советник Черной Розы Сета. Чтобы остаться в живых, вы должны отдать мне амулет.

Говорил он как ярмарочная марионетка — неуклюже разевая огромную пасть. Разница состояла лишь в том, что балаганным куклам не вставляют полного набора острейших зубов. Взглянув на него, Конан сразу понял, кто был тем пятым, оставившим ужасные раны на трупах лиронцев… Вербар даже не шелохнулся. Глаза же киммерийца налились кровью, желваки заходили на скулах. Он напрягся и едва заметно подался вперед, но рыбочеловек заметил это движение и мгновенно повернулся к нему лицом.

— Мне бы не хотелось тебя убивать,— пробулькал он, и на его невыразительной морде появилась ясно различимая брезгливая гримаса.

— Зато мне не терпится прикончить тебя,— процедил сквозь плотно сжатые зубы Конан и шагнул вперед, но тут же замер.

Из-за двери, ведущей вглубь дома, послышались шаги — это Велорий спешил обратно с полным набором амулетов. Через мгновение он появится в комнате, и тогда все, конец. Конан понял, что единственный выход — драка и бегство. Именно бегство. Интуиция подсказывала ему: Вербар знал, что говорил, когда останавливал Калима. Потом они будут думать, как обезопасить себя в дальнейшем. Сейчас главное — спасти амулет. Однако сделать он ничего не успел, потому что Бергон опередил его. Повинуясь безотчетному порыву, заморие́ц вынул руку из кармана и что-то кинул незваному гостю.

— Забирай и проваливай! — с отвращением произнес он.

— Не вздумай шутить со мной,— пробулькал Гробан и, отложив свою палку к стене, открыл крышку, закрывавшую синюю стеклянную банку.

В следующее мгновение огромный, усеянный острыми зубами рот его раскрылся в беззвучном вопле ужаса, когда округлая, отливающая перламутром капля, выскочив из его рук, исчезла в чудовищной пасти. В следующий миг жуткий крик заставил людей закрыть уши ладонями, а вошедшего в комнату Велория — оцепенеть.

Рыбочеловек упал, крупно дрожа. Он засучил уродливыми конечностями, обезумев от невыносимой боли. Смерть, которую он всю жизнь нес другим, настигла, наконец, и его в образе небольшого, с кулак величиной, неизвестно как оказавшегося в руках людей стального скарабея, который родился одновременно с ним и только затем, чтобы, когда настанет срок, успокоить его навеки и найти покой самому. Гробан знал, что момент этот неизбежно наступит, но, как и любое живое существо, надеялся, что это будет еще очень не скоро.

Вопли смолкли, и Гробан затих, хотя тело его еще продолжало сотрясаться мелкими судорогами. Покрытая чешуей шкура рыбочеловека быстро опадала, словно наполнявшая ее плоть бесследно исчезала неизвестно куда. В считанные мгновения все было кончено.

— Откуда у тебя это?— спросил Конан, хотя ответ на свой простой вопрос знал и сам.

— Мне было жаль бросать его,— смущенно ответил Бергон, нервно пожимая плечами,— он был такой голодный.

* * *

Рози резко взмахнула здоровой рукой, и видение пропало. Зло кликнув рабынь, она зажала раненое плечо, из которого торчало древко стрелы. В ярости она готова была убить себя: всякий раз, когда гордыня или упрямство заставляли ее идти против советов Гробана, она терпела неудачу, но такого сокрушительного поражения, как теперь, и представить себе не могла!

Да и кто дерзнул бы предположить, что в момент прохода через Врата кто-то из скудоумных людей додумается пустить в них стрелу и стрела эта найдет цель! А Гробана на той стороне будет поджидать человек со стальным скарабеем в банке!

Она бессильно упала в кресло. Рабыни уже хлопотали над ней, неумело пытаясь извлечь стальной зазубренный наконечник.

— Пошли прочь! Пожива для Змея!— вскрикнула она после одной из болезненных попыток вынуть стрелу.— Позовите Лауду, если сами ни на что не годитесь!

Рабыни испуганно бросились вон, и она тут же позабыла о них, засмотревшись на свое отражение в зеркале. Все так же прекрасна, как и раньше. Сет не обманул, вернув ей прежнюю красоту, но интереса к ней не проявил. Она сердито нахмурилась. Такое равнодушие больно ударило по ее самолюбию, но, с другой стороны, в этом нет большой беды. Скоро она разделается с Конаном и тогда всерьез возьмется за него, Владыку Ночи! Ему не устоять перед ее чарами. И тогда весь мир ляжет у ее ног! Не для того прошла она сквозь тьму времен и бесконечные века безобразия, чтобы и теперь ничего не добиться! Рок иногда любит испытывать людей на крепость, но зато прошедшим проверку он воздает по заслугам. Так кому же, как не ей, рассчитывать на щедрые дары судьбы?!

Вот только Конан!..

Она вновь откинулась в кресле, и мечтательное выражение исчезло с ее лица, уступив место маске растерянности, порожденной неожиданной догадкой. Страшное подозрение шевельнулось в ее груди: все это кем-то искусно подстроенная ловушка! И этот кто-то горько раскается в содеянном, не будь она Черной Розой Сета!

Глаза ее полыхнули злобой, но в следующий миг лицо колдуньи озарилось улыбкой. Как рассчитывала она посчитаться с Зенобией, один раз уже ускользнувшей из ее рук! Но Сет предупредил, что сам Митра поклялся охранять семью киммерийца, пока тот в отлучке. Сколько бессильной ярости выплеснула она по этому поводу, а все оказывается так просто!

Рози снова улыбнулась. Теперь она знала, что ей делать!

* * *

Как ни странно, но смерть таинственного чужака не смогла погасить общего возбуждения. Не тратя понапрасну времени, они зарыли чешуйчатую шкуру у дороги и занялись более приятным делом.

Велорий вертел перед глазами отмытый от нечистот амулет,

рассматривая его и так и этак, пытаясь в малейших черточках найти потаенный смысл, пока наконец ему не удалось немного успокоиться. Правда, выразилось это лишь в том, что он перестал мерить комнату шагами, но руки его продолжали трястись, как в лихорадке. Он постарался пристроить амулет на его место, в центре карты, но это ему никак не удавалось, так что, в конце концов, все попадало на пол. Тогда Вербар решительно отстранил друга и проделал все заново.

Шесть человек склонились над картой, внимательно вглядываясь в начертанные на ней символы.

— Это Шем,— уверенно заявил Конан,— и сравнительно недалеко отсюда. Я знаю это место. По всей вероятности, твое наследство запрятано в одной из пещер,— показал он на метку Велорию.— Завтра же отправимся туда.

— Мудрейший! В твоих семейных преданиях ничего не говорится о ловушках? — поинтересовался Бергон.— Если их нет, то можно и не ездить: клад наверняка разграблен за истекшие века.

— Они наверняка есть,— с улыбкой успокоил заморийца Велорий,— но ты, надеюсь, понимаешь, что предки мои действовали в спешке-, так что теперь я могу лишь догадываться о предпринятых ими мерах.

— Ничего, разберемся на месте,— ответил за друга Вербар.— Лучше скажи, сам-то ты как себя чувствуешь?— Он посмотрел на Бергона.

— Мы уже в порядке,— ответила за обоих девушка.— Твой бальзам — просто чудо!

* * *

В то же самое время в упомянутом киммерийцем Шеме старый согбенный колдун размышлял. Звали колдуна Руф. Всю свою жизнь он посвятил охране наследства Велория, хотя тот и не подозревал об этом. Руф знал, какие сокровища сокрыты в пещере, запутанным ходом уводящей в недра горы, потому что вел свою родословную от тех самых охотников за чужим богатством, которые безуспешно гонялись за предками купца.

Не раз и не два пытался он добраться до клада, но кончалось это всякий раз одинаково: прозрачная стена не пропускала его, дразня укрытыми за ней богатствами, а он, багровый от злости, возвращался в свою мрачную каменную берлогу и тут же принимался за выработку

нового плана.

Наконец, отчаявшись снять заклятие, он решил попросту сломать стену, применив губую силу, и едва не оказался погребенным под грудой каменных обломков. Затем он прибегнул к колдовству, но, как только произнес слова тщательно продуманного заклинания, ему показалось, что гора вот-вот сдвинется с места и отправится поближе к южным границам Шема, к восточному морю, где теплые волны станут ласкать ее гранитные утесы. Стены пещеры пошли трещинами, из них повалились обломки. Это был ужас, которого Руфу не удавалось пережить ни до, ни после этого случая. Когда судороги каменных недр прекратились и колдун понял, что остался жив, он возблагодарил Митру, чего прежде ни разу в жизни не делал, и опрометью бросился вон. Этого случая он долго не мог забыть и поклялся себе впредь не вызывать мощных сил в замкнутом пространстве.

Тогда он решил сменить тактику и принялся ждать, когда за кладом явится его законный наследник, которого можно будет без хлопот ограбить, освободив его бессмертную душу для вечной жизни на Серых Равнинах. Постепенно он сколотил вокруг себя банду отпетых мерзавцев, с помощью которых в будущем рассчитывал расправиться с Велорием.

Он прикармливал их в трудные времена и давал убежище, когда после неудачного грабежа погоня наступала беглецам на пятки. Единственным условием, которое он поставил бандитам, было не выпускать из виду Велория и всегда быть под рукой…

Долгие годы длилось ожидание, и вот, наконец, сегодня Руф получил весточку. Почтовый голубь принес колдуну записку от соглядатая, в которой говорилось, что четверо под предводительством старца Вербара принесли недостающую часть карты Велорию, а значит, тот не замедлит явиться в Шем.

Колдун расхохотался и налил себе вина. Наконец-то! Если бы он мог, он бы давно уже сам показал Велорию пещеру, но тогда пришлось бы позабыть о своих планах: проклятый купец ни за что не поделится с ним своими сокровищами!

Путь, выбранный Руфом, был хоть и длиннее, зато надежнее. Подождать, когда клад окажется снаружи пещеры, убить мага и его спутников и спокойно перетащить сокровища в свое логово, где можно будет неспешно, со вкусом разобраться, что есть что. Теперь же главное — не спешить. Пусть себе спокойно едут, а его люди отправятся следом. Они лихо орудуют мечами, но при надобности и скрытно выследить добычу умеют! А вот в Эруке можно будет проверить чужаков на прочность. Если сразу удастся захватить стариков и избавиться от молодых, тех, что лазали в

подземелья Тзота за амулетом, тогда все заботы разом отпадут. Люди, отягощенные такими предрассудками, как совесть и честь, бывают порой очень неуступчивы, но вряд ли станут упорствовать в выборе между барахлом, даже если его необычайно много, и жизнью.

Придя к такому приятному умозаключению, Руф довольно потер сухонькие ладони. Давненько у колдуна не было такого хорошего настроения, правда, и повод был весомым. То, за чем он гонялся столько долгих лет, из-за чего загубил бессчетное количество жизней, наконец-то окажется у него в руках!

Жажда завладеть Шаром Всевидения стала смыслом всей его жизни, и вот теперь заветное желание близко к осуществлению, как никогда. Шар станет ему наградой за все невзгоды! Мощный магический атрибут, с помощью которого можно проникнуть взором в любой, самый потаенный в мире уголок и даже наслать через него в выбранное место злые чары! Лишь зеркало Лазбекри, попавшее в руки ненавистного Пелиаса, обладало такими свойствами, но десять лет назад глупый варвар, взобравшийся на трон Аквилонии, разрубил его надвое своим огромным мечом! Но даже священное зеркало не позволяло перенести в изображенное им место человеческое существо! На это способен лишь Шар Всевидения, который вскоре станет служить ему, Руфу!

При этой мысли черная душа колдуна возликовала. Он не смог сдержаться, вскочил с кресла и возбужденно заходил по мрачной, тускло освещенной светом масляной лампы комнате с крохотными, похожими на бойницы окошками. Какие наступят времена! Он отомстит всем своим врагам, а их у старого колдуна накопилось немало! Но главное — никто из них даже знать не будет, откуда на него обрушилась неведомая напасть. Он не убьет их сразу, он растянет удовольствие, исподволь наблюдая за мучениями жертв, а перед самой смертью скажет… Да за одно это он вновь пошел бы на все лишения, которые заставила его испытать на себе злодейка-судьба!

Кто изготовил Шар, Руф не знал, но история его восходила ко временам Валузии. По крайней мере, именно к тому периоду относятся первые упоминания о нем, хотя Руф подозревал, что изготовили его далеко на востоке, но не в Кхитае, иначе таких Шаров наверняка было бы несколько. Однако, как ни старался, но вызнать о создателях Шара он ничего не смог. Может быть, он был наследием лемурийцев, а может быть, и кто-то другой приложил руку к его созданию? Кто знает…

Все это теперь не важно. Значение имеет только одно — есть Шар, и есть он, Руф, и до встречи этих двоих осталось совсем немного времени.

Совсем немного! Ровно столько, сколько потребуется полоумному старику для того, чтобы добраться из Хоршемиша до Эрука, а оттуда до пещеры и снять заклятие. Если понадобится, он пообещает главарю своих разбойничков все богатства, хранящиеся в тайнике! Нечего скаредничать! Ему нужен только Шар!

* * *

До Шема путники добрались быстро и без затруднений. Правда, Конану все время чудилось, что кто-то скрытно пробирается следом, да и Бергон не скрывал тревоги, но заметить ни разу никого так и не удалось. Конечно, будь времени побольше, киммериец непременно проверил бы свои подозрения, но он ни на миг не забывал, что время для него главное, а потому решил быть настороже, но и только.

Наконец горы остались позади, и всадники остановились. В Эруке, крепостные стены и башни которого уже маячили вдалеке, делать было нечего, и они решили заночевать в первой же попавшейся на пути таверне. Толстяк хозяин, который из кожи лез вон, пытаясь угодить гостям, накормил их на славу, но свободная комната оказалась всего одна, зато в ней стояли целых две кровати, и молодые спутники с готовностью уступили ее двум старцам. Четверка же воинов с удовольствием отправилась ночевать на сеновал, устроенный над конюшней. Не столько из предосторожности, сколько по привычке, они втянули наверх лестницу, и сон мгновенно сморил всех четверых.

Лошади фыркали и отдувались внизу, иногда переступая во сне копытами (видно, им тоже не всегда снились спокойные сны), но Конана это не тревожило, потому, что это были естественные ночные звуки…

Правда, в какой-то момент ему показалось, что кони сипят как-то странно… Не открывая глаз, Конан прислушался, и верно — это были не кони. Кто-то тяжело, с присвистом дышал слева от него, и звук этот совсем не походил на легкое беззвучное дыхание Бергона, спавшего по левую руку от киммерийца. С тихим хрустом натянулась дуга лука. Щелкнул хлыст, и кто-то рассмеялся прямо перед ним. Конан невольно вздрогнул. Звуки казались отдаленно знакомыми, но где он их слышал, киммериец не помнил.

Он медленно открыл глаза и едва не ослеп от яркого света. Солнце

стояло в зените. Великолепная блондинка с высокой грудью и жестким взглядом прекрасных глаз зло рассмеялась, замахиваясь. Хлыст звонко щелкнул, обвившись черным жалом… Вокруг чего? Этого киммериец не видел. Он хотел повернуться, чтобы посмотреть, но что-то отвлекло его, какой-то звук. Конан насторожился.

… Рядом с сараем послышалась чья-то осторожная поступь.

Первым делом рука его нашла рукоять лежавшего рядом меча, с которым он никогда не расставался, потом он оглянулся и поймал направленный на него взгляд Бергона — прислушивавшийся замориец выглядел встревоженным. Как и Конан, он чувствовал опасность нутром. Киммериец приложил палец к губам, и юноша согласно кивнул.

Тихий лязг металла раздался снизу, и через мгновение за край окна «ухватился» коготь воровской «кошки». Теперь намерения неизвестных стали предельно ясны. Конан тихонько потряс за плечо Олвину, и девушка тотчас открыла глаза. Киммериец взглядом указал на окно. Коготь едва слышно скрипел о дерево, значит, кто-то уже взбирался по стене. Калим тоже не спал, и Конан приготовился — он лежал ближе всех к окну.

Сперва он хотел захватить незваного гостя и допросить его, но почти сразу передумал, посчитав, что ни к чему тратить время на банального грабителя. А потому едва волосатая лапища любителя ночных прогулок по стенам ухватилась за подоконник, как меч Конана молниеносно рванулся вперед и отсек кисть руки. Громила заорал и повалился обратно, но тут же затих: видно, понял, что удирать нужно молча, если, конечно, не хочет познакомиться с королевским судом. Там, безусловно, руку залечат, но взамен отсекут голову.

Конан метнулся к окну, и Бергон раскрыл рот от удивления, когда киммериец сиганул наружу, нимало не думая о тех, кто может поджидать его внизу. Чуть позже он понял, что и друзья безрукого наверняка не ожидали от своей жертвы такой прыти.

Снизу раздался звон стали, но всего дважды. Третим звуком оказался глухой стон, потом падение. Это словно вернуло остальных к жизни. Они бросились к окну. Внизу лежали два обезглавленных трупа, Конана нигде не было.

Киммериец снес голову дружку безрукого, когда вспомнил вдруг о Велории с Вербаром, оставшихся совершенно беззащитными, и бросился в таверну, но дверь оказалась заперта. Киммериец рванул ее на себя, засов жалобно звякнул, падая на пол, и в следующий миг, подобный ночному демону, он уже несся по ступеням лестницы, желая только одного — не опоздать.

Вбежав в полутемный коридор, Конан как вихрь ворвался в комнату старцев, едва не сорвав дверь с петель. Велорий стоял у дощатой стены и прижимал к ней чью-то руку, по локоть просунутую в маленькое потайное окошко. С той стороны на стену обрушивались лавина проклятий и град ударов. Некто пытался прорубиться в комнату и заставить Велория отпустить руку. Вербар лихорадочно творил защитные заклинания, но спросонья, как видно, не все у него получалось. Не раздумывая, Конан выхватил из-за пояса кинжал и пригвоздил ладонь к стене, из-за которой тотчас послышался сдавленный вопль.

— Хвала Митре — ты уже здесь!— с облегчением вздохнул Велорий и, отпустив руку, отпрянул от стены, а Вербар разразился торжествующим хохотом.

— Какой же я глупец, что не подумал об этом еще вчера!— вскричал он.— Но теперь нам ничего не страшно!

— Все мы не подумали об этом,— спокойно заметил Конан.

— Что, и у вас тоже?— нахмурился Вербар.

Магу явно не нравился такой поворот событий.

— А чего бы ради я примчался сюда посреди ночи?— хмыкнул киммериец.

— И то верно,— согласился Вербар.— Думаю, нам лучше уехать отсюда прямо сейчас.

Конан кивнул, соглашаясь, и тут же насторожился: со двора донесся звон стали, и это не предвещало ничего хорошего.

— Немного погодя!— крикнул киммериец и бросился назад.

— За нас не беспокойся!— успел услышать он, сбегая по лестнице, и тут же забыл обо всем, кроме одного — его друзья в беде.

Было очень похоже на то, что теперь ночные гости решили навалиться сообща на его спутников. Выбежав из-за угла, он увидел раненного в грудь Бергона, который, припав на одно колено, отбивался сразу от двух бандитов. Олвине и Калиму было легче — стоя спина к спине, они сражались с тремя разбойниками.

— Кром!— взревел Конан, надеясь криком отвлечь мерзавцев от своего молодого товарища.

Двое в масках мгновенно обернулись к нему, и Бергон рухнул на землю — остатки сил покинули его. Издалека донесся перестук копыт, но Конану было не до этого. Он налетел на ближайшего к нему бандита, и тот мгновенно понял, что в этом поединке ему суждено умереть. В отчаянии он еще попытался закрыться клинком, но тяжелый двуручный меч Конана расколол его оружие, заодно снеся и голову бандита.

Затем случилось нечто странное, что заставило даже привыкшего ко всему киммерийца удивленно замереть, упустив драгоценное время. Десять коней ворвались в ворота, но всадники были только на двух из них. Зато четверо оставшихся в живых налетчиков, только что рьяно атаковавших Конана и его спутников, дружно бросились наутек. Они оседлали свободных скакунов, и, подняв тучу пыли, отряд исчез так же внезапно, как и появился.

На первый взгляд все выглядело нормально: почувствовав, что сейчас весь постоялый двор окажется поднятым на ноги и им несдобровать, бандиты спешно удрали. Поступок казался совершенно разумным, если бы не одно «но» — напарник сражавшегося с Конаном бандита на лету подхватил срубленную киммерийцем голову своего товарища и скрылся вместе с ней! Если бы не это, северянин не дал бы уйти мерзавцу, но, сам того не желая, замер на миг, пораженный, и время оказалось упущено.

— Кром!— выругался киммериец, сплюнул в сердцах, подбежал к лежавшему на земле Бергону.

Увидев его, тот попытался улыбнуться, но вместо этого мучительно закашлялся кровью.

— Ты как?

— Да вроде жив.

Он вновь попытался улыбнуться, но сморщился от боли. Одежда на правой половине груди была обильно пропитана кровью. Судя по всему, оружие пробило легкое.

— Крепись, парень, от таких ран не умирают… Да позовите же кто-нибудь Вербара!— крикнул Конан, ни к кому не обращаясь, но несколько человек из обступившей их толпы поднятых на ноги домочадцев бросились в дом, однако старец уже и сам спешил к ним.

Склонившись над юношей, он сразу понял, в чем дело.

— Переносную кровать, живо!— крикнул он.— Горячей воды и побольше чистого полотна и света! И не толпитесь вокруг — ему нужен воздух!

Конан с облегчением вздохнул — за жизнь его молодого друга теперь можно было не беспокоиться — и отошел к Олвине и Калиму, стоявшим несколько в стороне.

— Видели?— спросил киммериец неизвестно о чем, но оба его прекрасно поняли.

— Да,— кивнула девушка,— не совсем обычно.

— Быть может, они были братьями,— высказал свое предположение Калим.

— А-а! Брось! В тебе слишком много благородной крови! — Конан досадливо поморщился.— Эти скоты мать родную продадут за гнутый медяк!

— Тогда зачем им это? — невозмутимо поинтересовался зингарец.

Не зная, что ответить, Конан раздраженно хмыкнул, и тут его осенило.

— Они не хотят, чтобы их узнали! — воскликнул он.— Недаром они и сражались в масках!

— Быть может, и так.— Калим пожал плечами.— Во всяком случае, это легко проверить.

Не сговариваясь, все трое бросились к конюшне. Под самым окном валялись два трупа. Безрукий был аккуратно обезглавлен, но ни его головы, ни головы его приятеля нигде не было видно.

— Ну, дела!— Олвина покачала головой.— Безголовые бандиты — это что-то новое!

— А ведь должен быть еще один! — воскликнул Конан и бросился в дом.

Он ворвался в комнату, занимаемую двумя старцами. Пришпиленная его кинжалом к стене, рука бандита покоилась на прежнем месте, но ее неестественная неподвижность показалась киммерийцу подозрительной. Потайную задвижку удалось найти достаточно быстро. Замаскированная под резную панель маленькая дверца открылась, словно, сама собой. В узком, запыленном, сплошь затянутом паутиной коридоре лежал обезглавленный труп, левая рука которого по локоть уходила в стену. Залившая все вокруг кровь уже застыла темной коркой, и Конан понял, что больше ему здесь делать нечего.

В дорогу собрались лишь после полудня. Бергон с тугой повязкой на груди был бледен, но держался молодцом. Хозяин постоялого двора, низкорослый толстяк, лишь сокрушенно качал головой, не в силах прийти в себя после ночного кошмара, когда «полторы сотни разбойников попытались перерезать всех его постояльцевэ! Конан ухмыльнулся про себя, представляя, как стремительно будет расти в его рассказах число ночных бандитов!

— Кто бы мог подумать,— безостановочно вздыхал толстяк,— всего месяц назад купил это дело, был уверен, что изучил весь дом с крыши до подвала, и вдруг такое!

Однако, когда киммериец хотел дать ему десяток золотых, чтобы он ухаживал за Бергоном как следует, тот наотрез отказался.

— Это случилось в моем доме, и, значит, забота о раненом полностью лежит на мне! — тоном, не терпящим возражений, заявил он, и Конан враз

зауважал добродушного толстяка.

— Не отчаивайся, друг мой.— Киммериец присел у кровати раненого. — Не знаю, свидимся ли, но в любое время приезжай ко мне в Тарантию.

— Да где же мне искать-то тебя? — удивился юноша.— Город ведь огромный!

— Где же еще, как не в королевском дворце!— рассмеялся Конан.

— Так ты…— начал Бергон и осекся.— О, пресветлый Митра, какой же я болван!

Часть третья
ПОСЛЕДНИЙ БАРЬЕР

Глава первая
ПОНЕМНОГУ ОБО ВСЕМ

Зенобия склонилась над сыном, поцеловала его в щеку, поправила одеяло и ласково улыбнулась, но глаза ее невольно выдавали тревогу, и Конн, несмотря на то, что был всего лишь мальчиком, сразу почувствовал это.

— Ты думаешь об отце?

Под пытливым взглядом сына королева вновь улыбнулась, на этот раз уже грустно, и присела на край кровати.

— Да, милый,— мягко ответила она.— Мне очень тревожно. Он вытащил руку из-под одеяла, и его маленькая ладошка легла на ладонь матери, делясь с ней теплом и уверенностью.

— Он вернется, мама,— сказал принц просто, но она против воли сразу поверила ему, и нахлынувшая волна нежности к сыну наполнила слезами глаза.— Он сильнее всех!

— Конечно, он вернется,— ответила королева, чувствуя, как предательски дрожит голос.— Я никогда не сомневалась в этом.— Она встала, потому что боялась, что еще немного, и расплачется.

— Ты не посидишь со мной? — огорчился Кони.

— Уже поздно, дорогой,— улыбнулась она,— пора спать. Завтра поговорим.

Зенобия развернулась, скользнув взглядом по огромному, в полстены, зеркалу и замерла от изумления. Она увидела в зеркале себя, увидела сына, камин за спиной и большой стол перед ним, накрытый синей бархатной скатертью,— все выглядело как обычно, но в то же время было зыбко и неустойчиво, словно взгляд сквозь слезы. Впрочем, может, так оно и было? Королева зажмурилась и подавила рвущийся наружу вздох.

— Что это, мама?— услышала она голос сына, вдребезги разбивший шаткую надежду.

Она открыла глаза и увидела, что Коня стоит рядом, напряженно всматриваясь в плывущее перед глазами отражение.

— Не знаю…— Королева покачала головой и внезапно спохватилась: — А ну-ка одевайся! Мне кажется, нам лучше уйти отсюда!

Однако они не успели ни одеться, ни тем более уйти. Стеклянная отражающая пленка вытянулась внутрь комнаты, почти до середины ее, по-

прежнему отражая находившиеся внутри предметы, но искажая их самым немыслимым образом. Гигантская капля приняла вид огромной головы чудовищного монстра. Монстр открыл пасть и потянулся к застывшим в шаге от него людям. Огромные клыки клацнули в локте от лица королевы, своим телом заслонившей сына.

— Убирайся, тварь!— крикнул Конн, ударив игрушечным мечом по зеркальному чудовищу.

Оглушительно зазвенев, зеркало лопнуло, рассыпавшись по полу с жалобным хрустальным звоном, который на миг заглушил рев монстра. Похоже, ему удар пришелся совсем не по вкусу. Он изменился. Теперь голова чудовища выглядела так, словно была сложена из гранитных блоков. Тварь выглядела не на шутку разозленной. Она рвалась вперед, к прижавшимся к противоположной стене людям.

Лицо Зенобии исказилось от ужаса, но, несмотря на протесты сына, она по-прежнему пыталась закрыть его собой, и лишь то, что она защищает от смерти собственное дитя, не позволяло королеве потерять сознание. Кони вырывался, пытаясь вступить в бой. Ему даже удалось пару раз ударить каменного монстра, прежде чем тот, разъярившись и оглушительно взревев, полез внутрь комнаты, заполняя собой почти все свободное пространство.

Огромные каменные лапы с кривыми чудовищными когтями появились справа и слева от головы. Прямоугольник двери неправдоподобно исказился как раз в то мгновение, когда она открылась, и привлеченный шумом стражник ворвался внутрь комнаты. Не успев даже понять, что происходит, он тут же оказался раздавленным. Брызнула кровь, словно то был не человек, а наполненный алой жидкостью бурдюк. Зенобия сдавленно крикнула, теряя сознание, и без чувств повалилась к ногам сына.

* * *

Стоя по ту сторону врат, Черная Роза Сета не видела, что происходит в комнате, но зато она видела, как вызванный ею монстр Отца Тьмы все глубже забирается в комнату, как видно, сильно разозленный чем-то. Она расхохоталась. Великий Змей предупреждал, чтобы она не пыталась убить королеву или Конна, что это бессмысленно — путь к ним закрыт. Что ж,

быть может, но еще немного — и даже сквозь закрытый проход вызванному ею чудовищу удастся раздавить ненавистных людей!

Ее бросило в жар от предвкушения близкой и совсем нежданной победы, на которую колдунья не смела и надеяться, ведь она хотела совсем иного! Ее целью было внушить страх королеве, чтобы в безотчетном порыве та рассказала кому-нибудь о своей тайне, нарушив тем самым договор с отступницей Деркэто.

Если Митра узнает об этом, он собственной рукой покарает королеву за своеволие! Это было бы сладостной местью, сотворенной чужими руками, но так, пожалуй, еще лучше.

Монстр влез во врата почти наполовину. Ну! Еще немного! Роза закрыла глаза, и ей показалось, что она слышит, как трещат кости ненавистных людей. Она представила, как будет метаться Конан, когда вернется и узнает, как погибла его семья, а потом она расправится и с ним тоже, и не просто расправится, а принесет в жертву, благо Харлем добыл ей Клинок Тьмы. Воистину порой от грязи пользы бывает больше, чем от людей! Конан умрет, чтобы возродиться после смерти и стать ее вечным рабом!

Монстр ревел, разъяряясь все больше, и звук его голоса сладчайшей музыкой звучал в ушах колдуньи, когда все вдруг кончилось. Сперва ящер взревел, и она подумала, что это победа, но голос его звучал как-то странно. Из него исчезла злость, ноток торжества так и не появилось, их место заняла боль. Потом все стихло.

Роза открыла глаза и увидела мертвого человека, страшно обожженного, словно вынутого из топки плавильной печи. Кожа на теле вздулась пузырями, местами обуглилась, источая потоки смрадного дыма. В правой руке он сжимал разорванный стальной ошейник. Колдунья опешила, не понимая, что же произошло, и тут она увидела в овале врат человека… Проклятого Могильщика, с которым судьба уже сталкивала ее когда-то. Он стоял и, сурово нахмурившись, смотрел на нее, молча и не двигаясь, словно рассматривал не прекраснейшую из когда-либо живших на земле женщин, а гнусную тварь, которая недостойна жить в этом мире, но которую нельзя раздавить просто так.

— Ты превысила свои права,— изрек он со спокойствием, от которого колдунью невольно бросило в дрожь.— Не пытайся сделать это еще раз, иначе кончишь, как он.— Мэгил указал рукой на дымящийся труп.

В бессильной злобе Роза сжала кулаки. Ее длинные ногти впились в ладони, пронзив кожу и окрасив пальцы кровью, но эта боль отрезвила ее, позволив подавить предательскую дрожь в голосе, и ни один мускул не

дрогнул на лице ведьмы.

— Тебе ведь очень хочется этого, верно? — Она сделала над собой усилие и улыбнулась.— Ну, так убей меня, если можешь! — с ненавистью прошипела колдунья и на несколько мгновений замолчала, ожидая его ответа, а не дождавшись, рассмеялась.— Не можешь? — игриво спросила она, но лицо ее тут же словно окаменело и сделалось страшным.— Ну а не можешь, так проваливай! Слова мало что значат! А на будущее запомни: я — Черная Роза Сета! И я делаю, что хочу!

Она взмахнула рукой, и образ ненавистного Могильщика пропал. Довольная собой, колдунья улыбнулась. Подумать только, она едва не позволила напугать себя! И все-таки одержала верх! Окрыленная этой победой, Роза расхохоталась, подошла к покойнику и, с неожиданной для хрупкой женщины силой толкнув его ногой в плечо, заставила труп перевернуться. «А он был довольно красив, этот человек»,— отметила про себя ведьма, нагнулась и вытащила из его ладони ошейник. Что ж, так еще лучше. Пусть Конан остается в живых! Покорность, память и вечная душевная боль врага — что может быть слаще этого! А какой облик ему придать, она еще подумает!

* * *

— Я рад, Мхомур, что ты пришел так быстро, и еще больше рад тому, что ты не просто прислал своих людей, но прибыл сам,— дело предстоит нешуточное.— Кстати, где они?— Руф попытался изобразить на своем худощавом, по-лошадиному вытянутом лице приветливую улыбку.

— Внизу, в деревне,— проворчал кабатчик, стоя в дверях.— Нечего им здесь делать.

Слева на поясе у него висел короткий прямой меч, справа — кинжал. Он стоял, привычно держась за их рукояти, и мрачно осматривал комнату.

— И то верно,— поспешно согласился колдун.— Ну, так входи же, чего ты ждешь? Или ты все-таки не один?

Мхомур подозрительно покосился на дверь, опасаясь сам не зная чего.

— Один.— Кабатчик, наконец, неуклюже перекинул деревянную ногу через высокий порог, вошел в обширную, плохо освещенную комнату и уставился на ее хозяина, словно теперь лишь его увидел.— Просто темно у тебя здесь, как на Серых Равнинах, а с моей деревяшкой нужно двигаться

осторожно.

— Сдается мне, что ты кого-то опасаешься,— посчитал нелишним заметить колдун.— Надеюсь, не меня, а больше здесь никого нет! Так что проходи и присаживайся. Разговор у нас будет долгим.

— Это верно.— Мхомур доковылял до стола, за которым сидел Руф, кряхтя опустил свое грузное тело в жалобно скрипнувшее под ним кресло и окинул многозначительным взглядом сгорбленного тщедушного колдуна.— Долгим будет разговор.

— Что ты хочешь этим сказать, друг мой?— Колдун насторожился, хотя гость его всего лишь повторил его слова. Похоже, тревога, которую он испытал лишь мельком, не была случайной.— Говори,— вкрадчиво продолжил он,— между друзьями не должно быть недомолвок.

— Ты прав, а потому скажу прямо. Мои люди недовольны,— проворчал Мхомур, стараясь не смотреть в глаза колдуну.

— Чем же?— Руф недобро покосился на своего давнего сообщника.

— Этот киммериец оказался силен драться! — зло выплевывая слова, ответил кабатчик.— Он уложил двух моих лучших бойцов! Еще двоих пришлось добить, чтобы их не опознали, и моим людям это не нравится!

— Вот как!— Руф презрительно усмехнулся, откидываясь в кресле.— А ты разве им не объяснил, за что я вам всем плачу? Да, кстати, и тебе тоже.

— Можно подумать, я без тебя не проживу!— зло огрызнулся одноногий.

— Проживешь,— неожиданно спокойно согласился колдун,— но согласись, что со мной гораздо сытнее и намного безопасней… Разве не так?

— Верно, верно!— Кабатчик раздраженно махнул рукой.— Твоя, правда. Но не забывай и ты, что так было лишь до недавнего времени, а теперь все изменилось! Деньги-то остались прежними, а платить за них приходится уже не риском, как то бывало раньше, а жизнями! Мудрено ли, что мои люди зароптали? Они ведь нанимались ко мне вовсе не затем, чтобы стать покойниками, пусть даже за очень приличное вознаграждение! Деньги нужны, пока ты жив! — Мхомур многозначительно посмотрел на колдуна.— На Серых Равнинах они ни к чему!

— Так ты что же, решил расторгнуть наш договор?!— прошипел колдун, привстав и нависая над столом. Седые космы затенили лицо, сделав его еще более зловещим, и столько злобы и яда источал его взгляд, что даже видавший виды кабатчик внутренне содрогнулся.— Смотри!— Руф нацелился в Мхомура длинным корявым пальцем, отбросившим на

стену уродливую тень.— Пожалеешь!

— Уж не угрожаешь ли ты мне?

Несмотря на леденящий душу страх, глаза кабатчика зло сверкнули, налившееся кровью лицо стало багровым и страшным. Некоторое время оба буравили друг друга яростными взглядами. Воистину, то была достойная пара мерзавцев! Наконец Руф медленно опустился в кресло.

— Я близок к завершению главного дела своей жизни, — медленно проговорил колдун, устало прикрыв глаза.— Объясни своим людям,— продолжил он, помолчав,— что, если они выполнят мою просьбу, все до конца своих дней не будут ни в чем нуждаться.

— Те, кто останется в живых?— уточнил Мхомур.

— Те, кто останется в живых,— согласился Руф.— Но теперь они знают противника, и если перестанут вести себя как стадо баранов, то никто из них больше не погибнет.

— Должно быть, где-то лежит очень много денег…— задумчиво произнес кабатчик, не сводя пристального взгляда с колдуна.

— Хватит на всех,— нехотя ответил тот.

— На всех? — Мхомур прищурился.— Это очень много!

Руф едва не вскипел, но тут же взял себя в руки. В конце концов, не он ли говорил, что готов отдать все, лишь бы получить то, что ему нужно? Что же мешает теперь сдержать слово?

— Я готов отдать все,— тихо сказал он.— Ты ведь знаешь, что деньги меня не интересуют.

— Деньги? Все… Хм…— Мхомур задумался. Он почувствовал, что одерживает верх, и не собирался сдавать позиций. В таких ситуациях он привык идти только вперед. Напролом!— Ничего не скажешь, красивые слова, только вот что они значат? Назови сумму, и если мои люди сочтут ее достаточной…

— Я не знаю, сколько там точно,— честно признался Руф,— но, если мы возьмем клад, каждый из твоих людей сможет купить поместье хоть в Зингаре, хоть в Туране и еще останется!— Колдун поднял взгляд на одноногого.— Тебе достаточно? Или все-таки мало? — спросил он с издевкой, которой его изумленный сообщник даже не заметил.

Кабатчик расслабился и прикрыл глаза рукой, делая вид, что поглощен размышлениями. Сердце бешено колотилось, но он знал, что не следует торопиться и нельзя показывать радости. Раз старый скряга согласен расплатиться так щедро, значит, он действительно нуждается в его людях. Хм… Каждому по поместью — какие деньжищи! От них так просто не отказываются, даже такие, как Руф… Что-то тут не так… Больно легко он

согласился. Отдать все… А что получит он сам? Ба! А не решит ли он покончить со своими помощниками после того, как они сделают свое дело? От этой мысли одноногого бросило в холод, но он тут же успокоил себя и поздравил с тем, что вовремя раскусил гнусные планы чернокнижника. На душе сразу стало легче. Недаром говорится: предупрежден — значит, вооружен! Мхомур едва не рассмеялся. Какая дешевая приманка! Ну нет, не на того напал! Да, ты отдашь все — все, что у тебя есть, скупец, включая и свою никчемную жизнь! Но сначала скажешь, где клад!

— Хорошо.— В глазах одноногого промелькнул коварный огонек и тут же потух.— Я согласен.— Он облизнул пересохшие от волнения губы.— Что-то в горле пересохло,— вполне искренне сознался он.— Угостил бы вином старого друга?

Он натянуто улыбнулся, изо всех сил стараясь, чтобы колдун не заметил его волнения.

— Да разве ж я пью вино?— лицемерно ответил хозяин.— Так, иногда балуюсь. Я думал, ты привезешь с собой.

— Не любишь ты меня, старый скряга,— неловко пошутил кабатчик. — Если бы ты знал,— прокряхтел он, вставая,— как мне опостылела эта деревяшка!

Мхомур развернулся и неуклюже побрел к двери. Он не видел, как медленно сползла улыбка с лошадиной морды колдуна, уступив место злому выражению, ясно говорившему о том, что он тоже пришел к какому-то важному для себя решению.

Руф встал с кресла, шагнул к стоявшему рядом сундуку и, отворив его, достал резной ларец розового дерева, который был украшен массивным золотым пауком, вцепившимся в его крышку. Поставив ларец на край стола, он уселся обратно.

В это время кабатчик вернулся и, едва отворил дверь, тут же увидел шкатулку, появившуюся на столе. Он шагнул внутрь, в правой руке неся вместительный бочонок, который вскоре оказался на столе, рядом с парой уже поджидавших его кубков.

Мхомур уселся в кресло и налил вина.

— Этому розовому туранскому уже две сотни лет,— с гордостью заметил он.

— Наверно, стоит немало?— поинтересовался колдун, недоверчиво принюхиваясь к содержимому кубка.

— Конечно,— ухмыльнулся кабатчик и сделал большой глоток.— Но ты же знаешь, я терпеть не могу дурного вина!

Руф, видя, что гость его с удовольствием потягивает напиток, отхлебнул из своего кубка.

— М-м-м! — оценивающе промычал он.— А винцо и в самом деле славное.

Он удовлетворенно причмокнул губами и залпом осушил кубок, но так и не утолил мучившую его жажду.

— Похоже, твой запрет на вино не распространяется на чужие запасы, — ехидно заметил Мхомур.

— Жажда мучит,— объяснил колдун.

— Может, еще?— участливо поинтересовался кабатчик.

— Не откажусь.

Второй кубок последовал за первым, и Руф откинулся на спинку кресла. Мхомур едва не расхохотался: как же легко оказалось обвести вокруг пальца такого грозного, сведущего в колдовстве мерзавца, каким был долгие годы внушавший ему безотчетный ужас Руф! Верно говорят мудрецы: мир велик, и, если хочешь достигнуть многого, не замыкайся на одном! Долгие годы сидения в каменном склепе заставили забыть грозного колдуна о простом человеческом коварстве! А ведь если бы он оказался чуточку повнимательнее, то, несомненно, заметил бы, что себе гость наливал, поворачивая ручку краника влево, а колдуну — вправо. Казалось бы, разница невелика, но она очень важна, если знать о перегородке, отделяющей туранское розовое отравленное от просто туранского розового! Говорят, что умные учатся на чужих ошибках, лишь дураки постигают сложности жизни на собственных. Бедняга Руф! Оказывается, ты даже не глупец, ведь эту ошибку тебе уже не исправить!

Мхомур прильнул губами к кубку, чтобы скрыть торжествующую улыбку. Теперь остается лишь подождать совсем немного.

— Что это за шкатулка? — спросил одноногий, решив, наконец, что настало время задать мучивший его вопрос.

— Это мой подарок тебе. В знак нашей дружбы и чтобы загладить возникшую между нами размолвку,— ответил колдун и, с удовлетворением заметив мелькнувший во взгляде кабатчика алчный огонек, добавил:— Но об этом после. Он никуда от тебя не денется.

«Это точно!» — подумал одноногий, а вслух произнес:

— Хорошо. Тогда вернемся к кладу.— Он внимательно посмотрел в глаза сообщнику. С этим вопросом следовало покончить, пока яд не начал действовать.— Ты говорил, что все можно сделать по-умному и без потерь. Так как это сделать? А главное — где клад?

Колдун с готовностью кивнул:

— Помнишь пещеру, что я тебе как-то показывал? Он там. От тебя требуется лишь скрытно сопроводить до нее наших подопечных, незаметно расположить своих людей вокруг и, дождавшись, когда все будет вынесено наружу, уничтожить наших друзей. Согласись, что даже доставивший тебе столько хлопот киммериец не сумеет увернуться от арбалетного болта. Так что на этот раз все будет просто и без затей.

— Что ж, твоя правда,— согласился кабатчик, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие, когда увидел, как вдруг напрягся в своем кресле колдун и отвисла его лошадиная челюсть, словно у готового заржать от обиды и боли старого коняги, почувствовавшего неожиданный удар всадника. Его выпученные глаза безумно вращались, трясущаяся рука массировала впалую грудь.

— От-ткуда эт-та боль?!— прохрипел он, и взгляд его впился в принесенный гостем бочонок.— Т-ты!..

Застигнутый новым приступом боли, он не закончил фразы, но Мхомур замахал руками.

— Да ты что?!— воскликнул он, со страху весьма натурально изображая негодование.— Я же сам пил из него!

Он схватил со стола кубок, подставил его под кран и повернул рукоять влево. Дождавшись, когда кубок наполнится, одноногий залпом выпил вино. Его действия слегка успокоили Руфа, да и боль несколько поутихла. Мхомур же не на шутку испугался. Конечно, когда яд вступит в силу, колдун сможет лишь судорожно корчиться, не в силах даже закричать. Тогда ему будет не до колдовских пассов руками и произнесения заклинаний, но пока…

Колдун же, казалось, пришел в себя. Лишь испарина на лбу говорила о том, что ему пришлось перенести несколько весьма неприятных мгновений. Кабатчик участливо заглянул ему в глаза:

— Быть может, действительно дело в вине? С непривычки-то оно…

Руф пресек его излияния взмахом руки.

— Так твои люди в деревне?— спросил он и, дождавшись утвердительного кивка кабатчика, переспросил:— Все?

— Все,— с готовностью ответил тот, и тут второй приступ заставил Руфа схватиться за грудь, раздирая на себе одежду.— Да что с тобой, почтеннейший? Быть может, еще вина, или уже хватит?

Руф нашел в себе силы посмотреть в ухмыляющееся лицо гостя и мгновенно догадался обо всем, хотя по-прежнему не понимал — как? В глазах его было столько ненависти, что, если бы взгляд мог жечь, от Мхомура осталась бы лишь горстка пепла. Руф открыл рот, попытался что-

то сказать, и одноногий в очередной раз испугался: что, если он все-таки сможет? Но колдун лишь сдавленно захрипел. Мхомур облегченно вздохнул, хотя руки его предательски затряслись, выдавая невольно охвативший его страх.

Словно страшась содеянного, кабатчик отвел взгляд от колдуна, и сразу вспомнил об оставшейся на краю стола шкатулке. Интересно, что в ней? Он протянул руку, но тут же отдернул ее, поскольку память заботливо подсказала ему последний вопрос Руфа. Одноногий знал, что несколько раз тот имел дело с его помощником, и, судя по всему, вопрос был задан неспроста… Не приготовил ли колдун своему другу неприятный сюрприз?

Мхомур был прекрасно осведомлен о хитроумных уловках вроде отравленных шипов на ручке или подпружиненном жале, выскакивающем из замка, а потому он осторожно придвинул шкатулку к себе и, старательно избегая ненавидящего взгляда сотрясаемого судорогами колдуна, осторожно откинул крышку кинжалом. Внутри лежало нечто закрытое бархатным покрывальцем с вышитой на нем черным шелком точной копией золотого паука, сидевшего на крышке.

Кабатчика обуяло любопытство: что же находится там, под бархатом? Он потянулся кончиком кинжала, намереваясь поддеть его, когда паук вдруг ожил, прыгнул ему на ладонь и быстро побежал по руке. Глаза Мхомура округлились от ужаса. Он неловко попытался вскочить, стряхнуть тварь, но деревяшка предательски скользнула по полу, он упал в кресло, как раз в то мгновение, когда паук прыгнул ему на лицо и вонзил в щеку ядовитые жвала.

— А-а-а!— отчаянно закричал объятый ужасом кабатчик, оторвал паука от лица и раздавил его в ладони.

Шелковистая шкурка лопнула, и желто-зеленая слизь потекла между пальцами. Мхомур брезгливо вытер ладонь о куртку, оперся о подлокотники, и ему удалось, наконец, встать. Трясущейся рукой он ощупал быстро распухающую щеку, когда взгляд его встретился со взглядом колдуна. Боль нещадно скрутила тело Руфа, но глаза его пылали торжеством.

— Что… Что это было? — пролепетал он распухшим языком, который продолжал раздуваться, заставив открыть рот, словно Мхомур откусил слишком большой кусок и теперь не мог его выплюнуть.

Это было последним, что одноногий сумел произнести. В следующий миг он замычал от невыносимой боли, когда нос и щеки увеличились в объеме настолько, что начала лопаться кожа на лице, раздувшийся язык с хрустом вывернул нижнюю челюсть, а мозг начал распирать черепную

коробку, пытаясь вытолкнуть наружу глаза. Мхомур успел услышать хрип колдуна и понять, что это смех, прежде чем глазные яблоки вывалились из глазниц и мозг потек по щекам.

Руф пережил своего сообщника всего на несколько мгновений, позволивших ему увидеть страшную кончину старого приятеля, перед смертью сумевшего отравить его самого. Грудь его сдавило стальными тисками. Колдун в последний раз захрипел и затих, теперь уже навсегда.

* * *

Конан остановился на развилке.

— По-моему, приехали.— Он обернулся к своим спутникам.— Велорий, где твоя карта?

Купец развернул свиток и сличил скопированную на него карту с местностью.

— Похоже,— сказал он, осматриваясь.

— Похоже! — фыркнул Конан.— Оно и есть!

— Значит, нужно считать развилки. Наша третья.

Отряд — два старца, Конан, Калим и Олвина — тронулся вперед. Однако они потратили еще полдня, прежде чем добрались до нужного места.

— Что теперь?

— Видишь двуглавую гору? — Конан вновь обернулся к спутникам.— Клянусь Кромом, это то, что мы ищем!

Они поехали вдоль дороги, отыскивая проход в густых зарослях акаций, пока не наткнулись на малоприметную тропу. Пройти по ней можно было лишь с большим трудом: коварные колючки то и дело пытались вцепиться в одежду, словно не желая пропускать незваных гостей, или уж, в крайнем случае, ободрать с них кожу.

Вскоре зловредные деревца стали попадаться все реже и, наконец, пропали совсем. Их место заняли низкорослые, кряжистые дубки, дававшие достаточно тени. Сквозь их густую листву не пробивались палящие лучи дневного светила, и это было как нельзя кстати: солнце припекало, хотя день был уже на исходе.

— На мой взгляд, нам стоит поискать место для ночлега,— сказал Конан, когда они достигли подножия горы.

Вербар привстал в стременах, внимательно огляделся и кивнул. Поиски оказались недолгими. Вскоре они нашли подходящее место под низко нависшим выступом скалы, где их не должно было быть видно с дороги. Костер весело затрещал, поджаривая тушу подстреленного киммерийцем оленя, и, пока Олвина раскладывала их припасы, а Калим занимался вином, Вербар отозвал Конана в сторону.

— Прости мне мое любопытство, но я все-таки хочу спросить: зачем тебе Шар Всевидения?

— Кто-то покушается на мою семью,— нехотя ответил Конан.— Этот кто-то имеет возможность в любое время появиться в любом месте, а сам прячется неизвестно где.

— Совсем неизвестно?

— Ну,— киммериец посмотрел ему в глаза,— если ты знаешь, где находятся развалины Лур-Дуна…

Он не закончил фразу, потому что по выражению лица мага понял, что тот прекрасно понимает, о чем идет речь.

— Лур-Дун… Хм…— Старец покачал головой.— Слышать-то я о нем слышал, но вот где он находится…— Он развел руками.— Ты прав, этого я действительно не знаю.— Вербар помолчал немного.— Ты, значит, решил добраться туда с помощью хрустального атрибута. Что ж, быть может, ты и прав. Кто же они, эти люди? — внезапно спросил он.

— Пелиас говорил о Руке Сета, даже читал выдержку на этот счет из свитков Скелоса. Он утверждает, что сбылось древнее пророчество. Кстати, я дрался с ними, но тогда мне повезло: я сумел застать их врасплох, и им пришлось спасаться бегством. Это четыре воина и Черная Роза Сета. Опять-таки, так называл ее Пелиас; Сама же она, послав мне записку с приветом, подписалась коротко — Рози.

— Вот это да!— воскликнул старый маг.— А дело-то нешуточное! Я ведь тоже слышал о четверке, которая творит черные дела! Они грозная сила! Как же ты собираешься одолеть их?

— Как, как…— проворчал в ответ Конан.— Выслежу через Шар, ввалюсь прямо под ноги и порубаю в капусту!

Вербар покачал головой.

— А с колдуньей что станешь делать? Ну, с этой Рози?— спросил он с сомнением в голосе.

Киммериец ничего не ответил, лишь недовольно поморщился. Видно было, что ему и самому не слишком нравится эта идея. Просто другой у него нет.

— Вот то-то и оно,— назидательно заметил маг,— тут надо все

хорошенько продумать. Быть может, стоит появиться не прямо перед ними, а, незаметно подобравшись, улучить момент для решающего удара?

— Ну, нет!— усмехнулся Конан.— Может быть, мой план и не слишком хорош, да только твой вообще никуда не годится.

— Это почему же?!— запальчиво воскликнул маг.

— Кром! Да если бы кто-то задумал добраться до меня, пройдя через весь мой дворец в Тарантии,— Конан усмехнулся,— то, поверь, он бы недалеко ушел! Так что появляться следует внезапно и совсем рядом!

— Что ж, быть может, ты и прав,— задумчиво отозвался Вербар,— но все равно один ты не справишься. Ты ведь сам говорил, что тебе просто повезло при первой встрече с ними, а теперь там будет и колдунья! Рука Сета в полном составе! Она сожмется в мощный кулак, отразить удар которого будет очень непросто!

— Я думаю, что Мэгил наверняка собирается отправиться со мной.

— Мэгил?— удивленно переспросил старый маг.— Никогда не слышал о нем.

— А почему ты должен был о нем слышать?

— Просто мне показалось, что ты говорил о нем как о маге.

— Нет, он не маг, но знает кое-какие магические штучки и то, что умеет, делает хорошо.

— И все-таки думаю, что пойти с тобой должен я. Конан удивленно посмотрел на Вербара.

— Я больше подхожу для этих целей,— объяснил тот.— К тому же я стар, и мне нечего терять.

— После поговорим об этом,— ответил Конан просто потому, что не знал, что сказать.

— Хорошо,— поспешно согласился маг.— Но это еще не все,— сказал он, и Конан вновь с интересом посмотрел на старца.— Ты должен уничтожить всех пятерых,— объяснил он,— а это значит, что у тебя должно быть четыре спутника, иначе дело заведомо обречено на неудачу.

— Ну, это как сказать.— Киммериец снисходительно улыбнулся.— В любом случае еще не время говорить о деталях.

— Я пойду с тобой,— раздался рядом звонкий голосок Олвины.

Конан недовольно поморщился.

— Вот они — плоды пустопорожних разговоров,— сказал он Вербару и обернулся к девушке.— Забудь об этом, милая. Там тебе делать нечего!

Она в досаде закусила губу:

— Мне кажется, что ты еще передумаешь.

* * *

После ужина Олвина подошла к Конану с весьма решительным видом и отвела в сторону, где никто не мог бы им помешать. Киммериец понял, что предстоит решающее объяснение, и приготовился держать оборону, но доводы девушки оказались столь горячими и весомыми, что отказать ей он не смог.

Засыпал Конан со странным чувством, в котором смешались облегчение, внушенное сознанием того, что он поступил как надо, раздражение от того, что пришлось-таки уступить, и странное ощущение, словно он провел начало ночи не с Олвиной и не она лежит сейчас рядом с ним, а кто-то другой. Кто-то давно знакомый, кого он никак не мог вспомнить теперь.

С этой мыслью он погрузился в пучину сна, надеясь, что, как это часто бывает, пробуждение принесет разгадку…

Вспыхнувшее перед глазами видение было неотличимо от яви. Яркий солнечный день, желтый песок и скалы, широкими, низкими уступами поднимающиеся кверху. Гигантские деревья вздымали свои кроны на немыслимую высоту, а ствол одного из них, самого величественного, Конану было бы не обхватить даже и за три раза.

В лазурном небе парили редкие белые облачка, не несущие дождя, и ветер гнал их подобно стаду белоснежных овечек, не останавливаясь ни на миг. Какой-то звук заставил Конана насторожиться, опустить глаза к корням гигантского дерева, и его тотчас бросило в жар, а сердце облилось кровью.

Рина резко вскрикнула, и левая ладонь ее оказалась пронзенной пробившей ее и впившейся в плотную древесину стрелой с черным древком, а слева чудовищный горбун уже натянул свой огромный лук, выжидая удобного момента для повторного выстрела. Женщина потянулась к стреле здоровой рукой, но хлесткая пощечина похожего на быка туранца отбросила ее спиной к дереву, на миг распластав на его необъятном стволе, и этого быстротечного мгновения хватило Родгагу, чтобы послать стрелу, пригвоздившую и правую руку женщины к стволу дерева.

Конан рванулся на помощь, но кровавая пелена затуманила его взор, а сердце бешено заколотилось в груди, ясно показывая, что все это бессмысленно. Когда к нему вернулась способность видеть, взгляд его оказался обращенным к Безымянному.

Чей Чен бился с Учителем. Их клинки звенели мерно и четко, словно мастер и подмастерье в четыре руки ковали чудесный меч. Оба стояли как вкопанные, не отступая ни на шаг, не в силах одолеть противника, но в то же время не желая уступать ему.

Лауда — так звали амазонку с хлыстом — развлекалась с молоденьким мальчишкой, уже умевшим кое-что, но освоившим это умение еще недостаточно для того, чтобы представлять собой реальную силу. Учитель только начал его обучение, и теперь хлыст амазонки довершал начатое, побуждая взять оружие, не давая сделать это и наказывая жалящим ударом за каждую неудачу.

Рядом Шагр скрестил свой боевой молот с клинком молодого мужчины, только что приведенного Риной к Учителю, и ни один из них не мог ни одолеть врага, ни отвлечься хотя бы на мгновение, чтобы помочь друзьям. Огромный рост, длинные руки и чудовищная мощь похожего на быка воина заставляли его противника действовать осторожно, потому что малейшая ошибка грозила роковым концом. В то же время Шагру никак не удавалось достать своим грозным, но тяжелым, а потому непригодным для подвижного боя оружием юркого человека, который всякий раз успевал либо отскочить, либо уклониться от удара и упорно продолжал выискивать удобный момент для решающей атаки.

Противник амазонки упал в очередной раз, и Лауда сделала было шаг к Безымянному, желая помочь ему в поединке с самым опасным из противников, но Чей Чен отрицательно качнул головой, давая понять, что справится сам. Лауда пожала плечами и, походя еще раз наказав едва не рыдавшего от отчаяния мальчишку очередным ударом, быстро пошла к Шагру, противник которого, неудачно отпрыгнув, оказался в опасной к ней близости. Хлыст амазонки мгновенно обвил его руку, державшую кривой туранский меч, и рванул ее в сторону. Человек потерял равновесие и повалился навзничь. Еще падая, он увидел, как чудовищный молот противника опускается на него. В глазах его промелькнул ужас надвигающейся смерти. В следующий миг кость черепа хрустнула, выпуская наружу выплеснувшийся мозг. Не в силах сдержать отчаяния, Рина закричала сквозь слезы, на миг позабыв о собственной боли.

Родгаг натянул свой чудовищный лук, но стрелять не торопился, и можно было только дивиться неимоверной силе, таившейся в его руках. Он словно ждал какого-то мгновения, и, когда выстрелил, стало ясно какого, хотя выпущенная стрела так и не настигла избранной стрелком цели. Учитель вдруг побледнел, превратился из человека в туманный силуэт, замерцавший радужными переливами, и в тот миг, когда стрела должна

была коснуться его тела, последние запоздавшие блики погасли. Стальной наконечник ткнулся в камень, но, не в силах пронзить его, лишь выбил сноп искр. Черное древко переломилось пополам и упало на землю.

— Зачем ты сделал это?

Голос Чей Чена звучал спокойно, но в глазах пылал бешеный огонь, и видно было, что сдерживает он себя с трудом.

— Прости,— ответил горбун со смирением, которого Конан никак не ожидал услышать,— хозяйка собирается прийти, и мы не имеем права рисковать ее жизнью. К тому же ты мог только проиграть. Посмотри! — Он с усмешкой кивнул на сломанную стрелу.— Старый хрыч и не собирался умирать!

Чей Чен обернулся и увидел, что в том месте, где должно было лежать мертвое тело его противника, никого нет. Он не успел ничего сказать. Воздух рядом с ним подернулся знойным маревом, начавшим энергично менять очертания, которое обрело форму человеческого тела, и тогда Конан увидел Рози. Она осмотрелась и кивнула Родгагу. Он натянул свой лук, и еще одна стрела вонзилась в дерево, пронзив правое плечо Рины. Она с трудом подавила стон, с ненавистью посмотрела на колдунью, и тут же левое плечо ее оказалось пробито таким же образом, и на этот раз ей не удалось сдержать крика.

Рози, как ни в чем не бывало, прошла вперед и остановилась перед сидящим на земле парнем. Ее взгляд был полон сожаления и почти ласков.

— Ты огорчен, что не смог помочь своим друзьям?— спросила она, прекрасно понимая, что должно твориться у него в душе. Теперь в голосе ее звучали озабоченность и сочувствие.

— Я огорчен, что не смог прикончить никого из вас!— с ненавистью бросил он, смахнув злые слезы.

— Прикончить?— Лицо Розы отразило искреннее удивление.— Но за что?

— Вы убили моих друзей!— в отчаянии выкрикнул он.

— И ты считаешь это достаточным основанием?— Словно заботливая мать, Роза печально покачала головой.

— Конечно!

Парень продолжал огрызаться, не понимая, к чему она клонит.

— Тогда мы квиты, — спокойно заметила она.

— Не понимаю,

Парень, похоже, впервые задумался над ее словами.

— Мы убили твоих друзей за то, что они убили очень многих наших друзей,— терпеливо объяснила она,— а ты сам только что сказал, что

такая месть справедлива.

— Не слушай ее!— крикнула Рина, но следующая стрела пронзила ей бедро, заставив застонать от боли.

— А твой Учитель учил их делать это!— как ни в чем не бывало закончила Рози.

Парень взвыл, и не успела Лауда даже поднять свою плеть, как он подхватил валявшийся на земле меч и почти без замаха ударил. На какое-то мгновение Конану показалось, что удар его достигнет цели, но клинок Чей Чена преградил ему путь.

— Ты попытался убить безоружную женщину. Это скверно,— грустно сказала Рози.— Но я тебя понимаю — ты очень любил Учителя.

— Да, я любил Учителя! — воскликнул парень.— Вы убили его! Я вас ненавижу! — выкрикнул он.

— Но мы не убивали его,— с деланным удивлением возразила Роза.

— Ты лжешь, ведьма!— в отчаянии крикнул он.

— Но зачем?— пожала она плечами.— К тому же это легко проверить. Посмотри, он бился рядом с тобой, но трупа нет! Он просто бросил вас, когда почувствовал, что терпит поражение.

— Не верь ей!— вновь закричала Рина, и следующая стрела, пронзившая вторую ногу, заставила ее умолкнуть.

— Он предал тебя и всех вас,— словно не слыша ее слов, продолжила женщина в платье из змеиной кожи,— а ты готов ради него расстаться со своей жизнью…

— Чего ты хочешь?

Парень совсем растерялся. Он не мог понять, к чему весь этот разговор и чего от него хотят.

— Я хочу, чтобы ты послушал меня, не перебивая.

— Говори,— хмуро ответил он.

Парень был совершенно сбит с толку и отчаянно хотел понять хоть что-нибудь.

— Пойдем с нами.— Она увидела, что он собирается возражать, и подняла руку.— Тебе нужны друзья? Ты получишь друзей! Тебе нужен учитель? Он у тебя будет. Ты хочешь иметь врагов, с которыми можно сражаться? Их будет в избытке! — Она испытующе посмотрела ему в лицо. — Ты спросишь, смогут ли тебя убить? Да, смогут, но тебя никогда не предадут друзья, не бросит учитель, как это случилось только что.

— Не верь ей!— снова крикнула Рина, но следующая стрела заставила ее захлебнуться собственным криком.

— Тебя ждет выбор — жизнь или смерть,— продолжала Роза.—

Смотри, мальчик, не ошибись и помни: очень многое зависит от того, на какой позиции ты стоишь, ведь даже смерть может быть и злом, и благом.

Похоже было, что парень потерял способность соображать. Только что все было просто и понятно. У него были друзья, и был Учитель — почти бог! И когда пришли враги, они бились с ними плечом к плечу! Но вот он остался один, и Учитель бросил его, позорно бежав, и от этого факта никуда не деться! Это просто не вмещалось в рамки его сознания! Он не знал, что ответить, а Рина беззвучно плакала, понимая, что первый же звук, который она издаст, вызовет новую стрелу и новую боль. Внезапно взгляд юноши упал на женщину, которая нынешним утром привела нового ученика, теперь лежавшего с размозженной головой.

— Что будет с ней?— внезапно спросил парень.

— Она умрет,— равнодушно ответила Рози.

— Вы оставите ей жизнь, если я пойду с вами?— спросил он.

— Что тебя так к ней привязывает?— удивилась колдунья.— Впрочем, если ты настаиваешь, пусть будет по-твоему.— Она решила сделать великодушный жест.— Пойдешь с нами, и она останется жива.— Колдунья посмотрела в глаза парню.— Ну?! Так да или нет?!

— Я согласен.— Он опустил голову, но вдруг вскинулся.— Только не вздумай обмануть меня!

— Не сомневайся,— успокоила его Роза,— я сдержу слово. К тому же ты всегда сможешь это проверить. Уведите его,— приказала она и тут же добавила: — А ты, Шагр, задержись.

— Что ты хочешь с ней сделать?— встрепенулся парень, заподозрив недоброе.

— Успокойся,— усмехнулась Рози,— я обещала сохранить ей жизнь и сдержу слово, но если оставить ее так, то вряд ли она доживет до утра.

Парень склонил голову и, стараясь не смотреть на Рину, пошел со своими провожатыми. Кто-то уже начертил Копыто Нергала, и, по мере того как они заходили в его узкое устье, силуэты их истончались и людей в долине становилось все меньше. Сперва пропал Чей Чен, за ним паренек, после него Родгаг, и последней исчезла Лауда.

Оставшись наедине с пленницей, Роза подошла к ней и, остановившись в двух шагах, окинула женщину придирчивым взглядом.

— Тебе повезло,— цинично усмехнулась колдунья.— Но, раз уж так случилось, быть может, и ты перейдешь на нашу сторону?

Рина посмотрела на нее полными слез глазами и плюнула в лицо. Роза достала кружевной платок и коснулась им щеки, вытирая плевок.

— Что ж,— она оставалась спокойной, но злобная усмешка появилась

на ее лице, не предвещая ничего хорошего,— я обещала сохранить тебе жизнь и не намерена нарушать слова. Но за то, что ты сделала сейчас, ты будешь наказана и день этот запомнишь на всю жизнь,— прошипела она.— Шагр, возьми ее!

Похожий на быка человек подошел к пленнице, достал кинжал и располосовал одежду Рины, так что она осталась перед ним совершенно нагой. Шагр окинул ее плотоядным взглядом и обернулся к своей повелительнице:

— Что я могу с ней сделать?

— Все, что тебе угодно, лишь бы она осталась жива. Нельзя нарушать данного слова!

Верзила ухмыльнулся, бросил на землю тяжелый боевой молот и медленно, со зверской ухмылкой глядя на жертву, начал обламывать древки стрел. Рина учащенно задышала и до крови закусила губу, стараясь не закричать от боли и невыносимого стыда. Глаза ее расширились от ужаса. Роза усмехнулась:

— Вперед, мой друг! А я, пожалуй, пойду. Не стану вам мешать.

Шагр осторожно ощупал тело женщины, заставив ее глухо застонать, потянул на себя, отрывая от дерева. Она не могла защищаться, и, когда ее отчаянный крик огласил Священную Рощу, киммериец содрогнулся и снова рванулся на помощь…

… Багряная, кровавая пелена стояла перед глазами, Конан ловил ртом воздух, не в силах отдышаться. Наконец его могучий организм взял свое, и он начал приходить в себя: багровая муть поредела, кровь перестала молотом бить в висках, дыхание успокоилось.

Олвина сидела рядом и печально смотрела на Конана.

— Ты любил ее?— спросила она, когда увидела, что взгляд киммерийца стал, наконец, осмысленным.

— Сейчас я думаю, что да,— ответил он.— Она ведь спасла мне жизнь, когда Митра лишил меня разума, но пути наши разошлись. Однако… Откуда ты знаешь? — спросил он, вглядываясь в бездонные глаза прекрасной немедийки.

Губы ее тронула едва заметная грустная усмешка, и это не ускользнуло от внимания Конана. На время он даже позабыл о своем сне, мгновенно припомнив чувство, с которым засыпал. Он внимательно посмотрел на свою подругу. Привыкнув видеть ее рядом и днем и ночью, киммериец даже перестал замечать ее красоту. Однако теперь он увидел, что многое изменилось: привычные жесты стали другими, мимика придавала лицу иные выражения, на смену порывистой грациозности женщины-воина

пришла томная женственность опытной куртизанки. Лишь любовь по-прежнему светилась в глазах. Правда, теперь Конан поймал себя на том, что все непривычное, подсказанное памятью, смутно знакомо ему.

— Кто ты?— спросил Конан.— Я вижу перед собой Олвину, но ты не она!

— Забыл…

Девушка грустно покачала головой и вдруг придвинулась к киммерийцу. Прекрасные глаза влажно блеснули, губы призывно дрогнули, лицо мгновенно преобразилось, излучая такую волну желания, что сердце Конана забилось, вот-вот готовое выскочить из груди. Она прильнула к его устам.

— Неужели забыл?!

Ее дрожащий голос прозвучал страстно, но чувствовались в нем и затаенная тоска и надежда.

— Деркэто!— выдохнул он.

— Ты только теперь вспомнил меня…— Она грустно покачала головой.

— Нет,— через силу улыбнулся Конан,— еще вчера я почувствовал тебя.

— Так ты не забыл?!

На миг надежда изгнала тоску, но вместо ожидаемого всплеска ответной радости она увидела словно окаменевшее лицо Конана.

— Зачем ты сделала это?

— Ты мне не рад…— с тоской произнесла она.

— Я рад видеть тебя,— сами собой произнесли его уста, и Конан понял, что это правда.— Но зачем ты сделала это? — повторил он.

— Та, чье тело я сейчас занимаю, просила меня соединить вас, и я решила попытаться.

— Кром! А ты отзывчива, Богиня Страсти! — горько усмехнулся киммериец.

— Твой сарказм не к месту, милый. В любви каждый старается для себя.

— Так ты…

— К чему скрывать то, что и так ясно, раз я здесь!

— Ты же знаешь, что это невозможно.

— А если бы?— не унималась она.

— Если бы…— Он задумался, но тут же тряхнул головой.— О чем ты говоришь! Для меня уже не может быть никаких если, ведь люди не бессмертны!

Однако Деркэто, похоже, извлекла из его слов, а быть может, и поведения что-то для себя важное, потому что удовлетворенно кивнула, и, хотя спорить не стала, вид у нее был весьма довольный.

— Так, значит, нет?

— Ты ведь знаешь — у нас разные пути,— уже совершенно спокойно ответил он.

— Все в жизни меняется. Как знать, быть может, и ты еще изменишь свое мнение,— заметила она.

— Что ты хочешь сказать?

Он обернулся к девушке и, увидев встревоженное лицо Олвины, поначалу ничего не понял.

— Что с тобой? — Она заботливо отерла пот с его лба.— Опять тот сон?

Это была Олвина, но теперь уже не только телом, но и душой, и Конан понял, что осознает это не без грусти. Однако он тут же подавил это чувство и, обняв девушку за плечи, успокоил ее:

— Все хорошо. Теперь я знаю все, и кто-то скоро ответит за это.

* * *

Зенобия не находила себе места. Ночью она проснулась словно от удара, с твердой уверенностью, что над мужем нависла неотвратимая беда. После пережитого накануне вечером ужаса, когда зашевелились древние стены замка и одна из них, приняв облик отвратительного монстра, попыталась расправиться с ней и с сыном, королева никак не могла успокоиться.

Люди были взбудоражены, замок напоминал гудящий улей, и полночи о сне никто не помышлял. Спать отправились лишь под утро. Зенобии с трудом удалось заснуть, когда в душу ее острыми когтями вцепилось предчувствие беды. Королева встала и остаток ночи металась по спальне, словно зверь, запертый в клетке, не находя себе места. К утру она решила, что делать, и, едва день вступил в свои права, бросилась в храм Митры, находившийся тут же, в замке Троцеро.

Собственно, это был не храм, а всего лишь небольшая комнатка, в которой было устроено святилище Митры. Доступ сюда имели лишь члены семьи, но Троцеро любезно предоставил ей с сыном возможность

возносить здесь свои мольбы Подателю Жизни.

Зенобия закрыла за собой дверь. Ее била нервная дрожь, ноги едва держали, и она без сил опустилась на колени, обратив пылающий взгляд к небольшой статуе Митры, которая стояла в неглубокой овальной нише, приподнятой над полом.

— О, Податель Жизни, Творец Всего Сущего,— молитвенно сложив руки, заговорила она быстрым, взволнованным шепотом,— молю и заклинаю: услышь меня и помоги! Ты знаешь, через сколько препятствий пришлось пройти мне, чтобы спасти свою любовь, так не дай же угаснуть жизни того, кому она посвящена. Если будет на то твоя добрая воля, возьми мою жизнь, но у него не отбирай

Она говорила и говорила. Слова лились из нее сами собой, складываясь во фразы, которыми она описала всю свою жизнь, от рождения и до сего дня. Словно отворились ворота шлюза и позволили выплеснуться тому, что она столь тщательно скрывала ото всех, даже от Конана, в течение стольких лет.

Сквозь слезы смотрела она на светлый образ Митры, и ей казалось, что он благосклонно, с отеческой улыбкой выслушивает ее исповедь. Но когда зазвучал рассказ о ее перевоплощении, словно грозовая туча пронеслась над его челом, придав лицу мрачное, жестокое выражение, и тогда Зенобия поняла, что поступок ее не понравился Подателю Жизни. Однако очень скоро лик Светлого Бога вновь прояснился, и она вздохнула с облегчением, но затем сомнения вновь вернулись к ней. Правильно ли она поступила, нарушив запрет Деркэто и рассказав об их договоренности?

Она говорила и изводила себя вопросом: показалось ей это или нет? Однако, как ни мучительны были сомнения молодой королевы, ответов она так и не получила. Она закончила говорить и молча смотрела в безжизненные глаза каменного бога, словно и впрямь ожидала от него вразумительного ответа. Внезапно она ощутила тяжесть в груди, почувствовала дурноту, голова у нее закружилась, и, чтобы не упасть, ей пришлось опереться рукой о стену.

Что это? Неужели всемогущий услышал ее и принял жертву? Она постояла еще некоторое время, стараясь не двигаться и приходя в себя, потом тихонько встала и склонила голову.

— Благодарю тебя, Пресветлый, за то, что внял моей просьбе. Пусть я умру, но он останется жив,— повторила Зенобия и нетвердой походкой пошла прочь.

* * *

Вход в пещеру больше походил на уродливую, не слишком заметную дырку в теле горы, края которой заросли мхом, а свешивавшийся почти до земли плющ закрывал ее едва ли не полностью.

Конан запалил факел, отвел живую занавесь в сторону и, согнувшись, вошел внутрь. Шагов пять ему пришлось идти в таком положении, потом ход резко расширился, киммериец смог выпрямиться и пошел быстрее. На пути ему постоянно попадались ответвления от основного хода, которые, впрочем, никуда не вели. Правда, среди них оказались два длинных коридора, отнявших достаточно много времени, прежде чем выяснилось, что заканчиваются оба тупиками.

Только после этого путники вновь двинулись вперед и вскоре подошли к месту, которое перегораживала невидимая преграда. Она не жгла и не отталкивала, как того можно было бы ожидать. Просто не пропускала сквозь себя ничего, кроме света факелов.

Люди стояли и смотрели на продолжение тоннеля, круто уходившего влево, но попасть туда не могли, и о том, что находится за поворотом, оставалось только гадать.

— Отойдите, друзья.— Вербар выступил вперед.— Это моя забота.

Он остановился в шаге от препятствия и долго глядел на прозрачную стену, словно рассматривал некий рисунок, видимый только ему, но никак не мог понять скрытого в нем смысла. Наконец он наклонил посох, и серебряный орел коснулся клювом невидимой преграды. Мягкое голубое сияние разлилось по ее поверхности, и Конан с удивлением увидел тяжелую дверь с множеством заклепок, скреплявших воедино ее части. Странная картина быстро потускнела и на глазах погасла, а киммериец так и не успел разглядеть какого-либо запора. Зато Вербар выглядел довольным. Он аккуратно прислонил посох к стене и, засучив рукава, подошел к проходу, который вновь казался пустым. Несколько мгновений он постоял опустив голову и сосредоточиваясь, потом руки его коснулись преграды и принялись осторожно ощупывать ее поверхность. Остальные зачарованно следили за его действиями — ведь от их успеха зависело теперь все. Наконец после одного из неуловимых движений, слившегося с сотнями предыдущих в единую цепь неудачных попыток, что-то звонко щелкнуло в невидимом механизме запора, и Вербар, опустив руки, вздохнул с облегчением:

— Все.

Олвина недоверчиво посмотрела на него, подошла поближе и остановилась рядом. Затем сделала шаг, другой, третий и, изумленная, обернулась:

— Стены больше нет!

Все бросились вперед, но, свернув за поворот, застыли в оцепенении. Огромные сундуки, маленькие сундучки, сундуки средних размеров были сложены друг на друга одной огромной горой, возвышавшейся посреди просторной пещеры. Их было не меньше четырех десятков, а то и больше, обитых железом и потемневшей от времени медью, обтянутых буйволиной кожей, а то и просто выкованных из бронзы, с висячими замками и запорами, врезанными внутрь стенок.

Конан обвел равнодушным взглядом огромную гору чужого добра и внезапно словно почувствовал незримый толчок. Он начал осторожно обходить рукотворный холм, пока не подошел к примостившемуся на крышке огромного сундука маленькому сундучку, обтянутому голубым сафьяном,— скорее, его можно было назвать большим ларцом — и открыл незапертую крышку. Ослепительное сияние залило своды мрачной пещеры, заставив людей прикрыть глаза.

— Факел! Конан!— закричал Вербар.— Убери от него факел!

Только когда факелы унесли за сундучную гору, на Шар стало можно смотреть безболезненно. Теперь он переливался мягким бело-голубым сиянием, в котором угадывались ясная синева небес и ослепительно белые снега на вершинах северных гор, свежесть весеннего утра и ласковое солнечное тепло. Он источал дремавшую до поры мощь пламени, бушующего в кузнечном горне, и прохладу студеного ключа, а свет его и бодрил, и освежал.

Это был он — Шар Всевидения!

* * *

Солнце жгло немилосердно. Конан поднял руку и натянул поводья. Конь его остановился и начал отфыркиваться, старательно освобождая ноздри от набившегося внутрь песка. Спутники киммерийца — Вербар, Олвина и Калим — остановились рядом.

— Далеко еще? — спросила девушка, останавливая своего коня рядом.

Конан прикрыл от палящего солнца глаза и осмотрелся из-под ладони. Во все стороны, насколько хватал глаз, тянулось однообразное желтое поле. Разница состояла лишь в том, что где-то это была плоская равнина, а в иных местах ее сменяли волны барханов. Жаркий воздух, неровными волнами поднимавшийся от раскаленного песка, причудливо искажал неясно видневшиеся вдалеке купола и башни, придавая им странный, призрачный вид. Однако Конан признал в них Ханарию.

— Теперь уже скоро,— сказал он, удовлетворенно кивнув.— Ну! — Он шлепнул своего гнедого по крупу.— Пошевеливайся! Пелиас уже заждался!

Однако кони, словно, и сами почуяли близость долгожданного жилья, где можно будет отдохнуть, вдоволь напиться воды, и припустили, будто не проделали только что изнурительный переход под палящим солнцем. Око Митры клонилось к закату, когда маленький отряд въехал в ворота, и Конан с удивлением узнал Крассида — сотника стражи Западных ворот. Видно, что-то не сложилось в жизни бородача, раз он так надолго засиделся на этом месте. Впрочем, Конану не было до него дела. Он лишь отметил, что воин остался таким же, как и во время их первой встречи, разве что седины в бороде прибавилось.

Проезжая мимо, Конан кивнул ему как старому знакомому и с удовлетворением увидел, что тот ответил на его приветствие. Киммериец натянул поводья.

— Ты не забыл меня, старый вояка?

— Таких, как ты, не забывают! — ухмыльнулся тот в бороду.

— А где молодой забияка, что так не хотел впускать меня в прошлый раз?

— Такие долго не живут. Его прирезали через год.— Крассид досадливо поморщился.— Что поделаешь, он так и не научился вежливо разговаривать с гостями славной Ханарии.

— Чего не скажешь о тебе,— улыбнулся Конан.— Что ж, выпей за мое здоровье!

Киммериец бросил бородачу империал, который тот ловко подхватил на лету.

— С большим удовольствием, господин.

Проехав мимо, Конан свернул налево и направил отряд по узкой кривой улочке, уводившей к северной части города, где в высокой башне жил Пелиас.

— Великий Митра,— изумленно прошептала Олвина, увидев, сколько золота вмуровано с раствором в каменную кладку,— да на это золото можно…

Конан ухмыльнулся и, толкнув тяжелую металлическую дверь, бесшумно отъехавшую внутрь, пошел за знакомым уже огненным шариком, который так же внезапно, как когда-то, вспыхнул перед самым его лицом. Он был готов к этому, но вновь, как и десять лет назад, невольно отшатнулся.

— Я давно уже жду тебя, Конан,— услышали они голос.— Поднимайся ко мне!

Словно дождавшись этой команды, шарик поплыл вперед, и четверо людей ступенька за ступенькой поднимались следом, пока не очутились перед окованной медью дверью, испещренной тайными знаками, которые причудливо переплелись в замысловатый узор. Дверь отворилась, светящийся шарик погас, и Конан со спутниками вошли в большую, устланную коврами комнату.

Олвина восхищенно осмотрелась. Никогда прежде ей не доводилось бывать в таком месте, как это. Резная мебель и настенные украшения были не просто предметами обстановки, а подлинными произведениями искусства, свезенными сюда со всех концов света. Серебряная посуда, фарфор и хрусталь поражали тонкостью изготовления и росписи. Девушка переводила зачарованный взгляд с одной вещи на другую, а ей уже хотелось посмотреть еще на что-то! Наконец ее взор наткнулся на Пелиаса, и она принялась рассматривать его, словно маг тоже был деталью меблировки. Колдун был сед, худ и высок и носи одежды ученого.

Олвина отметила его мягкую улыбку и словно проснулась. Ей стало стыдно, она потупилась и покраснела, сразу став похожей на пойманную за шалостью, пристыженную девчонку.

— Добро пожаловать, Конан! Рассаживайтесь, друзья. Я рад, что все мы в сборе, и даже Мэгил только что прибыл из Пуантена, словно вы сговорились заранее! Это добрый знак.

Конан повернулся к бывшему жрецу Митры.

— Как там дела?— с нетерпением спросил он.

— Один раз они попытались добраться до королевы и твоего сына, но все обошлось,— поспешил успокоить его Мэгил.— Правда, им удалось изрядно напугать твоих родных. Конан сжал кулаки, но промолчал. Тут только Пелиас заметил пришедшего с Конаном старца и порывисто вскочил.

— Вербар! — Они обнялись.— Как давно мы не виделись!

— Да, лет двадцать минуло с тех пор. Я слышал,— заметил Вербар,— что ты вырвался от Тзота, и давно уже хотел навестить тебя.

— Ну, вот и навестил.— Пелиас улыбнулся.— Садись. Нам очень

многое нужно обсудить, потому что завтра будет поздно.

Глава вторая
ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

— Почему ты мне не доверяешь? — Мэгил остановился в шаге от киммерийца, сверля его ожесточенным взглядом, и было видно, что он едва сдерживает гнев.

Конан хорошо понимал его состояние, когда чувствуешь собственную правоту, которая оказывается никому не нужна, и сделать ничего не в силах, и ради того, чтобы доказать ее, готов убить лучшего друга. Правда, сам-то он всегда поступал только так, как считал приемлемым для себя…

— Кром! Да разве ж я произнес хоть слово о недоверии?— Примирительным жестом король положил руку на плечо бывшего жреца. — Разговор идет лишь о том, как добиться успеха наверняка.

— А ты уверен, что Вербар,— Мэгил повернулся к старцу и слегка кивнул ему, как бы извиняясь,— справится с этим делом лучше, чем я?

Конан вздохнул с некоторым облегчением. Он всегда считал принуждение скверным способом добиваться желаемого. Как правило, его люди знали, что он делает и зачем, и зачастую он только из-за этого достигал успеха там, где другие терпели поражение. Сейчас он видел, что Мэгил перестает злиться и начинает думать, а значит, полдела сделано, и это уже немало. — Причин три.— Он посмотрел другу в глаза.— И Роза Сета, и Вербар — оба колдуны, и я надеюсь, что наш друг лучше осведомлен о том, чего можно ожидать от этой женщины.

— Я тоже немало знаком с этим,— сдержанно заметил жрец.

— Согласен,— кивнул Конан.— Но есть и вторая причина, и она гораздо существеннее первой.

— Что за причина?

— Помнишь, ты говорил, что побывал у Учителя, но явился слишком поздно и увидел лишь трупы?

— Почему ты обманул меня?— Конан увидел, как мгновенно напрягся Мэгил, а во взгляде его появились боль и непонимание.— Ведь Учитель не погиб!

— Откуда ты знаешь? — прошептал он, хотя вопрос этот не имел смысла.

— Значит, знаешь,— задумчиво сказал Конан.— А ты знаешь, что его ученик, видя, что Учитель бросил их, сдался Руке Сета? Не знаешь?

— Да пойми ты!— с болью выкрикнул Мэгил.— Учитель не мог предать, как не мог и умереть.

— Так как же ты объяснишь случившееся?

— Учитель ведь полубог,— нехотя проговорил Мэгил.— Митра вытащил его из передряги, когда положение стало безвыходным.

В комнате повисло тягостное молчание. Пелиас с Вербаром понимающе переглянулись, Калим с Олвиной не представляли, о чем идет речь.

— Примерно так же подумал и я. Податель Жизни спас Учителя и бросил остальных,— задумчиво проговорил Конан.— И это вторая причина: я не хочу, чтобы Митра вытащил тебя в самый неподходящий момент, и не потому, что желаю тебе смерти. Просто я хочу быть уверен в тех, кто пойдет со мной.

— Я не бог и даже не полубог,— мрачно заметил жрец.— Вряд ли Митра сделает для меня то, что счел возможным сделать для Учителя.

— Напрасно ты так думаешь,— заметил король.— Никому не ведомы пути Подателя Жизни!

— Что ты имеешь в виду?

— Вербара для пользы дела он пытался принудить к поступкам, которых тот сам никогда бы не совершил.

Взгляд Мэгила невольно переместился на старца, и тот кивнул, подтверждая сказанное. Мэгил помрачнел.

— И, наконец, третье,— продолжил Конан, так и не дождавшись его ответа,— Там, в подземелье, ты будешь лишен значительной части своей силы, потому что она происходит от света Ока Митры, а он не проникает туда, в то время как Рози встретит нас во всеоружии, понимаешь?

— Идея в том,— заговорил молчавший до сих пор Вербар,— что один из нас останется рядом с Шаром и послужит проводником Силы, чтобы тот, кто встретится с Розой Сета лицом к лицу, не оказался обезоруженным. Пелиас же проследит за тем, чтобы никто не смог нанести удар здесь, ни по тебе, ни по Шару Всевидения, поэтому от вас будет зависеть все.

— Но почему вниз идешь ты, а не я?— Мэгил в отчаянии повернулся к старцу.

— Я стар,— Вербар покачал головой,— и плохо подхожу на роль проводника Силы…

— Мне непонятно твое упрямство,— вновь заговорил Конан.— Все мы будем делать одно дело, и мне, к примеру, все равно, кто покончит с этой сукой, лишь бы она была мертва!

Мэгил же погрузился в размышления и ничего не отвечал, словно уяснял какие-то важные для себя вопросы.

— Не забывай,— с горькой усмешкой напомнил Вербар,— что я буду всего лишь оружием в твоих руках, и если тебя настолько волнуют вопросы личной доблести, то знай: если я не выдержу и ее удар пробьется сквозь меня, то и ты вряд ли отделаешься простым испугом.

— Хорошо,— нехотя согласился Мэгил,— я согласен.

— Вот и прекрасно.

Конан кивнул, словно ничуть не сомневался в окончательном ответе.

* * *

Киммериец вглядывался в картину, открывшуюся в Шаре. Обширное, покрытое бурой травой мрачное пространство открылось перед ним, и было оно совсем не похоже на то, что ему доводилось видеть прежде. Напротив него стояла Роза, или Рози, как сама она предпочла подписаться под обращенным к нему посланием. Казалось, взгляд ее впился в глаза киммерийца, хотя он знал, что этого быть никак не могло.

Слева, шагах в десяти, росла старая корявая осина с причудливо изогнутым, как знак вопроса, стволом. Рядом в расслабленной позе, опершись рукой о чудовищный лук, замер горбун-лучник. Его уродливое, словно вырубленное из суковатого полена, лицо казалось безжизненной маской, застывший взгляд бесцветных глаз был устремлен в никуда.

С правого края открытого Конану пространства замер в готовности могучий молотобоец. Его мощные руки привычно крепко сжимали рукоять чудовищного боевого молота. Он смотрел на повелительницу, словно лишь ждал от нее приказания пустить оружие в ход.

Посередине возвышался лысый пригорок, на котором стояли двое. Чей Чен что-то вполголоса объяснял прекрасной Лауде. Однако белокурая амазонка слушала его, казалось, вполуха. На пухлых алых губах ее играла снисходительная усмешка. Правая рука, державшая хлыст, нетерпеливо ударялась о бедро, привычно отбивая только ей слышный ритм. Она тоже ждала чего-то.

— Что это за место?— Конан обернулся к Пелиасу.— Я его не узнаю!

— Ты просто не знаешь, что такое Лур-Дун,— ответил тот.— Говорят, там под землей был целый город, уходящий вглубь, один Сет ведает на

сколько ярусов, хотя на поверхности над ним высилась всего лишь небольшая крепость. Ее снесли, быть может, заодно с самым верхним ярусом подвала, но что там уцелело в глубине, не знает никто.

— Нергал с ними!— воскликнул, наконец, киммериец.— Только сдается мне, что они чего-то ждут, и я подумал, не нас ли?

— Если так, то узнали они об этом не вчера и не сегодня — моя башня надежно защищена от подслушивания, если только сам Сет не помогает им! Но в таком случае дело плохо!— Он посмотрел на Конана.— Что делать дальше, решать тебе, мой король!

Конан обвел друзей внимательным взглядом:

— Если кто-то передумал, еще не поздно отказаться, потому что сейчас мы отправимся туда.

Конан указал рукой на Шар Всевидения и увидел утвердительный кивок Калима.

— Мы с тобой, Конан,— ответила за всех Олвина.

— Вербар?

— Я с тобой, мой повелитель.

— Мэгил?

— Я готов!

— Пелиас, ты уверен в себе?

— Да, мой король.

— Тогда отправляй нас!

В тот же миг окружающий его мир закружился, смешав воедино силуэты и краски, размазав их по доступному для глаз пространству. Киммериец почувствовал странную легкость в теле, и почти сразу ноги его снова коснулись тверди. Вращение прекратилось, мир начал обретать потерянную устойчивость. Размазанные силуэты начали группироваться в новые формы, наливаться красками.

Конан увидел, что стоит у подножия песчаного холма, и, прежде чем успел сориентироваться, услышал, как где-то слева от него раздался знакомый звук, словно снег захрустел под ногами, и бросился на землю. Над головой что-то просвистело. Конан откатился вправо, и вторая стрела с красным оперением вошла в землю как раз в том месте, где он только что лежал.

Конан услышал, как вновь натягивается чудовищный лук, готовясь послать в полет новую вестницу смерти, и откатился еще дальше. Где-то рядом расхохоталась Рози.

Киммериец собрался уже вскочить на ноги, когда скользнувшая по земле тень подсказала ему, что делать этого не следует. Он сделал еще один

кувырок и понял, почему смеялась Рози: чудовищный молот Шагра обрушился сверху, взрыв землю в том месте, где еще мгновение назад находилась его голова.

Конан откатился дальше и увидел великана, который намного превышал его ростом. Одним прыжком гигант оказался рядом и начал старательно вбивать киммерийца в землю. Лишь невероятная ловкость позволила северянину до сих пор оставаться в живых. Ни о какой борьбе пока не было и речи — Конан просто пытался не дать убить себя.

Кром! Где же эти проклятые идиоты?!

Проклятие его несколько запоздало: Калим уже отвлек великана на себя, и Конану удалось вскочить на ноги. Он тут же выхватил из-за спины один из двух клинков, но это, казалось бы, вполне естественное движение едва не погубило его. Он успел увидеть появившегося чуть впереди Вербара, но в следующий миг гибкое жало хлыста обвилось вокруг запястья и обожгло его болью. Он ощутил рывок и вновь повалился на землю.

Уже падая, он успел увидеть, как хлыст Лауды точно так же захватил и руку зингарца, а чудовищный молот едва не опустился ему на голову. Лишь неимоверным усилием тому удалось вывернуться, и оружие гиганта обрушилось на правое плечо Калима, ломая кости и опрокидывая зингарца навзничь. В тот же миг со свистом устремилась в полет черная стрела, пробив ему ногу и окончательно выведя из строя.

— Уходи!— успел крикнуть Конан, уворачиваясь от очередного удара вновь начавшего охотиться за ним молотобойца.

Вертясь ужом, он видел, как Олвина посылала в Родгага стрелу за стрелой, но, хотя из тела горбуна их торчало уже с десяток, тому было все нипочем. Он усмехнулся, медленно натянул свой лук, и Конан с убийственной ясностью понял, что сейчас произойдет.

Отчаянным усилием ему удалось откатиться и вскочить на ноги. Он рванул висевшую у пояса секиру и с разворота метнул ее в лучника. Одновременно тот спустил тетиву. Два смертоносных орудия устремились каждое к своей цели. Щелкнул хлыст Лауды, пытаясь дотянуться до лучницы. Олвина, не раздумывая, отклонилась влево, и это спасло ей жизнь. Стрела горбуна пронзила правое плечо девушки, заставив ее вскрикнуть от боли, и в следующий миг Олвина пропала: Пелиас вытащил и ее, опоздав всего на мгновение.

Опустив лук, Родгаг с ужасом увидел летящую ему в лицо секиру Конана и в страхе отпрянул. Уродливый изгиб ствола росшего за его спиной дерева принял в себя его тяжелое корявое тело, и в тот же миг

секира вонзилась в древесину, перерубив заодно и шею лучника. Тело его так и не упало, а осталось стоять, словно дерево приняло его в свое лоно. Огромная уродливая голова легла на вонзившееся горизонтально лезвие секиры, как на поднос, словно, несмотря на смерть, решила понаблюдать за тем, как будет разворачиваться бой.

Вербар появился перед Розой как раз в то мгновение, когда она собиралась прийти на помощь одному из своих людей. Он не стал тратить время на изучение обстановки, его целью была Рози, а потому, едва появившись среди сражающихся, старец нацелился посохом в колдунью, Длинная извилистая молния сорвалась с клюва орла и ударила ведьму в грудь.

Колдунья зарычала, как смертельно раненный зверь, и обернулась к магу. Рот ее хищно раскрылся, черты обострились, лицо стало страшным. Она разом постарела лет на двадцать.

— У тебя хватило глупости явиться прямо ко мне! Что ж, получай!

В правой руке у нее появился ритуальный кинжал, и, размахнувшись, она швырнула его в мага. Рука Вербара мгновенно метнулась вперед, ладонью к колдунье, и очертила в воздухе круг, незримым щитом прикрывший старца. Кинжал успел пролететь половину расстояния, прежде чем линия замкнулась. Едва это произошло, клинок повис в воздухе, словно воткнулся в нечто вязкое, но невидимое, не в силах ни упасть, ни продолжить полет.

Потеря секиры, а главное, сам бросок дорого обошлись Конану. Как ни маневрировал он, стараясь держаться подальше от Лауды, но потерянного им времени ей хватило, чтобы приблизиться. Запястье его вновь обожгло резкой болью, и мощный рывок повалил киммерийца на землю.

Высокий бюст почти обнаженной амазонки заколыхался от смеха. Лицо хоть и осталось злым, но стало довольным. Она отдернула назад хлыст и приготовилась к следующему удару. Проклиная все на свете, Конан катался по пожухлой траве с трудом, все-таки успевая уворачиваться от обрушившегося на него града ударов. Попутно он старался оказаться как можно дальше от амазонки с хлыстом, понимая, что если ей удастся его заарканить еще раз, то вряд ли он сумеет избежать гибельного удара молотом. Земля сотрясалась от тяжелых ударов, и если один из них настигнет его, это будет конец. Почва вокруг уже была взрыта молотом Шатра, но постепенно Конан добился своего — теперь его и Лауду разделяла мощная фигура молотобойца, и можно было вздохнуть свободнее.

Конан вскочил на ноги и вырвал из ножен второй меч, тот самый, что

достался ему от Чей Чена, но в это мгновение страшная картина предстала перед его глазами: видя, что ей не добраться до киммерийца, Лауда направилась к Вербару. Еще шаг, другой, и ничто не спасет старца. Конан рванул с пояса трехлучевую звезду, которую, сам не зная зачем, прихватил в оружейной Черного Колдуна, и швырнул ее в амазонку.

Бешено вращаясь, подобно маленькому вихрю, странный метательный снаряд по пологой дуге унесся вперед. Даже Шагр на мгновение остановился. Повинуясь наитию, Лауда повернула голову, глаза ее расширились от ужаса, но в последний момент она выгнула спину, и, не причинив ей вреда, звезда пронеслась мимо, резко замедляя полет, словно израсходовав на проделанный путь весь запас вложенной Конаном силы.

Лауда запрокинула голову и торжествующе и издевательски расхохоталась, а потому не видела, как звезда остановилась и, резко ускоряясь, полетела обратно. Когда боковым зрением амазонка все-таки заметила опасность, было уже поздно. Пропахав кровавую борозду внизу ее живота, звезда унеслась прочь.

Рана раскрылась, и все внутренности вывалились наружу. Молотобоец замер. Лауда оторопело уставилась на кровавое месиво у ног, но страшный смысл происшедшего еще не дошел до нее.

— Убей его!— крикнула она великану с молотом, и в тот же миг поняла все, и вновь, теперь уже с ужасом, опустила глаза, а когда осознала, что ее ждет, резкая боль скрутила тело, и она пронзительно завизжала на одной долгой, невообразимо высокой ноте.

Шагр первым очнулся от оцепенения. С ревом ярости, придавшим ему новых сил, великан взмахнул молотом, выбил меч из рук Конана и бросился на него. Звезда упала где-то рядом, но против боевого молота она была неподходящим оружием. Меч воткнулся в землю далеко в стороне, и Конан бросился к поверженной амазонке: ее хлыст, валявшийся неподалеку, был сейчас единственным оружием, которым он мог овладеть.

На песчаном пригорке все так же безучастно стоял Безымянный, словно происходящее никак не касалось его. Вербар тем временем вел свою борьбу. Он давно отбросил ставший ненужным посох и сосредоточил все силы на кинжале, который, движимый силой колдуньи, медленно, но неумолимо приближался к нему. Однако постепенно ситуация менялась. Вскоре движение клинка замедлилось, потом он остановился. Некоторое время держалось шаткое, готовое в любое мгновение нарушиться равновесие. Затем Вербар поднял левую руку и сделал хватательное движение, словно взял кинжал за рукоять, и резко повернул руку. Клинок развернулся острием к колдунье и тотчас двинулся вспять.

Конан подбежал к женщине, которая, стоя на коленях и дергаясь в непроизвольных конвульсиях, подбирала с земли измазанные кровавой грязью кишки и запихивала их обратно, но они, упрямо не желая удерживаться внутри, вновь вываливались наружу.

Успеть! Успеть!

Лишь одна мысль крутилась у него в голове. Конан сосредоточился на ней, и, похоже, само время откликнулось на его отчаянный призыв. Он подхватил валявшийся на земле хлыст и, мгновенно нырнув в сторону и назад, не глядя, с разворота нанес удар наотмашь.

Он увидел, как великан начал замахиваться для удара, но делал это ужасно медленно, словно в дурном сне. Ударить он так и не успел: хлыст обвился вокруг запястья. Конан дернул, и противник его, не удержав равновесия, повалился вбок, а потом, споткнувшись, и назад. Падал он тоже нереально медленно, словно тело его было набито невесомым пухом. Ударом ноги киммериец выбил из его рук тяжелый молот и, подхватив и разогнав его, с разворота нанес великану удар по спине, ломая позвоночник, бросая огромное тело на землю.

И тут все встало на свои места. Время вновь побежало, и Конан расслабился. В тот же миг киммериец вспомнил еще об одном противнике — Безымянном, который все это время отрешенно взирал на развернувшееся вокруг сражение, и бросился собирать оружие. Сердце не отсчитало и десяти ударов, а оба меча уже легли в свои ножны. Звезда ослепительно сверкнула в пожухлой траве. Конан нагнулся за ней, и через мгновение она повисла на своем месте у пояса.

Как ни странно, но киммериец не чувствовал к своим недавним врагам ненависти, хоть они убили многих его друзей, пытались расправиться с его семьей, уничтожить его самого, да еще поиздеваться при этом, не говоря уж о множестве невинных людей, погубленных ими хотя бы в Лироне. Они стали для него всего лишь несчастными калеками, обреченными на мучительную смерть. При этой мысли Конан недовольно поморщился. Даже вид поверженного великана, пытавшегося и теперь, с перебитой спиной, дотянуться до своего оружия, не вызывал у него ничего, кроме жалости.

Конан посмотрел на безучастно стоявшего Чей Чена, и тот, словно прочитав его мысли, кивнул.

Киммериец шагнул к Шагру. Тот так и не успел понять, что же произошло, когда голова его покатилась по земле. Одного он избавил от мучений. Оставалась его подруга. Воевать с женщинами северянин не привык. То, что уже случилось с ней, было настолько чудовищно, что

Конан не сделал бы рокового броска, знай, он заранее, чем тот обернется. Предстоящее не вызывало у киммерийца ничего, кроме отвращения, но иного выхода у него не было. Женщина стояла на четвереньках с вывороченными наружу внутренностями, валявшимися в кровавой луже, и громко икала, сотрясаясь всем телом.

Конан остановился перед ней.

— Извини, если можешь,— сказал он, хотя и не был уверен, что она способна еще понимать его,— я не желал тебе такой смерти. При звуке его голоса она подняла к нему одеревеневшее лицо, и, хотя взгляд оставался тупым и невидящим, на миг проблеск мысли засветился в нем. Она попыталась что-то сказать, но вместо слов кровь хлынула горлом. Меч Конана со свистом рассек воздух, и обезглавленное тело повалилось набок.

Киммериец посмотрел на противоборствующую пару. Фигура Вербара светилась голубоватым сиянием. Он был до краев наполнен силой и двинул эту силу вперед, пользуясь ею как тараном. Словно орудие возмездия, жертвенный кинжал, Клинок Тьмы, приближался к ведьме, облик которой претерпел страшные изменения. Лишь страх и злоба еще жили в ней и давали силы для борьбы, но злая мощь, источаемая колдуньей, высасывала из нее все силы. Она стала похожа на древнюю старуху, скрюченную ненавистью ко всему доброму и светлому. От иссушенной плоти остались одни кости, и Конан узнал ее… От накатившегося омерзения он вздрогнул и отвернулся.

Он обернулся туда, где остался стоять прислоненным к дереву мертвый Родгаг. Лучника-горбуна больше не было. Уродливое тело вросло в ствол. Длинные руки обернулись опустившимися к земле корявыми ветвями, срубленная голова стала огромным наростом причудливой формы, в который секира Конана вросла, казалось, сотню лет назад.

Напротив, там, где упал обезглавленный Шагр, лежало истекающее кровью тело молодого быка. Отсеченная лобастая голова валялась тут же, и лишь огромный боевой молот напоминал о том, что еще недавно он мог ходить, разговаривать, сражаться, не слишком сильно отличаясь от человека.

Труп Лауды изменений не претерпел.

Конан направился к Чей Чену. Тот стоял в двух шагах от поверженной амазонки и спокойно смотрел на приближающегося киммерийца. Он не попытался бежать, чего Конан от него и не ждал, не обнажил оружия, и это было уже непонятно, а когда киммериец остановился, посмотрев ему в глаза, сказал:

— Я не желаю с тобой драться, Конан. Я дрогнул когда-то, и все эти

годы расплачивался за ошибку, увеличивая творимое зло. Если хочешь, возьми мою жизнь без боя или покарай иначе.— Он снял с перевязи свой меч и протянул его киммерийцу.— В любом случае прими его от меня как дар — он должен служить добру.

— Так умри же, предатель!

Черно-багровая молния ударила Безымянного в спину, исторгнув из разверстого болью рта глухой стон. Он зашатался и упал. Конан успел подхватить падающее тело. Последним усилием Чей Чен открыл глаза и улыбнулся киммерийцу.

— Все правильно — я заслужил смерть,— прошептал он,— и я рад, что принял ее не от твоей руки.— Голос его быстро слабел.— Значит, боги вняли моей просьбе и даровали мне смерть от врага, а не от того, кого я хотел бы назвать своим другом.

Голова его безвольно повисла на руке Конана, и он осторожно положил погибшего на траву.

Месть дорого стоила Розе. Всего на мгновение отвлеклась она от поединка, и соотношение сил резко изменилось. Клинок рванулся вперед, и остановить его колдунья смогла только возле самой груди. Меньше локтя отделяло теперь несущее смерть острие от тела колдуньи. И, тем не менее, близость поражения не сломила ее, а, наоборот, придала новых сил, быть может, за счет взыгравшей в ней злости.

— Тебе не победить меня, колдун! — взвыла она.— Здесь повелеваю я!

Ее уродливое тело окуталось черным пламенем, багровое сияние стало ярче, и клинок начал медленно отдаляться. Повисшее в воздухе напряжение возросло до опасного предела. Из недр земли донесся отдаленный рокот, и Конану показалось, что сама незыблемая твердь, на которой он стоял, качнулась под ногами.

— Уходи, Конан! — закричал Вербар.— Тебе нельзя здесь оставаться!

Киммериец хотел возразить, но не успел: фигура старца, до этого мгновения источавшая слабое голубоватое сияние, окуталась густым лазурным пламенем с ослепительно белыми сполохами, и Конан понял, что старец решил пожертвовать собой. Его руки, символически державшие клинок, направленный в грудь колдуньи, резко рванулись вперед, острие вонзилось в уродливое тело. Конан услышал быстро нарастающий рокот, грозный гул проснулся где-то в невообразимых глубинах. Он потянулся мыслями к Пелиасу, успел увидеть, как, слившись воедино, закружились в неистовом танце багровое и голубое пламя. Страшно закричала Рогаза, ибо это была именно она, откуда-то сверху начали падать камни, и все пропало.

* * *

Словно на крыльях, безжалостно погоняя коня, несся Конан в Пуантен, где остались жена с сыном, и жеребец будто разделял нетерпение хозяина, без устали сокращая отделявшее их от цели расстояние.

Издавна знакомыми тайными тропами пробирался он через перевалы, скакал по руслам горных рек в местах, где, разлившись, они неспешно текли по дну долины, пока наконец вдалеке не показались башни родового замка Троцеро.

Вихрем промчался он сквозь ворота замка, соскочил у самого входа, бросил поводья подскочившему слуге и, не дожидаясь, пока о нем доложат, пронесся по бесконечным коридорам и ворвался в спальню. Тут радость его померкла, когда он увидел жену прикованной к постели.

— Что с тобой, радость моя?!

Он бросился на колени перед больной, припал губами к ее бессильно свесившейся руке.

— Все хорошо, милый.— Она слабо улыбнулась.

— Тогда что все это значит? — Он красноречиво обвел недоумевающим взглядом постель.

— Я почувствовала смертельную опасность, угрожающую тебе, и умолила Митру принять мою жизнь взамен твоей. Не сердись. Мне грустно умирать,— в глазах ее появились слезы,— но я рада такому исходу.

* * *

Конан стоял перед статуей Деркэто в святилище Богини Страсти, и его неподвижный взгляд был устремлен в ее невидящие бронзовые глаза. Он долго молчал, пока горячий сухой воздух не поплыл перед глазами, странным образом искажая предметы, а брошенные в курильницы благовония не наполнили комнату незнакомыми ароматами.

Метавшиеся в голове мысли упорно не желали укладываться в стройную цепь рассуждений, просьб, пожеланий, вопросов — словом,

всего того, о чем он хотел говорить с богиней. Это злило, и злость еще больше мешала ему сосредоточиться. Наконец он не выдержал.

— Деркэто!— хрипло обратился он к безжизненной статуе.— Я ведь знаю, ты слышишь меня!

Он смотрел в глаза бронзовой богине, и ему казалось, что смешливый, лукавый огонек блеснул в ее глазах. Впрочем, вполне могло оказаться, что это просто случайный отблеск темного пламени в жаровне вспыхнул ярче, чем следовало.

— Ну же, Деркэто! К чему эти игры?— Он неотрывно смотрел в ее глаза, а потому не заметил, как и в какое мгновение бронзовое тело статуи превратилось в живое тело прекрасной богини. Она сидела в позе лотоса, и в неверном багряном свете ее кожа отливала бронзой.

— Чего ты хочешь от меня, смертный?— сурово спросила она, хотя глаза ее, устремленные в глаза киммерийца, не переставали смеяться.

— Я хочу знать, что случилось с моей женой!

— Как?!— удивленно воскликнула она.— Ты пришел ко мне с просьбой, но не принес даров, даже не высказал слов уважения! Ты даже не восхитился моей красотой и не сказал, что больше всего желал бы оказаться подле меня! И сразу — «я хочу»!

Конан опешил, и взгляд его помимо воли пал на умопомрачительную грудь богини, заставив сильнее забиться сердце, скользнул ниже, и Конан поспешно отвел глаза, чтобы вновь встретиться со смеющимся взглядом Деркэто.

— Ладно! Можешь не изъявлять своего восторга, тем более что красноречием ты никогда не отличался. Ты ведь человек действия, не так ли? Говори.

— Моя жена просила Митру принять ее жизнь вместо моей. Он принял жертву, и теперь она медленно умирает. Я пришел просить тебя помочь ей.

— А почему ты пришел с этим сюда, а не в храм Митры?

— Потому что я не верю ему.

— Здравая мысль,— кивнула Деркэто,— но тогда мне еще непонятнее, почему в остальном ты столь наивен. Митра никогда не удовлетворил бы такую просьбу!

— Но что же тогда?

— Митра карает твою жену смертью за совершенный ею грех или, вернее, восстанавливает справедливость. Податель Жизни никого не наказывает смертью!— с сарказмом воскликнула она.— Он ведь Податель Жизни!

— Да что же за грех совершила Зенобия?

— С точки зрения Митры, страшный грех.

Конан вконец растерялся. Он уже ничего не понимал. Зенобия?! Да чего же такого непростительного она могла совершить? Прегрешения, расплата за которые одна — смерть?! Что за чушь!

— Расскажи мне,— тихо попросил он.

— Ты действительно хочешь этого?

Конан молча кивнул.

— Хорошо же, слушай. Помнишь девушку, которую ты некогда вырвал из лап старой ведьмы — Рогазы?

Конан вновь кивнул.

— Она долго ждала тебя, но ты все не возвращался, и постепенно надежда ее таяла, пока она не поняла, что ты пошел дальше своим путем. Ты отказался от нее, но она не смогла поступить так же и, когда поняла это, пошла в храм Митры, чтобы молить всесильного бога соединить ваши судьбы, но он не прислушался к просьбе. Тогда с тем же она обратилась к Иштар, но и она лишь посочувствовала, посоветовав на прощание найти замену тебе. Тогда, отчаявшись, она пришла ко мне, и, по правде сказать, не понимаю, почему она не поступила так с самого начала.

— И что ты сделала?— глухо спросил киммериец.

— Я предложила ей расстаться с жизнью, чтобы вселить ее душу в только что родившуюся девочку, которой судьбой предначертано было стать твоей женой. Признаюсь сразу, что мне было очень непросто заглянуть так далеко в будущее, но я сделала это.

— Так что же произошло?

Конан по-прежнему не понимал, что за грех совершила его жена.

— Она должна была хранить этот секрет в тайне ото всех, но Роза, эта сука Сета, каким-то образом узнала обо всем. Пока ты подбирался к ее логову, она попыталась запугать твою жену, а когда это не удалось, наслала предчувствие нависшей над тобой смертельной угрозы и добилась-таки своего — Зенобия бросилась в храм Митры и в приступе откровения рассказала ему обо всем, умоляя сохранить тебе жизнь, а Митра не из тех, кто прощает подобное.

Конан долго молчал, осмысливая услышанное. Он припомнил печать тайны, читавшуюся порой во взгляде его жены, и понял, наконец, причину находившей на нее временами грусти. Как жаль, что все это теперь уже в прошлом!

— Но что же делать? Разве ты ничем не в силах помочь?

— Я?— Она искренне удивилась.— А зачем мне это? Один раз я уже

помогла своей счастливой сопернице соединиться с любимым.— Она красноречиво посмотрела на Конана, обращая его внимание на двойной смысл последнего слова.— Ты видишь, что из этого получилось? Стоит ли повторять сделанные ошибки? К тому же без всякой выгоды для себя! Вот если бы…

— Что если бы? — встрепенулся Конан.

Казалось, он был готов сейчас на что угодно. Впрочем, быть может, так оно и было на самом деле?

— Если бы ты согласился остаться со мной…

— Я согласен,— сказал Конан, который, похоже, ожидал именно этого.

Некоторое время они молча смотрели друг другу в глаза. Казалось, Деркэто добилась своего, но удовольствия почему-то не испытывала… Да и какое уж тут удовольствие? И даже старая истина, гласившая, что в любви каждый старается для себя, не помогала: что за радость насильно удерживать при себе любимого, зная, что, даже лаская тебя, мыслями он с другой!

— О, Высшие Боги!— с сарказмом воскликнула она.— До чего же я дошла!— Она грустно покачала головой.— Ладно,— сказала, наконец, богиня, словно решившись на что-то, и взгляд ее просветлел, а на душе сразу стало легче,— я сделаю все, что смогу.

* * *

Заменявшие стены высокие беломраморные колонны поддерживали легкую двускатную крышу. Потоки света лились с высоты, а свежий ветер, свободно врывавшийся внутрь, трепал густые кудри сидевшего на троне мужчины.

Длинная белоснежная тога и легкие сандалии составляли все его одеяние. Взгляд бородатого мужчины с волевым лицом задумчиво блуждал вдоль ряда колонн, ни на чем не задерживаясь. Было похоже, что он ждет кого-то или обдумывает важную проблему, решение которой никак ему не дается.

Какое-то странное возмущение возникло в пространстве перед троном, словно воздух вдруг стал жидким, но не потерял при этом своей прозрачности, а принялся мерно перетекать и перемешиваться. Однако это

едва различимое движение не осталось незамеченным для сидящего на троне. Он тотчас повернул голову и всмотрелся повнимательнее в вихри воздуха.

— Я давно уже поджидаю тебя,— сказал он через мгновение, встал и шагнул ему навстречу.

Вихрь тут же прекратил вращаться. В считанные мгновения отдельные части его встали на свои места, и перед Подателем Жизни возникла Она.

— Деркэто! — не удержавшись, воскликнул он.— Ты, как всегда, неотразима!

Она гордо вскинула голову, улыбнулась, поправила высокую прическу, которая состояла из сотен маленьких завитков, искусно и со вкусом уложенных так, чтобы полностью открыть точеную высокую шею. Ее лицо дышало свежестью и навевало невольные мысли о тихом весеннем утре, о только что проклюнувшемся подснежнике и ласковых солнечных лучах, впервые после долгой зимы решившихся напомнить о себе.

Роскошный кхитайский халат укутывал все тело богини, оставляя открытыми лишь шею и маленькие изящные ступни, на которых даже неуклюжие сабо казались изысканным украшением.

— Ты всякий раз другая!— снова воскликнул Митра, окинув ее восхищенным взглядом.— Я никак не могу привыкнуть к этим переменам! Впрочем, насколько я понял, ты ко мне по делу?

Он заглянул в бездонную глубину изумрудных глаз гостьи и, почувствовав, что безвозвратно тонет в них, поспешно отвел взгляд.

— Я действительно пришла по делу,— ответила она низким, грудным голосом, постоянно заставлявшим его трепетать, как простого смертного, — и надеюсь, что ты не откажешь в моей маленькой просьбе.

— Конечно, обожаемая! — с готовностью ответил он.— Только избавь меня от наложенного тобой заклятия, или…

Он с внезапно вспыхнувшей надеждой поймал взгляд Богини Страсти, но она лишь грустно, не желая обидеть его, улыбнулась.

— Прости, Светозарный, но это «или» ты исключил сам.

— Но почему?!

— Я не люблю,— со значением сказала она,— когда кто-либо использует меня для собственных целей… Без моего согласия.

— Но…

— И покончим с этим!— мягко, но непреклонно остановила Деркэто готовый уже было вырваться поток возражений.— По крайней мере, пока время не изгладит все из памяти.— Она помолчала ровно столько, чтобы он понял, что дальше настаивать бесполезно.— Но заклятие я могу снять,

— добавила она, подумав.

— Мне не остается ничего иного, как подчиниться, несравненная,— ответил Митра, правда, уже без прежнего воодушевления.— Так чем я могу заслужить твое прощение?

— Оставь в покое жену Конана.

— Этого я не могу сделать.— Владыка Света покачал головой и упрямо поджал губы.— Она нарушила установленный мною жизненный порядок, и мне больно думать, что ты помогала ей в этом.— Он говорил, а Деркэто улыбалась.— Никто, кроме меня, не имеет права дарить человеку жизнь. Я Податель Жизни!

— Ну, так и даруй ее,— богиня равнодушно пожала плечиком,— зачем тебе понадобились лавры Нергала?

— Я всего лишь восстановил справедливость.

— Оставь словоблудие для своих жрецов!— Деркэто брезгливо поморщилась.— Ты просто медленно убиваешь ее! Эта женщина попросила меня соединить ее с любимым. Так что нравится это тебе или нет, но я была в своем праве, откликнувшись на ее мольбу. Ты же нарушил мои планы! Тебе не кажется, что я могу воспринять это как оскорбление?

— Ого!— усмехнулся он.

— Больше того,— невозмутимо продолжила она,— как вызов! Мне кажется, что ты просто забыл о договоре, заключенном между нами, богами. Каждый волен делать что пожелает, но при этом не должен лично вмешиваться в дела остальных!

— Ты не имела права делать то, что сделала,— упрямо повторил Митра.

— Что ж, отчасти ты прав,— согласилась она,— но ведь и я делала свое дело. Мне странно, что ты этого не понимаешь! А может, просто делаешь вид? Впрочем, если уж ты так непримирим,— усмехнулась она,— почему бы тебе не поставить на место Сета? Ты ведь прекрасно знаешь, что делает он с людьми!

— Ты не понимаешь!— вспылил он.— Дело вовсе не в женщине, а в Конане! Он слишком горд и непокорен!

— Ага! Вот мы и добрались до сути!— усмехнулась Деркэто.— Однако ни его гордость, ни непокорность не помешали тебе обратиться к Конану за помощью, когда она тебе понадобилась!

— И он отказал мне!

— Как бы там ни было, но он сделал то, что ты хотел!— Она в упор посмотрела на него.— Оставь Зенобию, я сниму свои чары, и все будут довольны!— Она помолчала.— Подумай также и о том, что все

изменяется. Что, если вновь тебе придется искать поддержку у смертного?

— Не беда!— запальчиво воскликнул Владыка Света.— Всегда найдутся охотники!

— Найдутся,— согласилась богиня.— Но таких, как он, пока нет в этом мире. Ну же, умерь гордыню. Тебе она не к лицу!

Светлый Бог надолго задумался, и Богиня Страсти стояла рядом, терпеливо ожидая, какое решение он примет. Наконец Митра повернулся к ней, и Деркэто по глазам увидела, что он сдался.

— Пусть будет по-твоему, но,— и тут лицо его помрачнело,— пришла ты поздновато. Многого уже не исправить.

— Что это значит?— насторожилась она.

— А значит это,— теперь уже с сожалением ответил Митра,— что годы, прожитые ею в теле Мелии, вычтутся из жизненного срока, отпущенного судьбой Зенобии.

— И ничего…

— И сделать ничего уже нельзя,— он покачал головой,— она умрет. Быть может, и не скоро, но раньше Конана, хотя и намного моложе его.

— Что ж, пусть будет так.

* * *

Зенобия резко натянула поводья, заставила коня присесть, останавливаясь, и с радостной улыбкой обернулась. Конан быстро нагнал ее, Кони же на своем пони безнадежно отстал и теперь погонял маленькую лошадку, изо всех сил стараясь поскорее оказаться рядом с родителями.

Король спрыгнул на землю, заботливо протянул руки, и королева мгновение смотрела на него, кокетливо наклонив голову, прежде чем позволила снять себя с коня.

Невдалеке уже виднелись башни Тарантии.

— Вот и подошло к концу наше путешествие.— Зенобия помрачнела.

— Тебе неприятно?

Конан с огорчением увидел темную тень, наплывшую на ее лицо.

— Ты знаешь,— тихо сказала она,— ни за что в жизни я не согласилась бы повторить этот… Эту прогулку. Но о прошлом не жалею, ведь все, что случилось, только сильнее сблизило нас.

Они долго смотрели друг другу в глаза, так и не сказав больше ни

слова, быть может, потому, что понимали друг друга без слов.

Принц выскочил из-за поворота дороги в окружении свиты, и король с королевой поняли, что пора трогаться в путь. Всего через несколько мгновений поднятая копытами коней пыль улеглась. Никто из умчавшихся в желанную и прекрасную Тарантию так и не заметил, как неясная дымка, совершенно незаметная в ослепительных лучах полуденного солнца, обрела цвет и объем, приняв облик невиданной красавицы, облаченной в кхитайского шелка роскошный халат желтого цвета — цвета печали…

С грустью и любовью смотрела она вслед умчавшемуся киммерийцу и, ни к кому не обращаясь, прошептала:

— Что ж, Конан,— я сделала все, что могла, хотя это и разрывало мое сердце, заставляя его истекать кровью… Мне не в чем себя упрекнуть. Надеюсь, что, когда настанет время, ты сумеешь оценить это…

И так же незаметно, как появилась, она исчезла.

Сканирование и вычитка: Lord